

ДНЕВНИК ПОХОДА ТИМУРА В ИНДИЮ

ПРЕДИСЛОВИЕ ПЕРЕВОДЧИКА

Накануне первой мировой войны петербургской Академией наук было задумано издание “Текстов по истории Средней Азии”. В первом выпуске этой серии (оказавшемся, к сожалению, и последним) был издан Л. А. Зиминим персидский текст труда Гийасаддина 'Али (В настоящем издании имена, редко встречающиеся географические названия и термины даются в транслитерации согласно правилам, принятым в Издательстве восточной литературы (на основе системы транслитерации, разработанной акад. И. Ю. Крачковским и проф. А. А. Ромаскевичем). — *Ред.*) “Дневник похода Тимура в Индию”, вышедший под редакцией акад. В. В. Бартольда (Петроград, 1915) Персидское название этого издания ***

Труд Гийасаддина 'Али известен по уникальной рукописи Туркестанской публичной библиотеки (ныне принадлежит Институту востоковедения Академии наук УзССР); ее современный инвентарный № 1520/П, а по каталогу Каля

(“Персидские, арабские и тюркские рукописи Туркестанской публичной библиотеки”, Ташкент, 1889) — № 14/б (стр. 13, 14 его каталога).

Упомянутая книга и представляет издание этой рукописи, исполненное не факсимиле, а подвижными буквами и имеющее весь необходимый научный аппарат. За крайнюю добросовестность и тщательность этого издания ручаются имена выполнивших его историков Востока — Л. А. Зимина и его учителя В. В. Бартольда, ныне покойных. В двух обширных предисловиях к этому изданию оба они детально разобрали труд Гийасаддина 'Али, отметили его важное значение для истории Тимура, большую зависимость от него таких известных [6] историографов “Железного Хромца”, как его современник Низама'ддин Шами и писавший через двадцать лет после Тимура Шарафаддин 'Али Йазди, установили историю возникновения этого труда, дали его конспект и привели прочие подробности, столь важные для уяснения места “Дневника” среди других восточных трудов, излагающих историю Тимура. Ученые издатель и

редактор ввели в изданный ими текст “Дневника” параллельно соответствующим местам из сочинения Гийасад-дина 'Али извлечения из хранящейся в Британском музее единственной рукописи истории Тимура (“Зафар-нама”) Низа-маддина Шами, чтобы нагляднее показать зависимость второго автора от первого, и в многочисленных примечаниях привели разночтения в собственных именах, отдельных словах и предложениях из рукописи Низамаддина Шами и калькуттского издания 1888 г. “Зафар-нама” Шарафаддина Йазди.

Когда в октябре 1942 г. в Комиссии по организации переводов восточных текстов по истории Средней Азии, образованной при Государственной публичной библиотеке УзССР, было решено дать в русских переводах главнейшие сочинения по истории Тимура, написанные его современниками, в числе их был и труд Гийасаддина 'Али, перевод которого поручили нижеподписавшемуся. Я выполнил его полностью, ничего не пропустив; не дал лишь перевода параллельно приведенных извлечений из “Книги побед” Низамаддина Шами: они такого же

содержания и отличаются лишь стилем, большой лаконичностью и легкостью языка. Но в примечаниях я каждый раз отмечал эти извлечения и их место среди текста Гийасаддина 'Али, как считал необходимым в ряде случаев отметить и варианты разночтений отдельных слов у Низамаддина Шами и в печатном издании “Зафар-нама” Шарафаддина Йазди, которые дает издатель в примечаниях. Еще при издании текста Гийасаддина 'Али “ни издатель, ни редактор не могли взять на себя задачу восстановить правильное чтение личных имен и географических названий (особенно индийских), встречающихся в одной и той же рукописи в различных видах” (из предисловия В. В. Бартольда, стр. XXXV); это относится и к выполненному мною переводу. Я вынужден был все неизвестные мне собственные имена, личные идеографические, которые невозможно правильно прочесть при отсутствии в них долгих гласных или огласовки для кратких, дать в транслитерации с точками там, где должна быть буква, изображающая тот или иной

гласный звук, а в примечаниях — начертание этого имени арабской азбукой, как в тексте.

В некоторых местах (например, на стр. 158, 170, 180) приведены арабские двустишия (байт) с погрешностями против [7] метра. Слова, заключенные в квадратные скобки, добавлены переводчиком для связи. В установлении приемлемого перевода мне оказали товарищескую помощь арабисты В. И. Беляев и М. А. Салье, за что выражаю им свою признательность.

Что касается самого произведения Гийасаддина 'Али, то вполне вероятно, что в основу его был положен дневник верховного судьи Насираддин 'Омара, сопровождавшего Тимура в индийском походе и, как отзывается наш автор, при всей своей учености обладавшего храбростью и отвагою подлинного воина. “Он и в опасных сражениях, где отказывались принимать участие ученые мужи и люди, подобные им, опередил храбрейших людей прежнего времени”, — говорит Гийасаддин 'Али. По-видимому, Насираддин 'Омара увлекала в Индию не столько

воля Тимура, сколько его собственное рвение принять непосредственное участие в этой войне. Подметив слабую сторону в характере Тимура, его необычайно нежную любовь к внуку Халил Султану, Насираддин 'Омар снабдил свой дневник индийского похода предисловием, посвященным по желанию Тимура Халил Султану, столь отличившемуся в этом походе, несмотря на свою юность.

Таким образом, участником индийского похода была написана и посвящена внуку Тимура Халил Султану книга, излагающая в форме ежедневных записей всю историю этого похода. Можно думать, что сухой перечень событий в форме дневника не удовлетворил Тимура, и он поручил написать расширенный дневник похода Гийасаддину 'Али, который, по его собственным словам, “большую часть своей жизни (был) погружен в религиозные науки, а в составлении вещей повествовательно-исторического характера казался маленьким водоемом”.

Исполнителю ставилось условие, чтобы эта работа была написана “стилем, далеким от неестественности и вполне понятным”. Читая “Дневник”, видишь, как

плохо этот ученый теолог из города Йезда справился с задачей. Он, можно думать, целиком взяв в основу повседневные записи Насираддин 'Омара или другого лица, не подверг их литературной обработке, не ввел в них дополнительных подробностей, несомненно, имевшихся, если не в письменной форме, то в устной передаче участников похода.

Гийасаддин 'Али поставил себе задачу — на фоне повседневной походно-боевой обстановки, ежедневных стычек, сражений и поисков неприятеля под лозунгом “священной войны за веру” представить исполинский образ Тимура, наделив его сверхчеловеческими чертами. В выражениях необычайно витиеватых, нередко труднопонимаемых, сопровождаемых порою чудовищными гиперболами, Гийасаддин 'Али представил Тимура [8] в виде избранной Аллахом персоны, на которую направлено благоволение божества и которая во всех своих действиях пользуется поддержкой потустороннего мира. Если он не пророк, то во всяком случае всемогущий господин человеческих судеб, а исполнение его

велений предопределено Аллахом. С непредвзятой точки зрения мусульманства такой взгляд даже на монарха представляется кощунственным, но, по мнению автора рукописи, вероятно, Тимур достоин уподобления Аллаху. Потому-то все сочинение по сути своей является трескучим, часто вымученным панегириком, преступившим границы всего возможного. Можно думать, что подобная концепция Гийасаддина 'Али не пришлась по вкусу Тимуру; к тому же она оказалась выраженной языком, прямо противоположным замыслу Тимура, — чтобы этот труд был написан “стилем, далеким от неестественности и вполне понятным”. И Тимур, как известно, забраковал его.

Обращаясь к фактической стороне этого “Дневника”, мы должны признать за ним не только значение весьма важного первоисточника по истории Тимура, о чем уже подробно было сказано учеными издателем и редактором персидского текста Гийасаддина 'Али, но и значение первоклассного источника, помогающего уяснить те военные приемы, стратегические и тактические методы,

которые применял в войнах и при осадах такой великий мастер военного искусства, каким был Тимур, Ценна для историка и такая, казалось бы, мелочь, как упоминание девиза Тимура “Справедливость и сила”, совершенно меняющее господствовавшее до сих пор в науке понимание его как “Справедливость — сила”. В этом труде немало интересных штрихов, характеризующих Тимуров институт эмиров и бахадуров и его структуру. Многое заставит вдумчивого историка сделать соответствующие выводы и из потрясающих сцен героического сопротивления населения Индостана джагатай-скому вторжению, которые вызовут, несомненно, у многих симпатию к этим людям.

В конце изданного текста “Дневника” имеется добавление из хранящейся в Британском музее уникальной рукописи труда Низамаддина Шами “Зафар-нама”. Оно посвящено походу Тимура против “кафиров” [сийахпушей] Афганистана. Поскольку это событие тесно связано с индийским походом Тимура, его описание также присоединено в русском переводе к предлагаемому вниманию просвещенных

читателей настоящему переводу “Дневника”
Гийасаддина 'Али.

[ПРЕДИСЛОВИЕ]

*Во имя Аллаха милостивого, милосердного, к
которому обращаемся за помощью!*

Хвала государю мира, — да возвеличится его имя и да прославится упоминание его! — который в это счастливое время ввел шар земли в могущественный чауган ¹ полного величия обладателя счастья [эмира Тимура, хвала ему], небо достоинства которого, как достоинство неба, не подлежит никаким сомнениям, который сделал поверхность земли ареной для прогулок чистокровного коня счастья хаканского, превознесенного до неба. [Хвала тому], который степень величия своего, выходящего из пределов, постигаемых умами, и бразды [правления] делами мира вложил в могущественные руки миродержца [эмира Тимура], который на ристалище насаждения правосудия и распространения справедливости обогнал [всех] властителей мира в [назидание] всем сожигателям мира [великим завоевателям], развязав

пояс отваги у [самого] Марса. [Хвала тому], который
вложил во властные руки обладателя счастья [эмира
Тимура] ключ покорения и победы, сокрушающий
удар которого поражает грудь ночи в раннее утро, а
от удара его меча [разящий] кинжал солнца прячется
в ножны мрака. О непорочный [Аллах], ты такой
государь, который [своим] всеобъемлющим
совершенством вручил восток и запад мира такому
великому человеку [12] [как эмир Тимур], поскольку
его счастливое рвение ограничено благоденствием
[твоих] рабов, и который подчинил [все] страны и
земли Ирана и Турана [своему] мирозавоевательному
знамени, ибо его благородная мысль преизобильна и
беспредельна в отношении безопасности и
постоянного спокойствия [сих] стран. Ты такой
творец, который [своим] превосходным созиданием
связал благоденствие земнородных с [своим
самодовлеющим бесподобным] бытием, что служит
проявлением [твоей] милости и гнева [как] творца.
[Хвала тебе, который] освободил тварей мира,
блеском счастья и светом правления

могущественного, как небо, хакана, из мрака тирании
и от темноты невежества /2/.

Стихи

О ты, все сущее благодаря тебе возникло,
Слабый прах благодаря тебе стал могущественным!

Коловратность времени и неподвижность полюса
[произошли] от тебя. Сад бытия и вода жизни
созданы тобой.

Боже, каким языком мы воздадим тебе благодарность
за эти великие благодеяния, осязаемые результаты
которых видны во всех странах мира, как свет
блистающего солнца? Какими словами нам
благодарить тебя за эти великие дары и бесконечные
милости, все полезное от которых сверкает во всей
вселенной подобно сиянию освещающего мир
солнца?

Стихи

Если даже каждый мой волос станет языком
И каждый станет восхвалять тебя,
То все же я стану неочищен в своем косноязычии [чтобы

достойно восхвалить тебя]:

Из сотен похвал я и одной не высказал бы тебе.

По этой волнующей реке и безбрежному морю,
сочащиеся капли вод которых попадают в страны и
большие города, мы судим об обилии [твоей]
всеобъемлющей милости. Через этот блестящий
солнечный свет и это яркое солнце — кои да
пребудут до пределов возможности постоянны! —
мы в поисках [твоего] милосердного лица
увеличиваем свет [нашего] зрения.

Стихи

Страстно желающие найти тебя — снедаемы любовью [к тебе] и безрассудны,

Мудрые же в отношении [постижения] твоих качеств — ничтожны.

Воспоминание о тебе окрыляет дух, а описание тебя обольстительно.

Имя твое — утешитель в печали, слово твое пленительно.

Бесчekanная монета твоего благосклонного принятия
[просьб твоих рабов] — наличные деньги надежд [даже] негодяев. **[13]**

Без запечатления твоею благосклонностью старание

осуществить [любое] дело есть прах.

Временами самым твоего гнева действует заодно с
[губительной осенью],

Временами же зефир твоего благорасположения сопутствует
прохладному ветерку.

Он царь владения — познание его составляет
потребность души; упоминание о нем успокаивает
дух; нахождение его — вечная собственность;
служение ему лучше, чем блаженная жизнь в
загробном мире; одно дыхание с ним лучше всего,
что [есть] на земле и на небе; [все] твари суть
проявление его могущества; властители мира
взлелеяны его милостью; шеи упрямых гордецов — в
аркане его величия и гнева, а сердца [его] друзей — в
саду его прелести и благорасположения /3/.

Стихи

Ты не найдешь ни одного тюльпана в этом саду,

Если от любви у тебя не будет следа на сердце.

Ты не увидишь ни одного бутона у ручья,

Если не будет в сердце твоём запаха любви [к божеству].

Славословящие вышний мир перед чертогом [его] славы, опоясавшись поясами устранения внушаемого [им] ужаса и уважения, внемлют его повелению, [созерцают] все [его] деяния и [постигают] все капли моря его величия и славы. Вследствие этого я славлю того, который всемогущ, в море величия которого заблудились умы и возвратился вспять разум, не постигнув его могущества.

Стихи

Хвала тому творцу, [все] качества которого преисполнены величия [и который]

На ничтожный прах ² низвергал разум пророков.

Если бы даже сто тысяч лет [все] существующие твари

Размышляли о качествах и величии [своего] господа,

Они в конце концов пришли бы к признанию: “О боже!

Известно стало нам [теперь], что мы совершенно не познали [тебя]!”

Да пребудут многочисленные благословения в

жертву священного духа, сущности существующего,

господину всего сущего, лучшему из творений и

свету очей людей созерцательной жизни [пророку

Мухаммаду]! **[14]**

Стихи

Мухаммад, не претендуя на престол и корону,
[Тем не менее] взимает мечом с государей харадж ³
[Впрочем], я ошибся, он государь лотоса ⁴ [божественного]
трона,
Так что он был и коронованной особой, и могущественным
монархом.
Его тело было близким к престолу небес,
А голова его была обладательницею венца творца.

Он посол, который является солнцем, украшающим
мир, ибо свет на его благословенном челе. Он стал
царем планет, [как] роза, увеличивающая
задушевную близость, вследствие обожания [ее]
людьми, стала царицей [всех] душистых трав. Из его
беспредельных добродетелей воссияла тысяча солнц
объяснений и в каждой пылинке [их лучей] много
[таких изъяснений добродетелей пророка]. Из
бесчисленных восхвалений его возникли тысячи
свечей для каждого [кружащегося вокруг них]
мотылька.

Стихи

Мухаммад! . . . Все, что существует от предвечности до вечности в будущем.

Запечатлено украшением его имени.

Он светильник, к которому стремятся в полете созерцания,

Он свет всего созданного.

Он светоч, если бы он не зажегся,

Свет был бы далек от очей вселенной /4/.

В темную ночь, когда луна показывает свое лицо, мир становится освещенным, а небо озаренным, во мраке судного дня, когда печать молчания будет на языках всех и все люди падут от ужаса на колени и от страха перед днем всеобщего восстания мертвых и [перед предстоящим] великим отчетом их печени мучительно сожмутся, а глаза наполнятся слезами, — тогда внезапно появится на горизонте божественной мудрости луна украшающей сердце красоты, жемчужина избранного моря и блестящая звезда на [столь же] избранном небе и у людей [истинной] веры возникнет свет очей надежды [на спасение] и блеск предвидения вечного блаженства. Необходимо знать, что это уподобление вызывается причиной уразумения умами [значения Мухаммада в день

страшного [15] суда], а иначе красота и совершенство пророка последнего времени и наилучшего из творений земли и неба превыше того, чтобы сравнивать их с красотой полной луны или уподоблять солнцу.

Стихи

Он господин, достоинство которого превыше [всякого] воображения.

Его небо для него есть подножие его кафедры мечети.

Солнце составляет для него часть царственного трона.

Прах с его ног служит венцом для купола неба.

Украшающая мир луна прекрасна в своем восходе,

Но она безжизненна и не заменит образа друга.

У моего сердца, кроме него, не будет другого любимого.

Ибо любимый улетучивается из души, а этот необходим ей.

Не требуй, благодетель, невозможного

От образа, который никогда не исчезнет из мысли.

Достоинство его величия есть феникс, обитающий на Кафе ⁵ почета. Птице, выставляемой им в качестве приманки, не делается объяснений охоты никаким вразумлением и никаким воображением. Его чистое сердце есть перл, происшедший из глубин моря

величия; predeterminedенные ему свойства невозможно взвесить на весах сравнения. Первая добыча, которая попала в сети бытия, было его бесподобное существо, а первый цвет фруктов деревьев, который стал распускаться в саду творения, была его драгоценная душа. Сказал посол Аллаха: — да благословит его Аллах и да приветствует! — “Я был пророком и человеком, чтобы быть брошенным между водою и глиною”.

Стихи

Человек еще был между водою и глиною,
Когда он [Мухаммад уже] был царем мира, [его] душою и сердцем.

Ноги воображения и руки мысленного представления далеки от сферы его величия и от подножия его высокого положения; высота /5/ его степени заставила сесть на наименее почетные места небесные звезды; небесный мир находится в подчинении его выдающихся помыслов; высокая точка двух ярких звезд Фаркадайна ⁶ — подножие достоинства неба его могущества; его великодушная

мысль осведомлена о тайнах неба и о секретах
судьбы; блеск его благословенного лица есть зеркало
божественного искусства. [16]

Стихи

Отблеск от света твоего лица есть блеетящее солнце.
Капли, просачивающиеся из моря твоей милости, есть
водоем [из] райского источника Каусар.
В садах откровения [тебе Аллаха] твой язык — соловей,
А в морях Корана природа твоя — амбра ⁷.
Всякий, кто вздыхает в своей сердечной печали ⁸,
Под полой твоего милосердия уподобляется курильнице [с
благовониями].

Перед его [пророка] высокою энергией все иное,
кроме Аллаха, есть фантастическая точка и ничего не
стоящий атом. Перед солнцем его величия и по
сравнению с высотой его нравственных принципов
государь планет в положении высокого Алькора ⁹,
[этот] продукт двух миров, — ничтожен. Оба мира
по отношению к накрытым столам его благодеяний и
милостей являются тем, что бог послал.

Стихи

Плащи обоих миров сшили вместе
И из них двух создали [один] наряд.
Когда получился такой разноцветный плащ, то его
Не хватило [пророку], который был выше на целый локоть.

Во время его пророческой миссии проявились разные чудеса, вроде того, что луна раскололась надвое, заговорило дерево и, двинувшись со [всеми своими] корнями, приблизилось к нему, а затем по его приказанию возвратилось опять на свое место; произнесли хвалу Аллаху мелкие камни, бывшие в его руке; вода вышла из его благословенных пальцев в таком количестве, что тысяча пятьсот человек его сподвижников совершили ею омовение, насытились ею досыта, напоили четвероногих и удовлетворили [свои прочие] нужды; он насытил незначительным количеством пищи “людей рва” в доме Джабира, сына 'Абдаллаха Ансари; посмотрел на Сурака, сына Малика, и разверзлась земля и поглотила его с конем. Он обратил в бегство многочисленное войско, бросив в него одну горсть песку ¹⁰. Как сказал всевышний творец: “Не вы [17] убивали их, Аллах убивал их, не ты бросал [песок], когда бросал [его],

но Аллах бросал [его и поражал]” [11](#). Сухой колодец в [местности] Худайбийя от остатка его омовения и путем погружения в него копья [пророка] стал полон воды /б/; заплакал столб во время перемещения кафедры мечети; заговорила шкура отравленного барана: “Не ешь моего мяса, ибо я отравлен!” [Имеются] и [другие] предания о событиях [и] деяниях [его], например, о том, что [все] сокровища персидских царей и римских кесарей растрачиваются на пути к всевышнему [истинному] господу, что Йемен, Сирия и Ирак оказываются покоренными [пророком]. Вообще чудеса посланника — да благословит его Аллах и да приветствует! — неописуемы и неизъяснимы. Наиболее великое из всех чудес — пре-славный Коран, благородная книга и великое творение, озарение сердец [людей], знакомых [с исламом], и зеркало души познавших [его], светильник в груди исповедующих единство божие, и успокоение страдальцев, целительный пластырь для болящих, и весна души друзей [предвечной истины], предписание для царей и пример, достойный подражания для [всех]

счастливец мира, указание и доказательство для
высокодостойных имамов и ученых теологов.
Каждая буква преславного Корана есть светоч,
возженный от величайшего света, он есть солнце,
взошедшее с востока хакиката ¹² и поднимающееся в
своем движении по небу величия. Все, что является
качествами созданий и огорчениями рода
человеческого, закрывается тем светом [Корана], и
пока это [его] покрывало находится на месте,
преступно стремиться к устранению его света.

Стихи

Невеста святого Корана, когда набрасывает покрывало,
Видит столицу веры, лишенной [всяких] тревог.

Из всех чудес посланника людей и духов — да
почиют на нем благословения Аллаха и его
приветствия! — [одно проявлено] в наше время по
предыдущим словам о помощи [роду
человеческому]: дарованы знамена правой вере
наличием существования солнцеподобного,
могущественного, как небесная сфера, и
победоносного государя, который просторы мира

ввел в сферу своей власти и прочно заделал
усилиями [своих] воззрений ту щель, которая
обнаружилась в руководящих правилах
мусульманства вследствие злополучных новшеств
[разных] философов. Будучи осчастливлен
божественною помощью, [он] **[18]** поднял до
[вершины] кипариса значение мусульманской
церкви, благословением божественного блеска
возжег лицо веры избранника [Мухаммада], которое
уподобилось напоенному [красному] тюльпану. [Он]
обласкал и взлелеял людей истинной веры и
увеличил беды, потери, унижения и ничтожество
еретиков и богоотступников.

Тысячи приветствий да будут чистому духу и
живому телу главы пророков, а вместе с тем и всем
чистейшим /7/ [суфиям], ибо благословением его
молитвенных призывов перо их писаний соделалось
цветущим и необычайно свежим. Частица солнца и
капля моря его достохвальных качеств вошли в нить
повествования [об их подвигах], и подол надежды
[мистиков] оказался наполненным отборным
жемчугом. Да будут бесчисленны восхваления

семейству посла Аллаха и его друзьям; из этих восхвалений исходит зефир искреннего расположения к нему, и из воссоздания этих похвал возникает аромат верности [их заповедям], потому что благодаря письменным памятникам, [в которых сохранились] решения [членов дома пророка и его сподвижников], благодаря шагам их правдивости и их благочестию украсились пределы божественного закона и разума, а двор со скамьею чистоты [людей мистического пути] и сад верности [их своим обетам] получил убранство и [отменную] ценность.

После сего так говорит составитель этой истории 'Али ибн Джамал ал-Ислам ¹³, — да соделает Аллах правдивым его отношение [к ней] и да простит его и прочих мусульман, которым [высшая] истина — да будет она прославлена и возвеличена! — говорит в преславном Коране языком друга [господа] Ибрахйма, — да почиют благословения Аллаха на пророке нашем и на нем! — который вознес такое моление святейшему величию господу: “Содей мне язык правды для последующих поколений и поставь меня в числе наследников блаженств райского сада”

¹⁴. Этими словами Ибрахим просил у самого милостивого из милостивых — да будет он прославлен и возвеличен! — две вещи: одна из них — доброе имя, которое есть вечная жизнь и второе существование, и другая — вечный рай и вечное царство, которые всегда пребудут неувядаемыми и никакой ущерб их не коснется; обитатели их всегда живут, потому что никогда не умирают и телом всегда здоровы, ибо ¹⁹ не болеют; они молоды, потому что всегда юны; они богаты, ибо не испытали бедности ¹⁵; они [добрые] соседи, не чувствующие друг к другу зависти; они являются искренними друзьями, на лицо дружбы их не садится пыль разногласия. Из этого стиха [Корана] со всею ясностью следует, что обитателям сего тленного мира и временного обиталища ничего не остается, кроме благих молитвенных обращений [к божеству], прекрасных хадисов ¹⁶ [пророка] и похвальных [ему] слов.

Стихи

Если ты устроишь престол из небесной сферы, ты станешь согласным [с ней].

Если ты опояшешься поясом из Плеяд, ты станешь собеседником [их] /s/.

Употребляй же усилия, когда ты будешь говорить, чтобы были [у тебя] хорошие слова.

Постарайся, когда будешь опоясываться, чтобы у тебя был хороший пояс.

О мудрые счастливые друзья и понятливые разумные люди, из мира святости доходит до ушей ума, что доброе имя, как и плохое, прочно запечатлевается на скрижалях времени. Блаженствующие счастливы и рассудительные баловни судьбы в точности знают, что польза, извлекаемая из драгоценной [человеческой] жизни, заключается в добром имени и луч, который засветит от света жизни и [навсегда] останется [на земле], есть луч постоянного поминания [отошедшего человека добром],

Стихи

Кто знает из живущих философов,

Когда был Джамшид и когда был Кавус?

Которая [чудесная] чаша Джамшида и где [сам] Джамшид?

Куда ушел Сулайман и куда делся [щедрый] Хатам?
Когда они сошли в небытие,
То в этом мире они не оставили [ничего], кроме имен.
Не льни же сердцем к этому привлекательному цветнику,
Ибо, когда ты придешь, то опять не вернешься на [свое]
место.

От доблестей прежних государей не осталось
никаких следов, кроме интересных сообщений,
написанных учеными в лучезарнокрасноречивых
фразах; от [высших] степеней прежних султанов,
скрывшихся в мрачной земле [могил], ничего не
осталось, кроме их жизнеописаний, сохранившихся в
исторических книгах. **[20]**

Стихи

Когда Джамшид востока бросил чашу,
Государь луны появился на вечерней дороге.
Царь Китая прибыл с юга к ночи
И потонул, освещающий мир, на западе.
В тюрьме [запада] стало пленником солнце,
Подобно Бижану в тюрьме Афрасийаба.
Я слышал, как внезапно сказал некто:
“Не слишком полагайся на вращение небесной сферы,

Ибо без нас многие высоко вознесут [свои] тиары ¹⁷,
Блистающие солнцем и светлые, как луна,
[Но] никто не останется под этим древним колесом [времен],
От ученых людей лишь останутся [их] слова”.

От того количества замков, которые настроили
римские императоры, ничего не осталось, кроме
результатов, к которым пришло перо ученых /9/; от
райских дворцов персидских царей, которые они
построили на берегах реки небытия, ничего не видно,
кроме столь приятных описаний, что за них можно
бы пожертвовать жизнью.

Стихи

О как много [было] дворцов, которые построил [султан]
Махмуд [газневидский],
Он создавал [их] высотой до луны! [А теперь]
Не видишь ли, что от всех их остался только кирпич,
Похвала же Рудаки останется навсегда.

Да, здание, возведенное на фундаменте добродетели,
зубцами своего айвана ¹⁸ касается небесной выси;
основание, покоящееся на принципе благодеяний,
даже если пройдут века, избегнет разрушения.

Стихи

Посмотри на вознаграждение за добрые дела: время все еще
Не может разрушить дворец [Ануширвана] ¹⁹.

На основании этого предисловия необходимо
возложить ответственность на ученых мира, которые
записывают известия и достопамятности государей
мира и властителей [разных] стран и излагают
биографические черты добродетельных царей и
высокодостойных султанов, кои суть главный
источник вечного счастья и даров предвечного,
чтобы как современники, так и грядущие поколения
сада природы, готовящиеся вступить в сферу своего
бытия, сделались бы соучастниками [историков] в
упоминании о войнах и сражениях за веру всех **[21]**
таких владык и чтобы проницательные люди из
чтения [хроник] о жизненных обстоятельствах таких
государей прониклись к ним уважением, а когда бы
они слышали об их недостойных поступках,
происшедших от [их] тирании, то избавились бы [от
таковых]. Если же найдут [в таких исторических
хрониках] тот или иной хороший обычай и

одобряемое постановление [того или другого
государя], то пусть подражают ему.

Так как в дневнике утреннего рассвета
засвидетельствовано, что с самого начала вращения
мира, поскольку небесная сфера, как известно,
кружится во вселенной, ни один монарх на поприще
покорения мира не уразумел [даже] праха
августейшего кортежа служения его величеству,
убежищу государства, величайшему хакану,
великому государю ²⁰ царств арабских и неарабских,
непорочной тени господя, сути элементов и основ
проявления милости всемилосердного [бога],
вспомоществуемому поддержкой Аллаха,
благодееющего царя /10/.

Стихи

Главе государей мира, раздающему короны [властителям во
всех] семи поясах земли, [и]
Которым навсегда закончено обладание вселенной,

полюсу истины сего мира и веры, эмиру Тимуру
Гургану — да продлит всевышний Аллах навечно на

востоке и на западе его царство и власть и да изольет
он на восток и на запад его справедливость и
благоденствия! — [поскольку] во всех областях
царствования никакая мысль не достигла истоков его
действительности, а молния его лица подобна
молниеносному мечу завоевателя, солнце его мысли
подобно мысли мироукрасительного солнца
Александрова достоинства, [поскольку] он по ярости
и мести Сатурн, по достоинству Джамшйд, по
милости Юпитер, по могуществу и стремительности
Марс, по натиску и по преследуемым им целям
Дарий [Великий], по могуществу таков, что Солнце
является его рабом, — [поскольку] он усилиями
[своего] мирозавоевательного меча подчинил своей
власти большую часть государств мира и излил из
огня [наносимых им] ударов на недругов [своих]
сжигающую мир молвию, — [поскольку он] как
пронизывающий ветер, низвергающий горы, извлек
дым из гумна [своих] врагов и с момента восхода
солнца [своей] власти на востоке божественной
помощи он так много сокрушил гордецов вселенной,
что рассказ о каждом его подвиге изглаживает [из

памяти] рассказ О Рустаме и Исфандийаре и
затмевает повествование о Дарии [Кодомане] и
Александре [Македонском], — [поскольку] ужас [22]
перед яростью гнева его на сердца врагов
производит такое же действие, как огонь на
внутренность камня, а огонь его проливающего
кровь меча сжигает нить жизни врагов, как язык
пламени горящей свечи, — [поскольку]

Стихи

Он на войне сжигает [врагов] огнем отваги,
А на пирах подобен луне, освещающей мир,
Кажется ночью светлым днем,
Открывает сокровища перед надеющимся [ва них],

и одним ударом из волны его моря, которая срывала
с головы небесной сферы шапку тирании, вышла
успокаивающая рябь на море крови, — [поскольку]
те, которые от высокомерия не ступали по земле
ногами, [теперь] стали испачканными землею от
копыт [его] коней, — [поскольку] всюду, куда ни
устремлял он свои победные знамена, его встречали
одвуконь победа и триумф, — [поскольку] он

суровым ветром капризов судьбы пустил на ветер
дома и достояние [своих] врагов и бросался на поля
кровопролитных войн и на арены охоты за жизнями
/II/, так что солнце от поднимаемой им массы пыли
пряталось за ее завесой, а звезды от молниеносного
сверкания его копья приходили в содрогание, [когда]

Стихи

Земля стала пылью и поднялась [ввысь] до апогея,
Мир превратился в море и пришел в волнение;
Пылью, поднимаемой верховыми животными, полными
ярости и силы,
Наполнился источник солнца, [а]
От страха пожелтело лицо царя небесной сферы,
И от пыли полно земли стало чело месяца;
Барсы оказались убитыми под ногами слона,
И поток крови потек, как река Нил;
Испустило коловратное небо крик;
Крики поднялись во всей вселенной, моля о пощаде, —
то глашатай государства тысячею языков кричит,
чтобы как можно скорей в сферу рабов, подвластных
его величеству, вошли все области Египта, Сирии и
отдаленных стран запада и чтобы — бог даст! —

осуществилось заветное желание великого ума [эмира Тимура] и искреннее влечение его лучезарного сердца совершить паломничество к священному храму [в Мекке].

Стихи

На каждой станции, куда ты совершаешь путь, разбрасывая благовонный мускус,
Да будешь ты лучезарным, подобно солнцу и луне.
В каждую сторону, куда ты, как судьба направляешься,
Да будет твое стремя, как [стремя] всесветного завоевателя!

[23]

Вне всякого сомнения божественная помощь и господне покровительство соединены со знаменем убежища ислама [эмира Тимура] и действия его власти упорядочены мастерской божественной милости. Несмотря на многочисленность его войска, которое и счесть невозможно, победителем [у него] является мысль тех, кои суть правители пределов святости и цари страны руководства и являются войсками в духовном смысле, кои суть соучастники в напитке Хизра — да почиет над ним мир! — и

следуют наравне с августейшим знаменем и являются непременными членами счастливого [Тимурова] кортежа. Несомненно, что мир незыблемо существует лишь при наличии одной группы существ.

Стихи

Отмеченные знаками государей отшельники,
Избравшие уединение владыки стран мира.
Все — знаменитые и [вместе с тем] неизвестные,
Все — счастливые и [вместе с тем] не испытавшие счастья
/12/.
Все — невидимые и [вместе с тем], Подобно миру, [у всех]
на глазах
Все, спокойно пребывающие, [но вместе с тем] подобные
текучему времени, —
[У всех у них] нет богатства, но сокровища в [их] рукаве.
[У всех у них] нет никакого дворца, а власть в их полном
обладании,
Их корабль с парусом от вершины [божественного] чертога,
Их собственность — нищенское состояние в дервишской
обители [21](#).

Книгой предопределения были назначены под покровительство высокой личности [Тимура] войска [в таком количестве], что конца и края им не было видно. Из-за завесы невидимости, протяженье которой явно нельзя постичь [и] определить ни в один век вращения [всех] девяти небес и движения семи планет в [этом] шестистороннем мире, образованном из совокупности четырех стихий, не проявлялось подобного завоевателя — государя, [как эмир Тимур], и на небе блестящего государства ослепительная, как солнце, справедливость [до сих пор] не снимала покрывала с своего мироукрачительного чела.

Стихи

За сто тысяч веков движущаяся пешком небесная сфера
Почему-то не выдвинула на арену времен такого всадника,
который по указанию неусыпного счастья постоянно
проявляет покорность и поклонение творцу и с
помощью милости господ-питателя способствует
укреплению закона избранного **[24]** пророка
[Мухаммада]. Главы ученых мира преклонили ухо

разума на край августейшего ковра, чтобы украсить свои уши драгоценными перлами полезностей вдохновенных слов его ума, кои суть [чудесная] чаша, показывающая мир и солнце, украшающее вселенную. Венценосцы земной поверхности простерли руки [готовности] служить у порога убежища царственной власти [эмира Тимура] с тем, чтобы все время пребывать на службе [у него].

Стихи

[Само] небо при всем своем величии и мощи
Склоняет голову на атмосферу твоей линии.
Солнце при всем своем блеске и свете
Повергает [свою] корону к праху твоих ног.

Во всяком случае целью и стремлением истины и преданных слуг является то, чтобы [все] стадии жизни убежища мира [эмира Тимура] до наступления дня [всеобщего] воскрешения остались бы навечно в содержании тетрадей [истории]. Его энергия и щедрость на войне и на пирах могут быть выражены [лишь] фразами, определяемыми гениальностью красноречивых людей времени /13/.

Когда обителище поклонения божеству, [город] Йезд, удостоился высокого посещения одного из приближенных его величества и искренних слуг [эмира Тимура], то пишущий эти строки, написав два трактата, один по-арабски, а другой по-персидски, для подношения, предстал пред его благостные взоры и поверг [эти трактаты] к подножию высочайшего престола. [Впоследствии] вышел приказ, чтобы [автор этих трактатов] описал для истории некоторые войны, случившиеся при участии его величества, покорителя мира, в форме предисловия на персидском языке, изложив вкратце в отдельном разделе последовавшие победы [его величества], которые дарованы ему были еще с начала его эпохи, а затем, приступив к составлению дневника священных войн с Индостаном, уже в подробностях изложил бы языком, далеким от витийства и близким к пониманию, самые описания [упомянутых] войн. Хотя [автор этой книги] большую часть своей жизни был погружен в [море] религиозных наук и меньше вникал в составление вещей повествовательно-исторического характера,

он тем не менее во исполнение высочайших инструкций приступил к [прохождению] этого большого этапа [на своем жизненном пути]. Несомненно, что столь полезный труд, [вполне] достойный быть связанным с умственным огорчением и сердечным расстройством, есть безусловно только луч, отраженный сияниями светозарного сердца служения его [25] хаканскому величеству [эмиру Тимуру]. Признаком несовершенности [этого] сочинения служат, к огорчению и беспокойству автора, недостатки и недосмотры. Надеюсь, что над всем этим будет поставлен знак прощения.

Стихи

Слышал я, что в день надежды и страха
Всемилосердый простит дурных ради добрых.
Ты тоже, если увидишь что-либо дурное в словах
[настоящего труда],
Прости согласно [указанному] качеству творца мира.

Остроумие и тонкость в том [закljučаются], чтобы
основание предисловия [к этой книге] покоилось на

священном стихе [Корана] и на молитве Ибрахйма, друга [божия] — да будет над ним мир! — потому что смыслом стиха Корана является правда и мощь ²² и в соответствии с благословенною печатью и отличительным августейшим знаком язык искренности указывает на правду, наследование же райского блаженства указывает на спасение [души]. Подумай же, дальновидный и проницательный человек, каким образом возникла в соответствии с божественным велением блещущая солнцем и возбуждающая любовь печать [его величества эмира Тимура с таким девизом] и отсюда дай себе [в этом] отчет [по предвечному слову Аллаха]: “Возьмите это в назидание себе, одаренные зоркостью ума!” ²³

О государь! Пока тень сопутствует солнцу и зелень луга возникает из благодатного дождя облаков, покуда существует /14/ возникающий огонь и вода вместе с землею, да будет вечен в зените власти и покорения стран солнечный свет [твоего] счастья, сияющий над [всеми] странами мира! [И да будет он] блистающим солнцем на пиршестве даров и милосердия и во дворце милостей и благодеяний

благодетеля, оказывающего внимание ничтожной пылинке, покровителя бедняков, [Аллаха], милостью господина рода человеческого и милосердного ходатая в день страшного суда!

Стихи

Да не удалится счастье от изголовия его постели,
Да не будет корова лучезарна без его темени!
Да будет вечна его жизнь
И да будет заповедным местом жизни его порог! [26]

ГЛАВА, СОДЕРЖАЩАЯ В КРАТКОЙ ФОРМЕ ИЗЛОЖЕНИЕ ПОБЕД ЕГО ХАКАНСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА

Сказал посол Аллаха: — да благословит его Аллах и да приветствует! — “Рай находится под тенью мечей”. Иначе говоря, рай вечности господь предоставил временно под сень лица государей ислама и открыл высокие райские врата перед правоверными при посредстве меча покорителя мира, шествующего по заповедям закона князя посланников [Аллаха, Мухаммада], — да починут над

ним благословения и мир! У ветви же великого преуспевания зелень зависит от острия блестящей сабли и свеча государства возжигается от пламени огненного меча. Человек извлекает пользу лишь от такого большого дела, когда он не размышляет об опасности для своей жизни [при осуществлении этого дела]. Таким путем осуществляется высочайшее хаканское служение [эмира Тимура], который ради помощи вере Мухаммада — да починут [на пророке нашем] наилучшие благословения! — сделал свою драгоценную жизнь мишенью [всевозможных] опасностей, чтобы заполучить в свои объятия невесту владычества над миром.

Стихи

Тот лишь крепко сжимает в своих объятиях невесту-власть,
Кто целует в губы блестящий меч. [27]

В дни злобы и войны, во время славы и беславия,
когда блеск меча облекся в одежды стали, когда
солнце избрало своими спутниками кинжал и копье,
чтобы неусыпное счастье /15/ и прочное
благоденствие крепко опоясали [Тимура] чтобы

утвердилось за ним господство над [всеми] странами земли и государствами вселенной, в течение тридцати одного года головы глав [государств и народов] склонялись на черту повиновения ему и шеи [всех] гордых земли оказались в ошейнике повиновения и покорности ему. Августейшее новолуние этого со дня на день увеличивающегося государства и начало жизненных обстоятельств его государя земной поверхности таковы, что все отмеченные счастьем достопамятности и этапы его жизни были ясны и очевидны [для каждого], а указания на его великие завоевания и миро-державие видны во [всех его] движениях и [на всех] стоянках. Знак же цветущего луга счастья, подобно яркому свету, сияет из его августейшего чела и, как солнце величия и власти, блистает от восхода луны его фигуры.

Стихи

Обнаружились двери, [ведущие к] семи планетам,
Так что вселенная вручит ему ключи [от них].

Обитатели небесных обителей вознесли
непрестанные молитвы о [его] счастье, святые
высочайших степеней, столпы веры и подвижники
попросили [для него] у вечносущего победу и удачу
[во всем], а подобные царям нищие и могучие
сердцем дервиши говорили сокровенным языком:

Стихи

Да будет далека твоя жизнь от поношений,
Да будет твое светлое сердце лучезарно!
Да будешь ты счастлив и победоносен,
Могуществен, мудр и покоритель мира!
Да будет так, чтобы [любая] звезда стала [подчинена] твоей
воле,
Чтобы все доходы мира стали [поступать] на твое имя!
Да будет с твоим именем [самый] перстень неба
И да будут все дела вселенной в твоём обладании!

Обладатели [высших] откровений и властители
сердец, кои суть управители сокровенных тайн,
видели очами прозорливости образ его владычества в
зеркале грядущей эпохи; царственные соколы
святейшего мира и фениксы счастья простирали над
его благословенною головою тень своего

высочайшего покровительства всем его начинаниям;
глашатаи — ангелы смысла доводили тысячею
языков до ушей величия такую радостную весть: **[28]**

Стихи

Ты ниспровергнешь на землю головы врагов,
Ты припечатаешь своим именным перстнем весь мир.
Ты, августейший, сделаешь [мировой] престол осененным
[твоей] короной,
Тебе пошлют харадж ²⁴ из [всех] семи поясов земли /16/.
Ты будешь владычествовать над [всеми] странами мира,
Ты будешь царствовать во всей вселенной!

Несомненно, что притязание на миродержавие,
которое по вдохновению господина господ — да
будет он прославлен и возвеличен! — возникло в
[его] светозарном уме, было предрешено [свыше], а
самое завоевание мира, предопределенное ему в
предвечности, было осуществлено [им] силою и
источником [присущих ему] счастья и удач.

Стихи

Однажды благодаря вращению времени
Попала ему [Тимуру] в руки счастливая звезда.

Основываясь на таком благоприятном предзнаменовании,
избрав определенный путь,
Он приказал двинуть походом войска.

Первым делом [он решил двинуться] на столичный город; Самарканд, который является резиденцией султанов, местопребыванием хаканов, жилищем святых, родиной чистейших [суфиев] и сборищем ученых. В книге “Маджма'ал-Булдан” ²⁵ отличительные свойства сего великого города подробно объяснены, равно приведено и изречение князя посланников [Мухаммада], — да благословит Аллах его и их всех! — касающееся благородства и превосходства этого чистого города. Рассказывают, что [Тимур] выступил [туда] со своей могущественной свитой; направившись со [всеми] великими эмирами и бесчисленным войском, со множеством не отважных храбрецов, но сплоченных воедино воинов, с армией, одетой не в железные доспехи, но сокрушающей железо, он ввел в ту область свои победоносные знамена. [Своим] светлым умом, правильными распорядками и усилиями [своего] мирозавоевательного меча он

покорил и освободил [из-под власти другого] столь большую область; он ввел в сферу своей власти все страны Мавераннахра. Каждым из высокопоставленных, благородных и важных лиц [его] времени руководило счастье, [каждый из них] вступил шагом нелицеприятия в круг служения [ему]; привязал руки [своих] надежд к торокам седла [его] вечного господства и достиг высоких [29] степеней и превосходного [служебного и общественного] положения. А каждый, кто сбился с пути правого и избрал путь возмущения [против него], зажег светильник на пути сильного ветра, заложил фундамент здания на стремнине реки. Он, [Тимур], молнией своего покоряющего мир меча сжег гумно бытия такого человека. С возникновением такого положения появление утра правосудия и справедливости стало зримо во всех странах и во всех обширных частях мира, лучи солнца законности заблестали над головами [его] подданных и подчиненных, озарения благополучия /17/ в мыслях и в суждениях появились на страницах веры и государства :и следы прекрасных действий

[его] меча и кинжала обнаружались на лице [его] государства и религии. Весть об этой блестящей победе [эмира Тимура] и великое счастливое известие распространились по всему миру; осуществилось благоденствие народа, и зять, и чернь успокоились под благостным и милостивым хаканским покровительством, найдя освобождение из когтей случайностей в-убежище безопасности и мира.

Стихи

Мир так перестроила атмосфера твоего могущества,
Что из [его] природы исчезло [всякое] несогласие, связанное
с сопротивлением.

Из него ушло то, что совершила бы дерзость, а затем [даже
то, что]

Ранняя заря обнаружила бы непристойным и утренний зефир
признал бы хулой.

Его хаканское величество, поскольку это является
похвальным постановлением, воздал благодарность
[творцу] за осуществление всяческого [своего]
стремления, раздал милостыню нуждающимся. Эту

полную победу, которую недалёковидные люди рассматривали как конечную цель [его завоеваний], он считал [лишь] началом, а создание этого значительного государства, считавшееся простаками завершением [дела], [эмир Тимур] рассматривал как начинание в осуществлении своих замыслов. Так как его мироукрасительная мысль покончила с приведением в порядок дел в Мавераннахре и в нём не осталось места смятением, кроме тех, что возникают под обаянием очей красавцев, и растерянности, кроме той, что порождается прелестью локонов возлюбленных, то Тимур решил выступить походом против Моголистана, занимающего территорию в тысячу квадратных фарсангов от вилаета Йанги-Таласа до границ Хытая и от Кашгара до пределов Чина. Моголы имеют многочисленное войско, [воины] которого [склонны] к кровопролитию и возбуждению смуты; каждый воображает себя [30] Рустамом, а Афрасийаба признает своим безотлучным провожатым. Ежегодно моголы шли войной на области Туркестана и Мавераннахра, разоряли и грабили их, уводили в

плен мусульман и ни одной страны не оставалось, основание которой не потрясилось бы от этого неожиданно обрушившегося на него [губительного] потока. Естественно, что фонтан хаканского гнева начал кипеть и языки пламени царственного раздражения поднялись вверх. [Эмир Тимур] извлек меч победы, поднял знамя государства и с войсками, численность и вооружение которых /18/ не уместились бы в мастерской воображения и никакой художник не в силах был бы представить черную массу той армии, двинулся к границам [Моголистана].

Стихи

Подобно мельчайшим частицам, бесчисленны победоносные войска

И, подобно солнцу, подтверждают наличие завоевателя мира.

Под впечатлением блеска и пышности хаканского величия [Тимура] страх и трепет овладели сердцами врагов веры; ужас и испуг посетили двор их.

Несмотря на то что они гордились

многочисленностью [разнообразного] вооружения и своею храбростью, что занимали своим множеством большое число гор и степей и что скромность была не в их характере, от ударов [грядущего] царственного раздражения они перепугались насмерть.

Стихи

О, как ужасен его гнев во время войны!
Он [даже] сокрушает дыханье утра в пасти ночи!

Тем не менее моголы внешне проявили смелость и [прилагали] бесплодные усилия [к отражению Тимура]. Столько с ними произошло у него сражений, пока в конце концов: моголы не избрали правильный путь и не заняли пост рабского служения и выражения покорности [эмиру Тимуру]. Склонившись до земли лицом самоунижения, они сказали, полустыжием: “Мы все твои рабы, а ты повелитель!” Кому не сопутствовало счастье и кто не обрел удовольствия повиновения, страницу жизни того перо судьбы перечеркнуло чертою погибели, и стрела небытия, пущенная с тетивы большим

пальцем предопределения, избрала мишенью его душу. Когда все земли и владения моголов оказались прочно закрепленными под властью и повелением государя — завоевателя мира, когда все моголы пришли в состояние покорности, приняв условия служения [победителю], тогда только пришло полное освобождение от тех [забот, которые вызывались поведением моголов], и [его величество] возвратился в свою столицу, **[31]** город Самарканд, с многочисленной добычей и с неисчислимыми [трофеями]. Неоднократно поддерживаемый [божественною] помощью в этих битвах [с моголами] и победоносный, он опять вернулся в резиденцию [своей] монархии, в заповедное место [своего] могущества.

Стихи

Мир в [его] обладании, небо — [его] раб, а ангел — [его] богомолец.

Надежда [его] свежа, государство сильно, а счастье юно.

Победы у него — с правой стороны, а благоприятное влияние звезд — слева.

Сфера — у [его] стремени, а время — под уздою [его коня]
/19/.

Когда сопутствуемое блеском луны августейшего знамени солнце его султаната двинулось в свою сферу и достигло [там] апогея счастья в точке благородства, он [эмир Тимур] по силе возможности воздал благодарность бесподобному и достойному поклонения благодетелю [господу], — да прославится и да возвеличится он! — который есть причина увеличения милостей.

До высочайшего слуха [эмира Тимура] все время доходило, что правитель Хорезма Хусайн Суфи отказывает в правосудии [своим] подданным, кои суть вещи, отданные ему на хранение святейшим творцом, [и что он] разостлал им ковры насилия и беззаконий. [Вследствие этого эмир Тимур] подобрал поводья своего царственного намерения, соединенного с велениями судьбы и предопределения, безотлучно сопутствуемого победою и одолением, чтобы выступить походом на то государство. Он остановился в виду города. У

Суфи не было того счастья, чтобы, подобно суфию, избрать отречение [от мира] и отшельничество и, предоставив свои драгоценности и казну [Тимуру], включиться в толпу свиты царского двора его величества. Хотя вдохновитель правоты и говорил на тысячу ладов:

Стихи

“Явился миродержец столь могучий, [что]
Ты не запирай перед ним дверей дружбы.
Всегда, куда он ни приходил, он забирал государство;
[Целый] мир он взял под свое покровительство.
Таково божественное провидение.
Испытуема бывает неприязнь к делам божьим”.

Однако [Хусайн-Суфи] заложил уши разума ватую беспечности, советов полезных он не послушал и оказался осажденным в [своем городе]. В течение некоторого времени он выдерживал осаду, а когда во второй раз случилось подвергнуться [32] осаде, то у Йусуфа ²⁶ Суфи из-за внушающей страх августейшей короны пришло в сотрясение и дрожь все существо и крайне трудное положение довело его до болезни,

так что рука опытных врачей оказалась короткою,
чтобы достать до подола лечения. Под натиском
сильного ветра смерти дерево его жизни упало с луга
начальствования; знамя его миродержавия рухнуло.
Да, рану, причиненную жалом смерти, не исцелит
никакое заклинание, никакая уловка не принесет
пользы в попытке отстранить небесный рок и
никакое живое существо не осведомлено о тайнах
сокровенного мира путем собственного
размышления!

Стихи

Кто знает, что случится завтра [и]
Что исчезнет из поля зрения?
Чье желание осуществится [и]
Кому возложат на голову корону счастья? /20/
Кто знает, тиару Кайхусрау
С чьей головы снимут?
Кому будет сопутствовать время
[И] ради чьей жизни будут сиять звезды?

Когда взошло солнце победы и торжества с востока
божественной помощи и государство Хорезма со
всеми районами и крепостями упрочилось под

властью слуг его величества, территория сего государства очистилась от скверны бытия мятежников. Люди же, достойные [высочайшего] милосердия, были осчастливлены прощением и забвением [их проступков], стали участниками питья напитка безвинности и благодеяния и пользования источником милостей и всяческих даров. Основные положения и устои государства и религии получили надлежащее укрепление. Обитатели голубого неба и светила вращающейся сферы прокричали в этом дольном мире следующее:

Стихи

О ты, для власти которого [вся] территория мира представляет [лишь] большую улицу [и]
От твоего могущества до могущества Сулаймана — сущий пустяк!

Его хаканское величество в воздаяние за
ниспосланные ему божественные милости вознес
[все] выражения благодарности и соблюл [все]
условия признательности [творцу]. Когда его
почтенная мысль освободилась от приведения в

порядок важнейших дел [Хорезмской] страны и положение последней достигло благосостояния, [эмир Тимур] направил свои победные знамена в столичный город Самарканд. Высоковзлетающий сокол **[33]** [его] счастья, покорный желанием [судьбы], и ведомый под уздцы конь [божественной] помощи отовсюду подавали надежду на новые радостные вести, а небо посылало такое приятное известие: “Божественною силою и помощью неба серп луны счастливого хаканского знамени вознесется превыше апогея, а [его] величественный шатер поднимется своим куполом до небесной выси!”.

[Действительно], желание покорить купол ислама, Герат, вонзило свои когти в подол его высокой энергии, но уважение к владению Хусайна ²⁷, который среди государей ислама был выдающимся по совершенству в мусульманском смысле и по своему богопочитанию, а в прошлом с ним [Тимур] имел дружбу и приязнь, заставило [Тимура] отложить осуществление этого желания до тех пор, пока звезда сферы царствования того добронравного

государя не перешла из счастливого знака зодиака и
[пока] он не лишил этот [преходящий] мир
украшения своего бытия /21/.

Стихи

Никто не унес [своей] души от заклеяния [ее] миром.

Никто не закончил этой с ним записи.

Мир ни с кем не имеет дружбы,

И ты немного найдешь в нем любезности.

У мира такими стали правила и пути, [что он]

Исторгает [всяческое] в одночасие и не заботится о [его]
сохранении.

Когда Герат перешел к его сыну Гийасаддину,

последний устроил пир и поднял знамя наслаждения.

Постоянно играя благовонными локонами красавиц,

целуя их сладкие уста, созерцая движение чаши,

наполненной вином, и внимая речам прелестниц с

амбровыми мушками, он был беспечен и не понимал

того, что в наслаждениях дворца этого мира не

бывает розы без шипов и вина без опьянения, как

невозможна в вожделении к храмину вселенной

радость без печали и спокойствие без болезни.

Стихи

Ты видишь, как солнце, расцветший куст роз
И надеешься на [постоянство] цветущего мира, [но]
Вдруг появляется мрачное облако, опьяненное
Кровопролитием душистых трав, с мечом в руке,
И с такою жестокостью начинает извергать град,
Что от того куста роз не остается ни ветвей, ни листьев. [34]

Великие люди Герата принесли в письменной форме
на Гийасаддина жалобы и попросили, чтобы его
величество бросил тень своего благорасположения
на это владение. [Тимур], сопутствуемый своей
счастливой звездой, [когда]...

Стих

Время благоприятствует, а звезда руководит,
приказал двинуться на ту страну веселья, положивши
под седло оружие доблести для удовлетворительного
разрешения сего серьезного дела. Неожиданно
победоносное войско [Тимура] обложило город
Герат, и Гийасаддин заперся в крепости.

Стихи

Когда море волнуясь сдвинется с места,
Нет возможности избежать его даже быстро
распространяющемуся огню.

В силу необходимости ему пришлось в конце концов
выйти из крепости и склониться во прахе в
благороднейшей ставке [эмира Тимура]. В
воскресенье восемнадцатого мухаррама,
соответствующего четвертому числу месяца
урдибихишта 782 года ²⁸, [Гийасаддин] сдал крепость
слугам его величества. А вслед за этим оказались
покоренными и сдавшимися и все города Хорасана,
[в том числе] и недоступные крепости, твердыни
которых /22/ возвышались подобно высоким
неприступным и непоколебимым горам, а
окружавшие их рвы казались широчайшим и
беспредельным океаном. [Они были укреплены], как
крепости Бавард и Туршиш. Когда [Тимур] привел в
порядок дела и интересы сих областей посредством
своего светлого ума и кровожадного меча, он при
неусыпном счастье и незыблемом благополучии
вернулся в местопребывание своего царственного
трона [Самарканд].

Стихи

Мир — в его обладании, небо — [его] раб, а счастье — друг;
Время покорно [ему], сфера небес повинуется [ему,]
круговращение [мира] послушно [ему].

Хакан лика земли после этих славных побед прибыл
для отдохновения в столицу Самарканд, чтобы дать
на несколько дней передышку своим слугам и всегда
пребывающим при нем лицам. Подобно тому как
небо в движении обрело покой и как звезда видит
спокойное состояние в [совершаемом ею] пути, так и
благословенная природа [Тимура] в **[35]**
противоположность привычкам прежних государей
не пренебрегает [никакими] трудностями ради
спокойствия народа и не считается со своим
положением, ради всеобщего блага делает свою
августейшую особу мишенью трудов и лишений.

Стихи

Да не будет на острие меча могущества без его [Тимура]
длани,
Да не будет в завитках кольчуги блеска без его помощи.

[И эмир Тимур] отдал приказ, чтобы мореподобное войско выступило в поход, направившись в Систан; и территория той страны вплотную приблизилась к храбрецам эпохи и славным бойцам [армии Тимура]. Шах Систана, который всегда дышал службою и покорностью [его величеству], пожелал как можно скорее удостоиться лобызания праха арены величия, [осеяемой] блеском счастливых очей [эмира Тимура]. Систанские же глупцы без дозволения шаха повели себя вызывающе [по отношению] к его величеству и ввязались в войну [с ним]. Они, злосчастные, не знали, что Александрова [несокрушимая] стена не пробивается ратями Гога и Магога и слугам Сулаймана [нашего] времени не может противиться даже и многочисленная армия муравьев. [Поэтому] немедленно против них выступил один из полков победоносного войска и завязал с ними бой. Тотчас же головы тех глупцов стали поражать подобные метеорам копья бахадуров, стрелы /23/ лучников начали пить из источников жиани тех невежд и узколицые без покрывал мечи взошли на мимбары ²⁹ их стремян.

Стихи

Место, бывшее брачным покоем невесты победы,
Да будет рассыпающим на головы врагов перлы твоего меча!

В том песчаном месте, которое, ты сказал бы,
жаждало крови, текли [ее] потоки и горы песку от
крови убитых сделались влажными. Несомненно, что
каждый, кто служил при [высочайшем] дворе,
подобно циркулю, не стоял на темени головы и кто в
рабском повиновении сему небоподоб-ному по
величию государю не стоял твердо, как ось земли, в
конце концов падал, сраженный мечом гнева
[государя]. Что касается систанского шаха, то у него
при виде такого положения, возникшего не по его
желанию, душа в теле **[36]** затрепетала, как ивовый
лист. Наконец, в целях заступничества [перед
Тимуром] он послал к нему великих людей города,
чтобы его величество зачеркнул чертою прощения
страницу их преступления. [Сам] шах выехал из
города, облобызал землю служения [его величеству]
и потерся лбом покорности о прах порога
[высочайших] дверей. Он удостоился пожалования

[почетным] халатом, был обласкан и зачислен в свиту. Систан с его крепостями и районами вошел в полное государево подчинение и распоряжение. Когда побздонос-ное солнце показалось на горизонте счастья, а невеста желания вышла из-за завесы наружу, [его величество] направил поводья [своего] царственного намерения в обратный путь.

Стих

Справа — победа и одоление, слева — благо государства.

Из всех побед невеста завоевания особенно прелестна, когда ни один из претендентов не касался рукою подола ее невинности. [Такою невестою для Тимура было] покорение владения Мазандерана, Амоля и Сари ³⁰, которых ни один из пришлых государей [завоевателей] не обходил и никакой могущественный монарх через них не проходил. В лесных чащах этих областей сучья деревьев так переплелись, что ветер среди них оставался, как птица в клетке, и солнечные лучи не падали [через массу листвы] на землю. В пятницу шестого зул-хиджжа, соответствующего восемнадцатому числу

[староперсидского] месяца абана 784 года ³¹, все районы и места того владения были очищены от сопротивлявшихся /24/ и в них была введена хутба с чеканкою монеты с августейшим именем и титулами. Лелеемый же сокол гордости правителя Мазандерана и других начальников, который доселе парил в воздухе высокомерия, [теперь] попал в сеть унижения. Страница жизни их всех закончилась, и мир опустел от беспокойства, [причинявшегося] их существованием.

Стихи

Таков обычай этой коловратной судьбы,
У которой в любви живет злоба, а в злобе — любовь.
Одного Она хитростью лишает жизни,
Другому возлагает на голову золотую корону.
Одного возвышает от рыбы до луны,
Другого с соломы низводит в колодец. [37]

Ясномыслящими учеными и мудрыми умами доказано, что [все] намерения его хаканского величества были осуществлены согласно коранского стиха: “Поистине они помогли тебе победить явною

победой” ³². Нужды сего государя, этого Фаридуна справедливости и правосудия, удовлетворились по слову Корана: “Поистине они победоносны и подлинно наши воинства для них победители” ³³. Знай, как истинную правду, умный человек, полный совершенства, что [все] это дело божеское, а не земное, хозяйское; все эти дела совершаются через божественное покровительство, а не с помощью царствования. Уже давно как государи сделались владыками, ушедши от самих себя и предавшись господу, внешне трезвые, а мысленно опьяненные, потягивая вино [смысла]: “Не есть ли я господь ваш!?” ³⁴ — взывают к сему государю мировой державы.

Стихи

У тебя — пример покорения мира,
У тебя — чудодейственное средство против вреда,
причиняемого врагом.
При таких счастливых признаках,
Каким образом злонамеренному человеку не причинится
вред?

[Само] небо оставляет на лице и в глазах твоих след,
И звезда совершает путь по твоему благоволению,

И опять блеском подобное солнцу знамя бросило
тень над богоспасаемым Самаркандом, в котором
находится центр [божественной] помощи и
поддержки. После нескольких раз, когда владыка
круговращения небес переходил от одной
торжественной встречи к другой, [эмир Тимур]
принял твердое решение осуществить покорение
областей Азербайджана, и опоры земли [скоро]
сотряслись от тяжести оружия и пришедших в
движение войск /25/.

Стихи

Пыль, поднятая копытами коней на равнине боя,
Заволокла лазоревый купол неба.

Острия мечей достигли до самой вершины небес,
Быстрые, как ветер, кони достигли Джейхуна.

Когда он соизволил остановиться в тех округах,
эмиры и знатные лица Тебриза все вышли [навстречу
ему] с выражением [38] готовности служить, и ключи
сего обширного государства оказались крепко

захваченными дланью могущества его величества.
Территория районов [Азербайджана] очистилась от существования [на ней] противящихся [его воле] и водворились выражения признательности его величеству за наступившее спокойствие. Благодаря всевышнего Аллаха, его хакан-ское величество рассчитывает [лишь] на помощь господ-питателя, но не на бесчисленное войско, он возлагает упование на мудрость творца, а не на многочисленность военных припасов и снаряжения. Во всяком случае лицо [его] желания сверкает счастьем [исполнения] и образ всех намерений не остается в состоянии задержки.

Стихи

Если не вносит божественное проявление
Ясность в астролябию твоих мыслей, [то]
Тщетны твои искания написать что-то новое через [свое]
личное достоинство,
[Как не получится] новое платье из остатков ногтя.
Благодаря богу естественным порядком ты ищешь и
находишь [даже] в черном абиссинце гурию.

В противном случае ты не найдешь, хотя бы и искал этого в светлом месяце.

Теперь, когда обман и признаки его обнаружались в поступках Сару 'Адиля, и сколько бы он ни делал притязаний на [нелицеприятную] службу [его величеству], сколько бы ни хвалился своей рабской покорностью, его неправда и скверность его сердца не укрылись от наблюдательности завоевателя мира, которая есть проявление мирового разума и зеркало потустороннего мира, и [Тимур] ясно читал то, что было написано на поганой внутренности [Сару 'Адиля].

Стихи

В то время как его действия бывают двуличны.

Ты не надейся на его искренность.

Знай, ясяомышлящий счастливец,

Что древняя судьба [всегда] участвует в обмане!

Если ты добиваешься правды, она тебе подсовывает фальшь,

Ибо она никогда не стояла прямо!

Его хаканское величество каждое каверзное письмо, которое было написано врагом на его сердце, /26/

смывал водою своего мирозавоевательного меча,
увлажнив его сверкание кровью вражеского сердца и
последователей врага.

После решения дел и приведения в порядок
народных интересов под тень божественного
покровительства и под осе-нение господнего
милосердия [его величество] направился К центру
убежища [своего] господства, [в Самарканд]. Все
[39] районы той области осветились светом его
августейшего кортежа. До покорения Азербайджана
султаном Махмудом Гази, который около
четырехсот лет назад отправился с этой
аллегорической остановки и из этого временного
обиталища в хоромы вечной жизни и на четвертое
небо ³⁵, ни один завоеватель мира не стал
покорителем Азербайджана и в эти области ни один
счастливый монарх не приходил [победителем]. А
теперь весь [Азербайджан] покорен его хаканским
величеством,

Стихи

Тем, у кого колесница неба является подножием, а
[Весь] мир находится под сенью его покровительства.

Письменные указы завоевателя мира произвели [там
соответствующее] влияние. Как прекрасно твое
расширение царственной власти в странах,
[завоеванных] султаном Махмудом Гази, где
[Азербайджан есть] часть его империи. Как
прекрасно возвышение могущества государя, ибо
доблестные деяния такого монарха, отмеченного
знаками, свойственными Фаридуну, являются
[присущими] ему знаками величия и талантливости!

Стихи

Как прекрасен ты, венценосец, когда корона сферы небес
И твой престол возвышаются до [самого] солнца!
Ты в мире — наисчастливый государь,
Тебе оценка — [твое] могущество достойно трона!

Одним из результатов правосудия могущественного
владыки земной поверхности было следующее. До
этого от злодеяний воров и разбойников страдали все
области [царства], прямые пути были закрыты для
всех прохожих; заняв большие дороги,

предназначенные для путешественников, [грабители] воровским образом уносили перл с обнаженного меча ³⁶ и путем жульничества стаскивали платье с ветвей дерева. Дороги стали столь непроходимыми, что даже зефир не мог их посещать; смятение в степях и даже в городах достигло такой степени, что даже свирепый лев предпочел избрать убежище в лесной чаще, чем в степи. Ныне же, вследствие преуспевания, правосудия и милостей хаканского величества, каждый, у кого есть запас золота /27/ и серебра, без страха и опасения держит его на блюде признательности [государю]; или тот, у [40] которого целый подол полон магребинского золота, сидит [теперь] открыто на любом месте ³⁷, лишь соблюдая условия умеренности [в употреблении своего богатства]. Благодаря же стараниям и усилиям добронравных [и честных] начальников провинций ³⁸ во всех городах, особенно в “обители поклонения” [господу], в Йезде, купцы совершенно безопасно и спокойно приезжают и уезжают. [Губительный] самум смут и восстаний сменился зефиром тишины и покоя. От [употребления] спиртных напитков,

разных запрещенных вещей, от разврата и безнравственности не осталось ни следов, ни признаков. По этой причине влечение ко всему этому посадили на корову и возят [на посмешище] по всему миру, так что получается веселое зрелище. У самой дочери винограда [у вина] разорвали покрывало и сравнивали ее с уличным прахом. [Кажется] непостижимым для разума, что [теперь] барашек подле львицы сосет молоко и куропатка делает себе гнездо в гнезде сокола. Великие и малые люди одинаково участвуют в исполнении того, что им полагается, и у благородного, и у простолюдина нет разницы в отношении правосудия.

Стихи

Если будет старая женщина, если будет малый ребенок,
Кто им окажет правосудие?

И в этой справедливости заключается его завет,
Потому-то и оказались [все] семь стран земли в его подчинении.

Истина в том, чтобы можно было облечь славу в
одежду правосудия так, чтобы ее рукав до конца

мира служил знаменем доброго имени. Следует гордиться добрыми нравами, потому что солнце их отменных качеств будет сиять в зените величия до утра страшного суда, если [даже] девять миров придут в состояние упадка, близкое к окончательной гибели, когда тень не будет давать покоя и когда исчезнут обольщения всякими химерами и блеск молнии [озарит последний день человечества]. В этом отношении хорошо сказал шейх Са'ди:

Стихи

О сын, мир не есть вечное владение [и потому]
Нечего надеяться на соблюдение верности этим миром.
Не напрасно существовал утром и вечером
Трон Сулаймана — да будет ему мир! /28/ **[41]**
И ты в конце концов не видел, чтобы он ушел на ветер.
Счастлив тот, кто ушел [из этого мира] с мудростью и
справедливостью!

Тот человек унес из среды людей шар счастья,
[Кто всегда] был связан заботами о спокойствии народа.

В толковании ³⁹ преславного Корана рассказывают,
что военный лагерь Сулаймана — да будет ему мир!
— занимал сто квадратных фарсангов, что у него

было двадцать пять человек, двадцать пять пери, двадцать пять птиц, двадцать пять диких животных, что он имел тысячу домов и [волшебное] зеркало, прикрепленное к щиту. В домах он имел триста жен и семьсот наложниц. Пери для него соткали ковер из золота и шелка мерою в один квадратный фарсанг, посредине этого ковра поставили сделанный из золота и серебра трон ⁴⁰, и Сулайман — да будет ему мир! — сел на этот трон. Вокруг последнего было шестьсот тысяч сидений ⁴¹, сделанных из золота и серебра. Пророки сели на золотые табуреты, а ученые — на серебряные. Прочие люди, входя, окружали их всех; кроме того, позади становились пери; птицы, простерши крылья над головою Сулаймана, реяли в воздухе, чтобы лучи солнца не падали на царя. Сильный ветер по приказанию Сулаймана поднимал ковер на воздух и зефиры несли его; за одни сутки он совершал путь одного месяца. Однажды этот [чудесный] ковер со всею пышностью и величием летел между небом и землею; всевышний творец послал ему такое откровение: “Я увеличиваю твое могущество и

потому знай, что каждое слово, которое скажет человек, ветер донесет до твоих ушей”. Один землепашец взрывал однажды лопатою землю и вдруг увидел тот гигантский ковер, который летел между небом и землею, и землепашец сказал: “Большое могущество дано дому Давуда!” Ветер [немедленно] донес эти слова до благородного слуха святейшего Сулаймана, и тот приказал ветру опустить ковер на землю. Когда ковер опустился вниз, Сулайман отправился пешком к тому землепашцу и, [подойдя к нему], сказал: “Я пришел к тебе по той причине, чтобы ты не завидовал дому Давуда — ради правды творца тварей, ибо произнести один раз: “Слаблю Аллаха достойною его хвалою!” лучше тысячи видов владений семейства Давуда, так как это слово вечно, а владычество мирское непостоянно и преходяще” /29/.

Стихи

Данное родственником отбирает рок,
А запечатленное Аллахом остается вечно. [42]

И другое рассказывают. Муравей спросил Сулаймана: “Знаешь ли ты, почему тебе подчинили ветер?” Сулайман сразу не нашелся, что ответить на это, и муравей сказал: “Для того, чтобы ты знал, что это [твое] царство пустится на ветер”. Сулайман — да будет ему мир! — при этих словах изменился в лице. Муравей продолжал: “О пророк Аллаха! [Очень часто] великий муж ставится в известность устами малого”. Ценность [сказанного] заключается в том, что положение видимой власти и обладания такое же, которое указано в рассказе о Сулаймане, а вечное царство, вечная жизнь и благоволение царя царей — да будет он прославлен и возвеличен! — тесно связаны с тем, чтобы курочка [царева] сердца добывала зерна [божественных] даров и ради спокойствия народа подвергала опасности свою драгоценную жизнь в священной войне с неверными. Пыль войны оттого поднимают, чтобы уселся прах смуты, кинжал злобы потому обнажают, чтобы вложить в ножны меч тирании. Хвала всевышнему Аллаху, все цели, [все] основные намерения его хаканского величества, связанные со [всеми] его

движениями, покоем и намерениями, в этом смысле
и передаются в народе!

Стихи

Господь да подаст ему помощь в этом деле,
Да даст он [ему] избавление от дурного глаза!
Да будет ему рабом небо, а мир — в его распоряжении.
Да будет судьба к нему благосклонна, а счастье
преизбыточно!

Аминь, господин миров! [Да починют] молитвы и
благословения над лучшими из его творений, над
Мухаммадом и над всем его родом!

Комментарии

1 Чауган — клюшка, особого рода палка с загнутым
концом, которой во время игры в поло,
распространенной на Востоке, всадники
подхватывают и гоняют по лугу шар. — *Ред.*

2 Под “ничтожным прахом” разумеется человек,
который, по общемусульманским воззрениям, был
создан Аллахом из горсти земли.

3 Харадж — поземельная подать, взимаемая с “неверных” в странах, завоеванных мусульманами. “Неверные” заключали с победителями договоры, согласно которым, получая жизнь и свободу, отказывались от собственности на свою землю, но продолжали обрабатывать ее с условием уплаты хараджа.

4 Мифическое дерево, якобы растущее на седьмом небе, дальше которого не могут ступить ни ангелы, ни пророки; исключение было сделано, по легенде, лишь для Мухаммада.

5 Горы Каф — мифические горы, якобы окружающие землю. — *Ред.*

6 Малая Медведица. — *Ред.*

7 Т. е. когда ты передаешь сделанные тебе Аллахом откровения, ты становишься красноречив, как сладкогласный соловей, а в пучинах глубоких коранских истин все естество твое благоухает, как амбра, будучи пропитана неизреченными указаниями Аллаха.

8 Букв. 'от горения сердца'. — *Ред.*

9 Алькор (Суха) — малозаметная звезда в созвездии Большой Медведицы.

10 Все эти и другие “чудеса” составляли любимейшее чтение мусульман; они вошли в разные жития пророков, из которых последнему, как “печати пророков”, Мухаммаду, посвящалась особенно подробная биография, расцвеченная всякими “чудесами”.

11 Коран, 8 (17).

12 Т. е. последней, высшей стадии суфийского познания предвечной истины.

13 В тексте (здесь и в дальнейшем имеется в виду текст, изданный Л. А. Зиминим в 1915 г.) на стр. 7 в прим. 1 к этому имени имеется следующая латинская ремарка (приводим ее в переводе на русский): “В издаваемой рукописи ошибочно написано Джамал ад-Дин', а после сего тою же рукою вместо слова 'ад-Дин' подписано 'ал-Ислам'”.

14 Коран, 26 (84, 85).

15 В тексте ошибочно указано: *** вместо ***

16 Хадис — предание о Мухаммаде. — *Ред.*

17 Тиара — головной убор древних персидских и ассирийских царей. — *Ред.*

18 Айван — открытая большая терраса, поддерживаемая колоннами.

19 Разумеются огромные развалины дворца Хусрау I Ануширвана (531 — 579) в Ктесифоне с грандиозной аркой фасада, которая теперь уже не существует.

20 В тексте *** — *Ред.*

21 В тексте *** — *Ред.*

22 В тексте *** — *Ред.*

23 Коран, 59(2). — В опубликованном тексте вместо 2 ошибочно указано 20.

24 Поземельный налог. См. стр. 14.

25 “Собрание городов”.

26 Должно быть — 'Хусайна'. — *Ред.*

27 Разумеется Му'иззаддин Хусайн из династии Куртов, правивший с 732/1331 по 772/1370 г. Ему наследовал его сын, упоминаемый ниже Гийасаддин Пир 'Али (772/1370 — 791/1383).

28 Т.е. 24 апреля 1380 г. н.э. Этот день приходился на вторник. — *Ред.*

29 Букв. 'кафедры'.

30 Провинция Мазандеран и города Амоль и Сари находятся на южном побережье Каспийского моря.

31 Здесь, очевидно, ошибка, потому что, если оставить только мусульманскую дату — шестого зул-хиджжа 784 г., она будет соответствовать 10 февраля 1383 г., староперсидский же месяц абан соответствует октябрю — ноябрю. (Кроме того, 10 февраля 1383 г. был вторник. — *Ред.*)

32 Коран, 48(1).

33 Коран, 37 (172, 173).

34 Коран, 7 (171). — В этом стихе повествуется о том, что Аллах спросил первозданные атомы: “Не господь, ли я вам?” — и все созданное ответило ему утвердительно, признавая его своим творцом и владыкою. Автор этого невероятного панегирика Тимуру старается отнести указанный стих к своему герою.

35 Автор имеет в виду султана Махмуда Газнави (388/998 — 421/1030), который не владел Азербайджаном, ибо его империя в пору наибольшего могущества простиралась от Лагора до Исфахана.

36 Здесь непереводаемая игра слов, потому что по-персидски слово перл' (гаухар) имеет также значение 'блеск меча'.

37 В тексте дословно 'на чахар су луга'; термином же 'чахар су' (букв.: 'четыре стороны') обозначалось имеющее купольное перекрытие здание в центре базаров, откуда шли четыре главных базарных ряда.

38 В тексте *** — *Ред.*

39 В тексте *** — *Ред.*

40 В тексте *** — *Ред.*

41 В тексте *** — *Ред.*

[ГЛАВА]

О ПРИБЫТИИ ЕГО ХАКАНСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА К ГОРОДУ ИСФАХАНУ

В месяцы 789/1387 года [его величество] выступил походом против Исфахана. Он остановился в виду города. Великие люди и малые той области прибыли к нему с выражением покорности, полагающиеся правила которой они и засвидетельствовали перед ним. Один отряд из [победоносного] войска /30/ подошел к городу. В вечернюю пору, когда величайшее светило спрятало свою голову за горизонтом запада и светозарный образ солнца зарылся в темноте кудрей ночи, [в городе] жаждущие крови убийцы и подстрекающие к беспорядкам подонки общества совершили вероломство. Они перебили отряд войска [его величества], что был вне города, крепко заперли ворота, высунули руки из

рукава бунта, а ноги поставили на арену сопротивления [его величеству]. Счастье ж отвернулось [от них], иначе какой здравомыслящий человек поднял бы меч против солнца и пошел на смерть? Ведь, иначе говоря, как может капля противостоять морю? Когда весть об этом достигла до высочайшего слуха, [его величество] немедленно сел на коня, отдав приказ охватить город со всех сторон. В стенах были сделаны проломы, и с первого же нападения, с первого удара город оказался открытым, и его хаканское величество вступил в Исфахан. Пламя сжигающего мир [царственного] гнева языками взвилось кверху, и в воскресенье пятого [44] зу-л-ха'да 789 года ¹ последовал приказ, коему повинуются вселенная, предать население города мечу мести, следуя смыслу божественного [коранского слова]: “Бойтесь смуты, она постигает не только тех, которые из вашей среды действуют беззаконно” ². Солдаты, как воды, гонимые сильным ветром злобы, пришли в волнение и, обнажив свои, подобные гиндане ³, сабли, стали, как гиндану, срезать головы, а своими блестящими, как алмазы,

кинжалами стали тащить жемчуг жизни этих дурных людей в петлю смерти. Столько пролилось крови, что воды реки Зиндаруда, [на которой стоит Исфахан], вышли из берегов. Из тучи сабель столько шло дождя [крови], что Потоки ее запрудили улицы. Поверхность воды блистала [от крови] отраженным красным цветом, как заря на небе, похожая на чистое красное вино в зеркальной чаше. В городе из трупов нагромоздили целые горы, а за городом сложили из голов убитых высокие башни, которые превосходили высотой большие здания.

Стихи

Уничтожение напало, как леопард,
И смерть открыла свои пасти, как крокодил.
При виде множества убитых, брошенных в городе и за городом,
Вселенная сказала: “Довольно, ибо это даже вышло из [всяких] границ!” /31/

После того как корень бунта и нечестия был вырван в Исфахане и [государь] освободился от приведения в порядок той страны, его высочайшее стремя [со

всем окружением] двинулось на Шираз. В четверг тридцатого зу-л-ка'да вышеупомянутого [789] года ⁴ воздух Фарса от пыли, поднятой кортежем измерителя вселенной, стал черным, а небо почувствовало ревность к земле, оттого что она целует копыта коня августейшего [государя].

Стихи

Оттого, что небо иногда дерзко
Целует копыта твоего скакуна,
Ревнивые мысли у молодой луны
Всегда рождаются в сердце. **[45]**

Имея в виду такое положение, сардары династии Мухаммад Музаффара ⁵ направились из Кермана, Йезда, Сирджана и других районов к чертогу убежища вселенной, удостоились лобызания [его] праха ног и обрели почет и благоволение.

Его хаканское величество в течение двух месяцев изволил пребывать в Ширазе; когда же устроил важнейшие тамошние дела, завершил все нужное и утвердил Музаффаридов в званиях правителей

[разных] мест Фарса и Арабского Ирака, он направил свое мирозавоевательное знамя в постоянное местопребывание [своего] могущества и величия, [в город Самарканд]. [46]

[ГЛАВА О ПОХОДЕ ПРОТИВ ТУКТАМЫШ-ХАНА И ШАХА МАНСУРА]

После сего центром внимания высокого взора государя стало покорение областей Дашт-и Кипчака ⁶, которыми владел Туктамыш-хан. Дело в том, что Туктамыш был творением воспитания и питомцем милостей его хаканского величества; он, как растение, был взращен от облака бесконечных даров и под тенью непоколебимого могущества [его величества], достигнув степени обладания верховной властью и достоинства миродержавия.

Мироукрашительному взгляду, который является [чудесной] чашей, показывающей победу и сокровенные тайны, было представлено то, что [Туктамыш] по бесстыдству [своему] забыл оказанные ему милости и вынул голову из ярма покорности, а шею — из ошейника подчинения [его

величеству]. Когда известие об этом дошло до августейшего слуха, [эмир Тимур] в канонах могущества своего не увидел блага в том, чтобы отнестись [к этому] благодушно, и по закону миродержавия признал за истинное потребовать посредниками [между собою и Туктамышем] сверкающий меч и мирозавоевательную саблю /32/.

Стихи

Это завоевание государства, это обладание властью
Творец возложил на благородную дамасскую сталь.
Нужны настоящие удары и вестники [кони] с твердыми, как
гранит, копытами.

Нужны меч с голубым лезвием и могучая рука. [47]

[Поэтому] последовал высочайший приказ, чтобы
многочисленные, как звезды, войска выступили
походом в направлении Дашт-и Кипчака и
гороподобная армия пришла бы в движение.

Стихи

Когда царь царей Рима собрал войско,
Военачальник Востока пэднял знамя.

Он построил войско, как огромную гору,
[Вооруженное] мечами, булавами, луками и арканами.
И вдруг поднялась пыль до [самого] Сатурна,
И скрылось небо от пыли, [поднятой] конницей.
От грохота барабанов и от [оглушительных] звуков труб
Центр каменных гор сдвинулся с места.

Когда распространяющие правосудие знамена
достигли Дашт-и Кипчака, государь соблюл обычаи
угроз и предупреждения [в отношении Туктамышша],
чтобы он познал от того и другого страх и надежду,
чтобы различил степень довольства благодетеля от
[степени] ярости монарха мира, познал бы истинный
путь [своего благополучия] и увидел бы очами
проницательности дорогу своего истинного
поведения, в противном случае

Стих

Уместны — палица, могучая рука и поле битвы.

Однако никакой пользы от таких увещаний не
получилось, и [все] закончилось войною и
сражениями. Оба войска сблизились и выступили
друг против друга в боевой готовности.

Стихи

Я бы не сказал два войска, а два моря крови,
Более многочисленнее, чем песок пустыни.
Бросились [войска] в боевом порядке проливать кровь,
Разом подняв мечи и знамена.
От [пыли, поднятой воинами], одетыми в сталь, с
блестящими мечами.
Светлое солнце закрылось облаком.

Тотчас [после начала сражения] хризолит мечей
принял цвет блестящего рубина, а изумруд сабель
омыл свою поверхность йеменским сердоликом ⁷.
Головы врагов заплясали под пенью копий, а сердца
/33/ их начали рвать рубище своего бытия, и добрая
весть победы и одоления стала реять над
победоносными знаменами [эмира Тимура]. От
солнца [48] божественной помощи рассеялся мрак
битвы. Туктамыш с полком из своего войска
вцепился рукою слабости в подол бегства и, будучи
[страшно] взволнован ужасом [расправы] блестящего
меча [его величества], начал быстро мерить ковер
земли. Другие [его соратники] стали пищею
людоедов — копий. Много периликих турчанок, как

будто срисованных с лика красоты, много луноликих
красавиц, которые [свои] кокетливые взгляды
направляли на кровь [своих] возлюбленных, теперь
попали в силки плена и на берегу страсти обрели
утешение.

Стихи

Отправились луноликие с его [Тимура] кортежем,
Они, [когда-то столь] сладко отвечавшие, выступали
[теперь] у его стремени.
Плачущие турчанки в золотых поясах
Стали готовы на все перед блестящею горою золота.

Из казны и скота было столько взято, что и сосчитать
невозможно, и [сам] счетчик воображения оказался
бы слаб представить численность [захваченной
добычи].

Стихи

Носильщики добычу к воротам государя
Несли больше, чем можно было сосчитать.

Когда произошла эта великая победа и молва о ней
распространилась по [всем] восточном странам,

[когда] сторонники победоносной державы вознесли благодарение за божественную помощь [в этом деле] и за беспредельные милости [Аллаха], его хаканское величество, [властелин]

Стихи

Тех, кто родился с клеймом повиновения ему,
Всякого, относящегося к роду человеческому и к духам,
И всего того, что существует за печатью его казначея,
Будет ли это что-либо из видов моря или из [горных]
рудников, —

сопутствуемый [исполнением своего] желания,
вернулся в свою резиденцию. Опекуны царства
обрадовались, а враги оказались угнетенными.

В это время, когда сияющая ярким солнцем мысль
[его величества] была занята делами огромной
важности, шах Мансур ⁸ поднял восстание; он собрал
войско с полным военным снаряжением /34/ и
допустил в свой мозг развращенную мысль о
самостоятельности управления и [независимой]
власти. От чрезмерной гордости сделав сердце
обиталищем демонов, [49] он захватил в свои руки

Шираз и Исфахан и дважды приходил осаждать
Йезд, не подумав о тех бедствиях, которым
подвергались несчастные обитатели Йезда, и
нисколько не считаясь с рассказом о шейхе Абу
Исхаке, который постарался разрушить Йезд.

Стихи

Посмотри снова на слепых, кои увидели, [но]
Не уверовали в следы божественного могущества.
Хотя свеча веры и не дымит,
[Но] когда глаз бывает слепым, она бесполезна.

Каждый, кому свойствен мало-мальски
проницательный ум, знает, что сколько бы он ни
вытягивал веревку насилия, ее прохождение получит
огласку, и сколько бы он ни проводил черты
несправедливости по разным сторонам и
окрестностям, она в конце концов явится, как
вращающийся круг.

Стихи

Остерегайся того, кто вдруг избрет уединение, [ибо бывает,
что и]

Отшельник обращается к богу с молитвой наказать кого-либо.

Старуха под влиянием молодых дыханий
Попадает в цель стрелою на утренней заре.

Зеркало счастья шаха Мансура покрылось
ржавчиной и не отразило образа [ожидающего его]
правосудия, ухо же души его, будучи поражено
злополучием, не слушало ни советов, ни
наставлений.

Стихи

О счастливец, именной перстень имеет [свою] особенность,
Ибо отпечатывается на воске, а не на твердом камне.

Его хаканское величество в счастье и благополучии
двинул победоносные войска с зимовки в
Мазандеране, направившись на Рей. После того как
крепость Султанийа и ее окрестности оказались
взятыми, была сделана остановка в районе Хамадана.
В лагерь убежища мира прибыл Байазид Фаррайи со
[своими] нукерами. [Его величество] отправил из
Хамадана с правого фланга в Курдистан наследника
владыки людей Султан Мухаммад-бахадур с

эмирами и войском, отдавши приказ, чтобы в районах Хавйза и Дизпуля ⁹ он присоединился /35/ к мирозавоевательным знаменам. Счастливого молодого господина принца 'Омар Шайха [его величество] послал с левого фланга дорогою на Кум и Авах ¹⁰ в области [50] Малого и Большого Лура ¹¹, приказав ему присоединиться к августейшему кортежу в пределах Дизпуля и Тустара ¹². Когда его величество достиг Вуруджирда ¹³, то Малик 'Иззатдин и его сын, услышав известие о хаканском намерении [захватить Луристан], оказались в расстроенном состоянии, и Малый Лур полностью был захвачен [его величеством]; отсюда [эмир Тимур] выступил походом на Тустар. 'Али Кутвал и Исфандийар Нами, которые в крепости Шуштар были представителями власти шаха Мансура, выехали из города на встречу [его величества], и крепость и город [таким образом] сдались [ему].

В первые месяцы 795 года ¹⁴ [его величество] отдал приказ идти дорогою на Бихбихан по направлению к Ширазу. Когда достигли Кал'а-йи Сафид ¹⁵, кутвал ¹⁶ запер крепостные ворота и приготовился к войне.

Крепость же эта принадлежит к известным крепостям, она чрезвычайно сильная и [прекрасно] укрепленная, так что жадность [к овладению ею] у прежних государей была отрезана и рука неожиданного бедствия [для этой крепости] оставалась короткой. На второй день по [высочайшему] распоряжению войска оставались в районе крепости и с одной атаки взошли на гору и [ворвались в] крепость. У коменданта не оказалось возможности оказывать [дальнейшее] сопротивление, и крепость с божественною помощью была взята. Начальники крепости и их нукеры были посечены мечом. Благодаря господнему покровительству слугам высочайшей ставки не было причинено ни малейшего вреда. Когда закончилась разведка по выяснению положения шаха Мансура, обнаружилось, что у него проворные ноги и что он убегает. По этой причине его не приняли в расчет и большая часть войска и [высочайшая] ставка были оставлены в окрестностях Шуштара, а его хаканское величество с небольшою армией выступил на Шираз. Предположение было такое, что когда караулы шаха

Мансура увидят победоносное войско, [51] они, по всей вероятности, известят его [об этом] и он, несомненно, обратится в бегство. В действительности вышло наоборот. В трех фарсангах от Шираза против войска [его величества] вышло в боевом порядке около трех тысяч всадников-копьемосцев в полном вооружении. Его величество, убежище хаканского достоинства, опираясь на помощь питателя [творца], — да возвысится его достоинство! — выстроив в боевой порядок бывшее с ним войско, сам своею благословенною особою стал в середине верной [своей] армии; принц жителей мира Мухаммад Султан-бахадур ¹⁷ был поставлен командовать на левом фланге, а принц Пир Мухаммад-бахадур /36/ — на правом. Принц же Шахрух-бахадур, у которого на счастливом челе и в августейшей внешности светятся царственные сияния, а на его благословенном лице и в светозарном его взоре определены и ясны признаки властвования, во главе специального отряда войска мужественно и умело выступил против врагов. Шах Мансур и его войско храбро вступили в бой.

Вытянутый в прямую линию левый фланг армии убежища вселенной [эмира Тимура] хорошо повел атаку. Осыпая [неприятеля] градом стрел, войска [его величества] оттеснили правый фланг шаха Мансура за центр его [армии]. Правый фланг [армии Тимура] тоже хорошо постарался, зайдя в тыл левого фланга [войска] шаха Мансура. Что касается последнего, то после того как оба его фланга были разбиты, сколько ни давал ему советов здравый смысл, который разбивает оковы сомнения и показывает истинный путь,

Стихи

Страшись, хотя бы ты был лев из числа храбрейших героев,
Состязаться с тем, кто [всегда] ниспровергает храбрецов.
Молодой олень хотя и бывает отважен,
Но все же лучше для него избегать льва.

однако, как мотылек, влюбленный в свечу, он не прекратил боя и, подобно разъяренному льву, ударил на части, состоявшие из джарасунов ¹⁸, и тотчас опрокинул [их], но они не обратились в бегство, а обрушились на те верные его хакан-скому

величеству войска, которые были в той же его армии.
В конце концов с его величеством, убежищем
вселенной, [52] осталось не больше пяти человек.
Шах Мансур, приблизительно с пятьюстами хорошо
вооруженных всадников, подвязанными колчанами, с
саблями, копьями и булавами в руках, как
обреченный на смерть, бросился на верное [его
величеству] войско.

Стихи

Все стрельцы из луков, испытанные в боях,
Все воины, закованные в железо, одетые в кольчуги, —
Все готовы бросить свои тела в ямы гибели
И сделать свои сердца мишенью [смертельной] опасности.

Шах Мансур пытался трижды ударить мечом его
хакан-ское величество, но Хумари “есаул” и
Таваккул “баварчи” бросились между ними и
отвратили эти удары. Один удар [шаха Мансура] /37/
пришелся по Хумари и немного ранил его. Так как
милость творца охраняла хакана земной поверхности
и помогала ему, то никакой вред не был причинен
его благословенной особе. Когда шах Мансур

прорвался из окружения его левым флангом сего победоносного войска и ушел, он затем ударил по центру [армии Тимура и туда, где был] бунчук [последнего]. Войско же убежища мира сплотилось, и битва вторично закипела такая, что и описать невозможно. Так как отборные [его величества] нукеры собрались под тенью высочайшего знамени, то шах Мансур не мог прорвать центр с бунчуком [Тимура], который стоял непоколебимо. Шах Мансур повернул назад и пробился через левый фланг. Но так как милость творца была соединена со временем августейшего, то победоносные войска центра и левого фланга окружили неприятелей и разорвали цепь их соединения; они рассеялись, а около десяти человек с шахом Мансуром остались [в окружении], а затем три человека и, наконец, он один [продолжал сражаться]. Никто его не опознал. Одна стрела попала ему в шею, а другая — в плечо, он был ранен саблей в лицо и тем не менее, имея в руке саблю, продолжал драться. Один из слуг его величества потащил его [Мансура] с коня; земля [в этом месте] была покатая, и шах Мансур, свалившись с коня,

оказался на земле; его шлем упал. Нукеры бросились, чтобы взять его шлем и снять кольчугу, еще не зная, что это шах Мансур. [Тогда] он сказал: “Я тот, кого вы ищите. Я шах Мансур. Дайте мне напиться и отведите живым к его величеству, потому что я Мансур — “победоносный” ¹⁹. Но нукеры не обратили внимания на эти слова, ударили саблей по обнаженной голове и убили его. [53]

Словом, битва произошла такая, что и объяснить совсем невозможно. Шах Мансур запечатлел ее такими подвигами воительства и геройства, что заставил забыть историю Рустама, сына Дастана, но поскольку его настигла predetermined ему смерть, этим самым закончилась страница его жизни.

Стихи

Мир знает, что много жизней сгорело таким образом [и]
Жонглера следует учить играть [предметами].
Какому кипарису мир дал высоту с тем,
Чтобы не дать опять ему искривления от болезни? /38/

Словом, все области Фарса и все сопредельные с ним районы со [всеми его] подданными были покорены.

Большая часть сардаров и приближенных шаха Мансура либо попала в плен, либо была перебита. Принцы, родственники и эмиры [Тимура] все благополучно вернулись с поля битвы. Что может быть яснее указания на божественную помощь [его величеству] в такое время, когда с ним осталось не больше пяти человек, а против них выступил храбрый неприятель с пятьюстами бедуинами в полном вооружении, и победа и одоление тем не менее сопутствовали ему, а счастье стало его собеседником? Каким образом можно дать удовлетворительное объяснение тому, что государь, для которого благополучие мира связано с благополучием собственной бесподобной особы, выходит на столь кровопролитную арену боя, что монарх, на конце каждого волоска которого висят тысячи дорогих жизней, погружается в столь опасное место без помощников и сподвижников? Я [впрочем] ошибся, [говоря так]. Со всех сторон великодушные ангелы ударили на ряды [неприятелей] и души великих шейхов восстали на помощь и содействие [его величеству, эмиру Тимуру].

Стихи

Ищет защиты у господ не вовремя и вовремя [и]
Не попадет в беду муж, покровительствуемый господом.
Если его соперником в борьбе будет [даже] огромный и
ужасный слон, [то]
Он будет меньше [для него], чем капля перед рекою Нилом.

[Его величество] изволил остановиться на несколько
дней в Ширазе, чтобы прибыли к чертогу убежища
мира Султан Ахмад, правитель Кермана, шах Йахйа,
правитель Йезда с сыновьями Султан Мухаммадом и
Султан Джахангиром, правитель Сирджана ²⁰,
Султан Абу Исхак, атабаки Большого [54] Лура,
наместники и сардары ²¹ Исфахана. [Все] они
вступили в ряды ближайших людей свиты [его
величества]. По приведении в порядок
государственных дел Фарса [его величество]
направился в Исфахан. [Вся] группа [поименованных
лиц] сопровождала его в окрестности [селения]
Кумиша ²². Когда [носимый над головою] убежища
мира зонт достиг высоты месяца, благо государства
потребовало, чтобы правители из династии
Музаффаридов и исфаханские военачальники были

преданы смерти в той равнине [Кумиша]. Хвала
тому, царство которого не перестает существовать!
На ткацком станке неожиданных происшествий не
соткали такого платья, которое бы не уничтожила
рука превратностей судьбы, и по весне жизни
никакая роза не расцвела без того, чтобы листопад
бедствий не сделал ее завядшей /39/.

Стихи

Пока ты можешь, не привязывайся сердцем к этому миру,
Ибо он непрочен и нелюбезен.
Знай о нем, что те, кои просверливают [для нанизывания]
жемчуг [слов] [23](#),
Назвали мир некой старухой,
Которая себя всячески украшает [24](#).
Временами он дает тебе мед, а временами — горькую
отраву.
Как хорошо тому, кто не привязался сердцем к миру,
[полагаясь] на его верность,
И во всяком положении своем отказался от него.
Каждый кусок кирпича, который на виду, — Голова
Кайкубада и Александра [Македонского],
Каждая ветвь тополя, что высится в цветнике,
Вырастает из стана сребротелой [красавицы].

Каждая роза, что растет в любом цветнике роз,
Была [когда-то] жасминощечкой прелестницей.
Кроме крови царей, в этой чаше нет [ничего],
Кроме праха красавиц [и красавцев], на этой равнине нет
[ничего].

После того как его величество полностью упрочил
дела областей Фарса и Арабского Ирака и привел в
порядок их интересы, он соизволил направиться в
обитель мира, Багдад. Когда веревки, поднимающие
завесы царской ставки, возвысились в этой земле до
ореола Луны и до знака Рыб, Султан Ахмад,
правитель Багдада, при наличии всякого военного
снаряжения и войска, казны и сильных крепостей,
страшно испугался царственной доблести [его
величества] и душа **[55]** в его теле затрепетала, как
отражение солнечного света на воде.

Стихи

Его сердце начало трепетать, как голубь,
С ресниц его стали капать слезы, [и]
Не находил он ни места, чтобы успокоиться, ни
возможности бороться [и]
Предпочел [поэтому] бегство.

Подготовив план вывоза [своего] имущества, домашних и семью, он со всем этим направился в Аравийскую пустыню. Багдад и его районы были завоеваны знаменами покорителя мира. Все области Ирана до Алеппо и границ Сирии, города Малой Азии и крепости тех стран, через нижайшие точки которых не проникал блеск зрения и до вершин коих не достигало самое пылкое воображение, — все они вошли в сферу власти [его величества], головы же [их] начальников стали шарами на ристалище войны и пучками волос на копьях. Казнохранилища и драгоценности мира вручили специальному казначею. Высота его копий [отныне] орошена водным потоком /40/ победы. Почему бы дереву [его] счастья не приносить плодов и его мирозавоевательному мечу не орошаться источником безмерно развитой распорядительности, почему бы ему [самому] не быть веселым, когда исполнилось осуществление его цели?

Стихи

[Если] при твоём твердом намерении небо не придет в движение,
То кто же сможет помочь ему [в этом], кроме [твоей] победоносности?

В это время поступили сведения, что Туктамыш-хан после удаления высокославного стремени [его величества] позволяет себе ходить по ковру возмущения и дерзкою рукою открывать двери неблагодарности за [оказание ему] милости.

Стихи

Весною на лугу лоза оттого так поднялась [вверх],
Что она [еще] не видела [губительного] меча осеннего ветра.
Повернулись крупами онагры пустыни, [чтобы не подпустить врага],
Но разве лев проходил когда-либо мимо них?
Олени возбудились игрою,
А страшные львы разве спят?

Его хаканское величество, уподобляясь искусному наезднику звезд, вложил ногу в покровительствующее миру стремя, взял в руки поводья решимости и дорогою через Ширван,

Шимаху и Дарбанд направился в Дашт-и Кипчак. По существующему похвальному обычаю [его величество] послал **[56]** [Туктамышу] увещательные и смешанные с любезностью вести ради необходимости отговорить его [от таких опасных шагов, которыми он идет], и устранить [поводы к] извинению [в будущем].

Стихи

Слова, способствующие сердечным обольщениям,
От которых в умах людей не остается терпения,
Ограждение [от зла], которое сообщает надежду [на благополучный исход дела],
Упрек, который помогает делу мира,
Очарование, преграждающее путь к войне,
Обман, способный смягчать камень,
Заклинания, заставляющие замолчать противника, подобно острым [копьям],
Дверь, ведущая к покорности, и дверь, ведущая к войне.

Однако Туктамыш имел [пред собою] уже проторенный путь дерзости и упрямства. То, что составляет исполнение долга — идти стопами искренности **/41/** по большой дороге повиновения

[его величеству], он не исполнил. [Он] прислал известие, изложенное языком стрелы и меча. Его хаканское величество с группою [своих] сподвижников, которым кровь сражений доставляет такое же удовольствие, как [для] других луг, усеянный тюльпанами, и которые признают опьянение лишь чашей вина от вкушающего кровь меча, выстроил войска в боевой порядок.

Стихи

Он построил войско, подобно высокой горе,
С саблями, палицами, луками и арканами.
От головного отряда до тыла армии [все оно] из стрел и мечей
Поднималось горою, как из моря туча.

С другой стороны и Туктамыш-хан выставил против [Тимура] большое войско, по численности подобное муравьям и саранче. И с обеих сторон были построены ряды, как железные горы.

Стихи

Сошлись два войска вместе в боевом порядке
И исчезла [у них] всякая робость. —

Смельчаки, бросающие вызов, и храбрецы войска убежища вселенной, как копья, протянули руки к перлу жизни врага и, как стрелы, устремились ногами в дома гибели противников; подобно арканам, они закинули за плечи неприятелей руки желания; как сабли, весело сверкающие при дневном солнце, они разили и убивали; каждый их блестящий кинжал [57] ежесекундно сбрасывал на землю по одной голове, а каждый их горящий меч все время пускал на ветер [смерти] по одной [человеческой] жизни, пока враги не обратились в бегство.

Туктамыш-хан с большим трудом спас свою жизнь из [этого] водоворота битвы; [вырвавши] из его центра несчастье, он заключил его в объятия и стал побежденным и обращенным в бегство. Всякая тварь, которая выходит с дороги повиновения его хаканскому величеству, ничего не имеет своим уделом, кроме отчаяния и гибели. Жребий каждого, кто отвертывается лицом от этого средоточия счастья

[эмира Тимура], не что иное, как несчастье и отверженность.

Стихи

Из-за любви к нему, [Тимуру], нужно отдать жизнь...

Не стал счастливым тот, кто питал к нему злобу.

Он испытал вселенную миром и войною,

И мир от его войн увидел вред, а от мира — пользу /42/.

Хвала всевышнему Аллаху, второй раз возвещающие победу и одоление коранские стихи соединились с августейшими знаменами. Серп луны [высочайшего], касающегося купола ясного неба, пришел вместе с солнцем счастья и победы на стоянку встречи.

Последовал приказ отправиться на границы Дашт-и Кипчака и в другие области Туктамыш-хана от Сарая и Астрахани ²⁵ до Крыма и земель франков ²⁶. И [вся] эта беспредельная страна была очищена от сопротивления противников [его величества] и освобождена от смуты [его] недругов.

Стихи

То обещание, которое давала судьба, исполнилось,
И то дело, которое требовало времени, осуществилось.

Из огромной добычи, [захваченной у Туктамышша],
было столько луноликих рабов и с мускусными
волосами рабынь, что и счету им не было; из них
несметное количество стало рабами его величества,
убежища вселенной, и слугами его слуг. Каждый [из
них], открыв яхонтовым ключом ларчик с
редкостной жемчужиной и сложив [вынутые] из
источника наслаждения жемчужины на блюдо
искренней признательности, представил [на
высочайшее благовоззрение] освещающие ночь
перлы, вынутые из жемчужной раковины. [58]

Стихи

К августейшему воззрению [были доставлены красавицы]
высокие ростом,
С дугообразными бровями и с толстыми косами, подобными
арканам,
Как кипарисы, что встречаются на лугу.
От кос [их исходил запах] фиалок, а от ланит — жасмина.
Они были такой красоты, как солнце в полдень,
И бросали нежные взгляды томными [от страсти] глазами.

По сути дела [не нуждаются в] пояснениях
извещения о победе, которые были написаны в
стихах и прозе сыплющими перлы перьями
специальных, личных [его величества] секретарей и
ученых века, рабом объяснений которых и слугою
пальцев коих достойно было само древнее небо. Они
сверлили алмазом размышления жемчужины [своих
мыслей], а окрашенными в черное перьями, кои суть
соловьи сада красноречия, излагали красивые
метафоры и изящные фразы, [подобные тем, что
создаются] ослепительно блестящей рукой ²⁷. Так что
на этом основании невозможно недостаточными [по
своей невыразительности] фразами слабых людей
извлечь из источника [их] скудоумной природы
достойный сего словесный жемчуг.

Стих

При наличии света солнца какое может дать освещение
[обычный] светильник? /43/

Стихи

Слово стало жемчугом , а говорящий — водолазом, [но]
С трудом достается [ему] отборная жемчужина.

Подлежащее произношению слово — растение души
девицы [и],
Не каждый достоин произнести слово.
Если много бывает [в саду] птиц, поедающих винные ягоды,
То ни на одной ветви не останется и одной ягоды. [59]

[ГЛАВА О ПОХОДЕ НА ИНДИЮ]

По высочайшему указанию аромат сих подобных
реляций прежде всего ощутило это счастливое
сочинение. Целью его составления является
описание покорения стран и крепостей Индостана,
что [ниже] будет изложено и подробно описано.
Внешне дело обстояло так. Когда прошел тридцать
один год во времени владычества и царствования над
государствами [всех] поясов земли и над областями
стран мира его величества, счастливого монарха, и
он изволил возвратиться в резиденцию [своего]
могущества и счастья, [когда] тиран-небо положило
на плечи концы попоны служения и повиновения
[ему], когда злобное время опоясалось поясом любви
к государю, заботящемся о своих рабах, а жестокий
рок продел себе в ухо кольцо верности повелителю
земной поверхности, — тогда [последний] пожелал

предоставить каждое владение, бывшее до сего в обладании того или иного государя, назначенному им принцу [из числа] могущественных, как небо, принцев [своего дома], кои суть драгоценности счастливого [царственного] ларчика и звезды в зодиаке могущества [его величества]. Из всех государств [владение] Султана Махмуда Гази ²⁸ — да освятит Аллах его гробницу! —

Стихи

В раю дух да будет полон света

И от души которого да будет далека обида! — **[60]**

[его величество] препоручил отпрыску владыке людей, принцу Пир Мухаммаду, — да длится его правление! Тот счастливый молодой султан отправился в [отведенные ему] пределы и водрузил там [свои] счастливые знамена.

До августейшего слуха его величества, счастливого монарха, дошло [затем], что то новолуние [Пир Мухаммад] в повседневных затеях владычества над вселенной осадил крепость Мултан, бывшую одним

из больших городов Синда. В этой же области преобладают гебры [огнепоклонники], язычники и [разные] еретики. Уместно было бы объявить “священную войну” им и постараться, чтобы возобладала [среди них] мусульманская религия. Его величество, счастливый монарх, ради возвеличения славы [высшей] /44/ истины и [возвышения] знамени ислама выступил походом против тех стран. Ради уважения к вере Мухаммадовой — да починут над ним [пророком] благословения и приветствия Аллаха! — он много испытал трудностей и перенес бесчисленные лишения. До одного места было по нескольку [горных] перевалов, так что мнение было такое, что много счастливых людей пожертвуют своею жизнью на вершине их и много драгоценных душ покинут свои тела у подножия этих [гор]. Таким образом, со времен Сулаймана пророка — да благословит его Аллах и да приветствует! — ни один государь не достигал тех пределов.

Его величество с божьей помощью остановился в том опасном месте, которое называют Китвар ²⁹, в рамазане 800 года ³⁰ и с твердостью и

непоколебимостью распорядился, чтобы осуществились победа и преуспевание. Одни из неприятелей были перебиты, другие захвачены в плен; от последовавшего грабежа и расхищения дым поднялся из домов с имуществом китварцев, и знамя неверия и многобожия было ниспровергнуто, как это говорится в [предвечном] слове: “И потому народ, предававшийся нечестию, был истреблен до последнего человека. Хвала Аллаху, господу миров”
[31](#).

“Поистине сердца царей — сокровища Аллаха на его земле”. Смысл этого хадиса тот, что как лик солнца сияет из-за завесы, так и сердца государей на земле являются сокровищницей божественных тайн; сокровенные мысли государей мира суть проявления бесконечных милостей. Как движется перо предвечной воли, исполняя то или иное [божественное] приказание из [ряда других] предначертаний, так в высоком уме счастливого монарха выявляется [некое] твердое намерение, **[61]** которое он решает осуществить силою /45/. Подобно тому, как калам божественной воли направляется для

выявления того или иного большого дела и [великого] общего решения, так и в [глубине] светозарного сердца [нового] Александра [нашего] времени и Фаридуна эпохи возникает [нечто] такое, из-за чего он старается приступить к делу. Чистая внутренность и бодрствующее сердце могущественного, как небеса, государя есть разведыватели сокровенных тайн и чаша, показывающая мир, [а его] бдительный разум, призираемый милостивым взором творца, — свеча, разгоняющая мрак, и солнце, украшающее мир.

Цель составления настоящего предисловия та, что так как всегда до слуха величия достигает то, что в областях Синда и Инда множество гебров, язычников и разного рода еретиков упорствует в [своем] уклонении от истины и в заблуждении, то благороднейшая и высочайшая мысль [его величества] обратила внимание на это [обстоятельство] с тем, чтобы в тех районах поднять пыль [своим] походом, дабы [там] улеглась пыль смуты и неверия, и обнажить меч злобы для того, чтобы вложить в ножны саблю тирании и

многобожия. [С этой целью его величество] принял решение объявить священную войну [против упомянутых выше неверных] и опоясался поясом рвения ради прославления славы Аллаха, возвышения знамени ислама и ниспровержения знамени /46/ неверия. С войском, многочисленным, как пылинки, сверкающие в солнечных лучах, и подобным неисчислимым каплям дождя, он выступил в поход из столичного города Самарканда, являющегося центром [его] могущества, величия и восхода солнца [его] вечного совершенства.

Стихи

Когда он вышел с войском из города,
Ты сказал бы: “Земля поехала подобно колеснице”.
Пыль поднялась от земли к небу [такая, что]
Ты сказал бы: “Земля смешалась с луною!”.

С этим твердым решением [его величество] совершил переход в первый день месяца зу-л-хиджжа 800 года ³² со времени бегства господина всего сущего и сущности существующего, Мухаммада-избранника, — да благословит его Аллах

и да приветствует! — и остановился в месте сияния двух лучей, в Кабуле, который является пограничным городом с Индостаном. Неусыпное счастье [было] вождем августейшего знамени, а несокрушимое могущество /47/ безотлучно находилось [62] при счастливом высочайшем cortege. В этом походе благодаря удаче принца людей, султана [Пир Мухаммада], луч солнца справедливости и благодеяний послужил основанием зданий могущества и величия ³³.

Стих

[Человек] высшего ума многое знает и в небольшие годы. Особенно [отличился] благодаря покровительству Аллаха, всевышнего владыки, принц Халил Султан-бахадур, — да длится его господство! — в благословенной внешности которого светятся око мира и взор вселенной, а на его благородном челе безотлучно были видны и запечатлены знаки доказательства [его] миродержавия. И как это будет ниже объяснено, он целиком погрузился в кровопролитие сражения и в водовороты смерти. В

одном из сражений, где был выстроен ряд могучих, огромных и страшных, как море, слонов, спешивших на арену боя подобно огню и ветру, [Халил Султан], повернувшись лицом к неприятелю, бросился с саблей на одного из слонов, горообразного, свирепого, сущего дьявола по качествам и демона с виду, хобот которого, действуя, как чауган, подхватывающий шары, хватал и уносил людские головы. Из истории неизвестно, чтобы в какую-либо эпоху тот или иной принц в расцвете юности и в пору молодости, в возрасте пятнадцати лет, так бы выступил и таким образом вписал в книгу времен [свое славное] имя и честь! Да, Абу ан-Назр 'Утби — да смилуется над ним Аллах! — в книге “Китаб-и [63] Йамини” ³⁴ рассказывает, что султан Махмуд Гази — да озарит Аллах его гробницу! — был в возрасте пятнадцати лет, когда его отец, эмир Насираддин Сабуктегин — да будет ему мир! — дрепоручил ему командование войском и его построением. `Утби приводит по этому случаю такое [арабское] четверостишие.

Стихи

Он управлял быстрыми конями, будучи пятнадцати лет,
Тогда как мальчики его лет еще заняты были [играми].
Бездействовал еще разум их, на нем же был отпечаток
Ума царей и [проявлялась] отвага героев при атаках /48/.

Смысл этого тот, что он [султан Махмуд] в возрасте
пятнадцати лет [уже] вел войска, тогда как его
ровесники были заняты играми; их незрелый ум
находился еще в стадии слабости и недоразвитости, а
у него царственный разум, царская отвага и
храбрость достигли высшей степени. Однако между
водительством войска, между разгромом врага и
управлением в войне слонами существует большая
разница. От предводительства войсками до риска
[своею] жизнью расстояние [весьма] большое. Из
тонкостей божественного промысла и день ото дня
увеличивающегося счастья, каковые чудесно
проявлены над его хаканским величеством, [следует
отметить] те, кои украсили его царственное
семейство и его державную династию блеском и
величием его мужественных детей. Что же касается
его царственной [могучей] руки и его величия, то
они придали их драгоценному бытию силу и

крепость. Секта пророков, кои суть цари избранной страны, просили у всемогущего господа достойное дитя, а касты пророков, кои восседают на избранных тронах, требовали у божественного порога благородное потомство. Сказал [в Коране] Аллах благословенный и всевышний: “Господи, даруй мне по благодати своей хорошее потомство. Поистине ты слышишь мою мольбу!” ³⁵. Отсюда следует, что нет более благородного дара [свыше], как счастливое дитя, нет никакого подарка, противопоставляемого преуспевающим потомкам. Прямой смысл небесного откровения категорически указывает на это: “Господи наш, даруй нам отраду очей в женах наших и детях наших **[64]** и соделай нас вождями благочестивых!” ³⁶. Ибо высокодостойные дети — свет счастливых дней [своих] могущественных отцов, что ясно подтверждается словами Корана: “Мы дали Давуду Сулаймана, какой он был прекрасный [наш] раб! Поистине он постоянно каялся перед нами!” ³⁷. Блистательный довод в пользу того, что счастливые дети бывают результатом прибежища [родителей] к святейшему

творцу мира и плодами [их] устремления и обращения к чертогу милостей и благодеяний господя-питателя. Хвала всевышнему Аллаху, вид непоколебимо существующего государства украсил с прелестью мироукрастительной грации именитых потомков [его величества], ибо море, рассыпающее перлы их природных качеств, есть сокровищница божественных тайн. Величием же подобный небу внушительный [высочайший] двор осветился светом жизни царственных потомков, потому что их высокая энергия есть фокус бесконечного счастья, особенно тем светом в зрачке государства, светом в саду убежища веры, который /49/ осеняется тенью феникса счастья [Халил Султана]. Применительно к арабской пословице: “Львенок еще учится”, он, подобно льву, [способен] возвыситься до степени миродержавия. Высоко парящий над его головою сокол счастья извещает его, что он достигнет осуществления великих целей и высоких стремлений. Из горы его храбрости будет сверкать, как солнце, рубин власти; из моря его энергии будет блистать, как светлый день, перл царского

достоинства. Солнце — в апогее [его] счастья, которое светит с самых первых дней [его] жизни, а новая луна на небе — [начало его] господствования, которое увеличивается раз от раза в стадиях совершенства. От четырех опор его слов и действий слышится, что власть пять раз стучит перед дверью его покоя и с шести сторон мира слышится голос, что под сенью милостей его могущественного, как небесная сфера, деда, его счастливого отца он добьется осуществления [своих] желаний. [По существующему арабскому выражению]: “Он пойдет стопами счастья по широкой дороге безопасности”. Язык фактов говорит о его врожденных качествах и свойствах словами последующих стихов, правдиво выражающих смысл сего...

Стихи

Я — тот, все подвиги деда которого и [все] доблестные деяния отца

Известны, как день, на лице мира.

Полярная звезда, сверкающая, как молния, есть перл на моей планете,

А когда луна светит, она есть купол над моим щитом. **[65]**

Так как убежище шариата, наш господин,
величайший верховный судья в мире Насир ал-Хакк
ва-ш-Шариа'ат ва-д-Дин `Омар, — да продлит Аллах
над ним тень своего покровительства! — достиг
высоких степеней совершенства в извлечении пользы
из очагов знания и в распространении мудрости, и
поскольку в нем гармонично сочетались
превосходство в храбрости и мужество с
красноречием и ученостью, то уместно заметить, что
он является и брачным покоем благородных
нравственных качеств. Опредивши в них великих
людей, обладателей нравственных доблестей, он и в
опасных сражениях, где отказывались принимать
участие ученые мужи и люди, подобные им,
опредил храбрейших людей прежнего времени. На
поприще искренней преданности и
доброжелательного отношения к сему [высокому]
дому убежища вселенной, — тень [благостей]
которого [дома] да будет распростерта над головами
людей до крайних пределов мира! — [названный
выше Насираддин 'Омар] опоясался поясом ведения
священной войны и самоотверженности, несмотря на

то что 'в этом походе все время безотлучно находился при его величестве и ни при каких обстоятельствах не отлучался от высочайшего стремени и мирозавоевательного кортежа. Используя этот случай /50/, он вел дневник побед в Индостане, выполняя это по смыслу стиха Низами, каковой [поэт] является сводом правил о красноречии...

Стихи

Когда настало утро счастья,
Я ожил, как ветерок на утренней заре.
Я возжег свечу, освещающую ночь,
И горел мыслями, как свеча.

Так как [своим] пронизательным взором и знакомством с истинным положением вещей он понимал, насколько глубоки милость и сочувствие его величества, убежища халифского достоинства, к сему первому плоду из сада его царствования и государства, то по желанию его хаканского величества он украсил предисловие к сей августейшей истории и счастливой книге всяческого преуспеяния высоким именем этой молодой ветви из

сада величья и могущества [Халил Султана],
который в рядах войск, участвующих в сражении, в
битвах и стычках, со всем пылом юности, как
свирепый лев и страшный тигр, представил
доказательства своей военной опытности.

Несомненно, что упоминание государей в
исторических текстах является причиной
увековечения их имен, а упоминание красивого
[молодого человека, как Халил Султан], по [66] этой
же причине навсегда останется на страницах дня и
ночи. Иным способом не запечатлеть [в памяти
людей] высокую степень и большое состояние
[великих людей], и никакой из даров не может
заменить этого...

Стихи

Одна страница с твоим добрым именем
Лучше, чем сотня сокровищниц жемчуга.

Теперь мы опять перейдем к изложению
обстоятельств, [сопровождавших] каждую остановку,
упоминаний о стоянках и войне за веру его

величества, счастливого монарха, подробно
остановившись на движении и покое победоносного
[его] знамени в районах Индостана.

В этом походе были участниками высокая колыбель
[38](#), Балкис своей эпохи к своего времени, убежище и
пристанище [всех] госпож мира /51/ [Сарай Мулк]-
ханым — да умножится ее величие и да будет
вечным ее целомудрие! — и победоносный принц
человеческого рода, блеск господ, царственный
именной перстень и рубин из копей бесконечного
счастья,

Стихи

Драгоценная жемчужина из царственного моря,
Светильник, возжженный от божественного света,
Рожденный под счастливой звездой, достойный прекрасного
престола,
По судьбе — венценосец, обладатель трона,

принц Улугбек-бахадур — да длится его правление!
В тот же день последовало разрешение, чтобы они
[во избежание трудностей похода] в благополучии и
под счастливою звездой направились в столичный

город Самарканд ³⁹, что объяснялось любовью его величества к сему красивому, благонравному и похвальных качеств принцу, у которого на благословенном челе ясны и видны, как солнечный свет, сияния зрелости и миродержавия и признаки божественного блеска как при движении его, так и в спокойном состоянии. Все [это было выражено] в такой степени, что без вида его счастливого лика и без августейшей с ним встречи меньше всего чувствовалось спокойствие сердца и душевное удовольствие, а не видя его дорогие черты, трудно было быть веселым. [67]

Стихи

[Крепость] каната их жизни — здоровье,
И да будут они вместе связаны до дня страшного суда /52/.

Как ни хотелось его величеству, чтобы они находились при нем неотлучно, чтобы не расставаться [ему] со светом [своих] очей и с плодом сердца, но он подумал, что не дай бог, если жара Индостана дурно повлияет на благословенное здоровье [Улугбека]. [Если] разлука с тем дорогим

[его сердцу принцем] создавала затруднительное положение [для его величества, тем не менее] высшие побуждения религиозного порядка [его величества] явились причиной того, что он предпочел разлуку с [этим] любимым ребенком ⁴⁰. [Правда], любовь, составляющая потребность человеческой природы, не давала разрешения хотя бы на один час разлучиться с принцем, но поскольку его величеству, счастливому монарху, свойственны избранные постановления и одобряемый законом образ действий, то религиозные соображения одержали верх [над чувствами любви к Улугбеку]. Страсть же к войне с неверными, гебрами и тиранами [крепко] вцепилась в подол августейшей энергии. Как бы [сам] принц тварей мира Улугбек-бахадур внешне ни был далек от всегдашнего присутствия при хаканском дворе и от ковра монаршего благоволения, все же он всем своим существом, всем сердцем и душою всегда присутствовал на пространстве высочайшего двора, подобно тому, как солнце небес пророческой миссии и луна неба величия, глава послов и пророков, Мухаммад-

избранник, — да благословит его Аллах и да приветствует! — когда в некоторых [ведшихся им] священных войнах его сподвижники — да будет над всеми ними благоволение Аллаха! — по необходимости [не принимали в них участия и] лишались общения с пророком и служения ему, говаривал: “Ни на одной остановке, ни в одной долине не случилось перехода без того, чтобы они не были в общении с нами и в созерцании нас, иначе говоря, перед нашими духовными очами они были, неотделимы от безотлучного при нас пребывания”. Сказал посол Аллаха: — да благословит его Аллах и да приветствует! — “Поистине Аллах не смотрит на образ ваш и дела ваши, но он взирает на сердца ваши и на ваши намерения”. Художник предвечности, — да будет он могущественным и великим! — создав всякий цвет, заключил в него определенное значение, **[68]** кроме которого обширный ум ничего другого не признает. Извечный мастер, выводя из-за завесы потустороннего мира на равнины [всеобщего] обнаружения каждый образ, заключает в него

определенное качество, которое святой дух, кроме него, другому не отвечает ⁴¹/53/.

Стихи

Не каждому образу можно иметь друга,
Вглядись в это изображение, чтобы [знать], что в нем за
сущность.
С [определенным] значением возникает образ, [созданный]
другом [творцом].
А не так, как [представляют] видящие изображение
поклонники внешней формы.

Его хаканское величество также на всех станциях и
переходах хранил в памяти дорогой образ своего
внука и уделял воображаемому созерцанию его
потайный уголок в своем сердце.

Стихи

Образ исчез из глаз, а хорошие качества остались на глазах.
Лицо [скрылось] за завесою, представление же [о нем]
одинаково с ним.

Словом, мирозавоевательная мысль [его величества]
приняла решение отправиться “священной войною”

на неверных и приложить всяческие усилия, чтобы устранить тиранию и злоумышления разбойных элементов и даровать мусульманам освобождение [от всего этого], чтобы купцы и все приходящие и уходящие могли посещать [эти страны] в полной безопасности, а мусульмане со спокойною душою могли бы жить под покровительством справедливости и хорошего обращения.

Государь рода человеческого, султан султанов мира, наиболее достойный из царей суши и океана, [есть] Гийас ал-Хакк ва-д-Дин султан Махмуд-хан ⁴², высота происхождения и величие дома которого возвышаются над эфировым сводом, над вершиною солнца и блестящего месяца, превосходство военных достоинств которого признает его хаканское величество. Исходя из нужд миродержавия, [его величество] всячески заботится об укреплении его могущества на престоле [69] государства и во всякой стране ислама, которая /54/ оказалась захваченной [его величеством], он хутбу и монеты украшает его августейшим именем и титулами, так что молва о благородстве сего потомка великого рода Чингиз-

хана ⁴³ охватила весь мир, а упоминание о его правлении, о его достоинстве, как венценосца, и о его царственном господстве с быстротою ветра распространилось по [разным] странам мира, будучи написано пером Меркурия на страницах Солнца и Луны. [Этот славный султан Махмуд-хан] соизволил отправиться из вышеназванной остановки [из Кабула]; с ним выехали сопровождавшие его на правах служения ему именитые принцы и великие эмиры, кои суть свет очей святых, огонь, [прожигаящий] вражескую грудь, и крепкая мышца царства и нации, вроде принцев Султан Хусайн-бахадур, Рустам-бахадур и Джаханшах-бахадур, Гийасаддин “тархана”, Хамза' Тугайбуга “барласа”, эмира Шайх Арслана, Сунджик-бахадур и прочих эмиров.

Девятого числа месяца зу-л-хиджжа ⁴⁴ явились послы от Тимура Кутлуг-углана, от эмира Идику и Хизр Хваджа-углана. Удостоившись облобызать [высочайшую] подстилку, они сделались полными соучастниками вкушения вина царской милости ⁴⁵ /55/. Они были обласканы [его величеством], в честь

их было устроено пиршество; на них были надеты великолепные халаты; их просьбы были удовлетворены в форме писаного высочайшего победоносного указа, и они получили разрешение вернуться обратно. Смысл посольской миссии [каждого] и содержание [привезенного каждым послом] письма, поскольку послы были приняты, как высокочтимые начальники, были такие: “Мы все выкормлены милостью его величества, счастливого государя; введенные в чертог убежища вселенной и допущенные к его небоподобному двору, мы в течение некоторого времени по наущению сатаны и под влиянием наших дурных страстей вышли из пределов служения и из сферы повиновения ему и, подобно смущенным и растерянными ворами, скитались в пустынях без пристанища. Теперь же вследствие направления руководящего ума и правильного образа мышления мы снова обрели правильный путь и настоящую дорогу, открывшуюся [нам] от очей мудрости, овладели опять пониманием [необходимости] подчиняться ему, которое до сего вышло было из рук содействия [нам]. Несколько

времени мы шли, повинуюсь влечению своих страстей и не [70] зная, какого отчета от нас потребует жизнь. Мы раскаиваемся [теперь] перед этим великим [государем] и надеемся, что оттуда, где содержатся хаканские милости, он прикроет наши прегрешения подолом поблажки и снисхождения, зачеркнет чертою прощения страницы наших грехов и проступков, чтобы после сего мы были на большой дороге повиновения и подчинения ему непоколебимыми и стойкими. И мы — те же самые рабы я слуги [его, как и все]; слуги и подчиненные, какими мы были...

Стихи

Все страны Востока в покорности тебе.
Головы наши — шары твоего чаугана.
Все мы — рабы, обожатели государя:
И я, и Кив, и Гударз, и каждый человек, который
существует!

Его хаканское величество благосклонно принял их
извинения, удовлетворил их просьбы и нужды,
пожаловал им указы, украшенные прощением и

укрепленные [высочайшею] печатью милостей, и послал вместе с ними достойные подарки его царственного благоволения. Веселые, довольные, счастливые /56/ и в спокойном состоянии они вернулись [восвояси]. Роза радостного настроения выставила лицо из бутона [достигнутой] цели; запах удовольствия с луга [удовлетворения] желания донесся до обоняния сердец. Получив полную долю из сокровищницы [его] беспредельных милостей, взяв обильную часть из казны [его] бесценных благодеяний, счастливые и умудренные [люди] со всех концов мира с надеждою стремятся к тому, чтобы занять благородное место у этого порога, касающегося райских садов. Благосклонно принятые и удостоенные высокомилоственного взора, они ожидают и надеются, что достигнут у сего небоподобного по могуществу порога благоприятного [для себя] случая.

Стихи

Вся вселенная взирает, чтобы высокосчастливый взор
Упал на кого-либо: авось и ты будешь в то мгновение в поле
его зрения!

В тот же день было и то, что эмирский сын Шайх
Нураддин Мухаммад, сын эмира Сарыкбуга,
который, принадлежа к знати и приближенным
[высочайшего] двора, достиг при дворе убежища
вселенной, [счастливого монарха], высоких степеней
и цветущего положения и был утвержден [его
величеством] в должности даруга в области Фарса, с
захваченной добычей, счастливый и радостный,
прибыл в августейший лагерь. Прояснив свои
счастливые глаза прахом благоприятствующего **[71]**
[высочайшего] кортежа, он доставил в этот юрт, в
ставку [его величества], солидные подношения:
охотничьи птицы, вереницы верблюдов, мулов и
арабских коней, обитые золотом седла, дорогие
конские уздечки, превосходные щиты и другое
оружие, разные редкие вещи, [традиционные]
девятки платьев и одеяний /57/, драгоценные камни и
золотые и серебряные приборы. Все это ошеломляло
зрителя, пальцы же счетовода от подсчета

[подношений] приходили в утомление. В течение трех дней секретари дивана последовательно записывали все это [на приход]. Приготовив в надлежащем порядке тетради, они и великие эмиры представили их на высочайшее благовоззрение ⁴⁶.

Все эмиры в этот день собрались и представили [доставленное] на могущественное обозрение счастливого монарха. С самого появления утра на подковообразном горизонте, когда небо положило, как подарок на блюдо, золотой диск солнца, почти до полудня он пропускал [перед высочайшими глазами] эти подношения [Шайх Нураддин Мухаммада]. В тот день на этом собрании присутствовали послы ⁴⁷, посланники ⁴⁸, высокие представители войска ⁴⁹ окрестных областей вроде Тайзи-углана, прибывшего с посольством из Китая, и послов Тимур Кутлуга. [Все] они смотрели на эти драгоценные вещи и [на все эти] бесподобные [формы выражения] услуг и удивлялись тому, что один из рабов его величества вроде этого [эмирского сына] смог представить такого рода подарки на [высочайшее] благовоззрение. Его величество изволил пожаловать

всем посланникам и представителям от военачальников ⁵⁰ разнообразные предметы из этих превосходных подарков, сделав их издольщиками в представленных ему редкостных вещах. Старания эмирского сына Шайх Нураддина удостоились чести получить [высочайшее] одобрение и похвалу, и он был по-царски обласкан. [Вследствие этого] его голова от гордости поднялась до небес, и он языком фактов говорил: “Могу ли я не быть обязанным [его величеству] за такую милость, от которой глаз моей надежды осветился [светом] счастливого лица и августейшим его хаканского величества видом, а площадь **[71]** моего желания превратилась в цветник от дуновения зефира счастья, [выпавшего на мою долю]”.

Стихи

Сегодня всякое рассыпание [драгоценностей] стоимостью меньше, чем жизнь,
Было бы недостойно величия порога августейшего /58/.

На этой же остановке многие из подданных и народа области Ирийаб принесли жалобу на притеснения и

несправедливости, испытываемые ими от разбойников-афганцев, племя которых называлось вазказни. [Они говорили]: “Этот сбившийся с пути народ предал на поток и разграбление наше достояние, захватил наши земли и имущество, напал ночью на эмира нашей тысячи ⁵¹, который был из числа рабов вашего величества, убежища халифского достоинства, и в ночной резне убил его. [Теперь] этот вилайет захвачен афганцами, которые засели у начала путей, и ни одно существо не сможет по ним благополучно пройти [и проехать] от чинимых ими обид”.

Когда его величество услышал об этом, в нем загорелся огонь заботы о благе подданных и поднялся кверху небывалыми языками; его благословенное лицо изменилось, и знаки злобы показали в складках его бровей и августейшего лба. Оставив вследствие этого путь на Газнин, он избрал путь на Ирийаб. Он шел, [сопутствуемый] со дня на день увеличивающимся счастьем в степени постоянного согласия [с его желаниями] и благоприятствующей удачей в местах, [где он

требовал] подчинения и сдачи [себе], когда, [наконец, его] миро-завоевательное знамя достигло подступов к крепости Ирийаба и в ее окрестностях натянулись веревки шатра величия и счастья /59/. Крепость та была известна; она была так обширна, что посреди помещались соборная мечеть, другие большие мечети, дома и [разные] высокие здания, но афганцы опустошили эту крепость и сильно ее разрушили. Его величество прежде всего решил восстановить здание основ религии, которая была в поле зрения августейшего внимания, и поставил целью своего высокого ума восстановить благосостояние мусульманской страны, что всегда являлось неразлучной спутницей его светозарной мысли. Ради народа и обитателей той области, ради безопасности путей и благополучия будущего и настоящего положения последовал письменный мирозавоевательный указ, чтобы ту крепость [Ирийаб] опять восстановили. Все сословие ремесленников и подмастерьев, собравшись, столь большую крепость в течение четырнадцати дней восстановило и привело в [73] благоустроенный вид;

дома, бывшие внутри крепости, были заново отстроены. Окончание восстановления и отделки соборной мечети, расположенной посреди крепости, было возложено на эмира Шах Малика и величие ислама. Всех разбойников, которых называют вазказни, привели в августейший лагерь /60/, где они внешне выразили покорность и явно положили головы на черту рабского служения [его величеству], а ноги поставили в круг повиновения и подчинения ему. Два-три дня они исполняли условия службы и, находясь в составе высочайшего кортежа, медь, покрытую золотом лицемерия, выдали за наличные чистые деньги верности ⁵². В конце концов мерзость их сердец, уловки и коварство [воочию] обнаружили, и их воровской характер, который глубоко пустил корни в их природу, вырвали с головою.

В ночь на пятницу шестнадцатого числа зу-л-хиджжа [афганцы] попытались убежать и уйти из крепости. Но так как слуги его величества держали под своим наблюдением крепостные ворота и охраняли их, [афганцы] не могли пробраться из крепости наружу.

На утренней заре, когда Джамшид-солнце был еще далек от горизонта восхода и царственные планеты собрались за скрывавшей их завесою, афганцы, воровски подкравшись, бросились на караулы и ранили некоторых из рабов [высочайшего]. На следующий день, когда блестящее утро подняло с лица вселенной черное покрывало [ночи] и сверкающий, как алмаз, меч сорвал с солнечного лика щит, солнце украшающей мысли [его величества] узнало о коварстве афганцев и осветило тьму этого положения. В пятницу, в полуденное время, последовало повеление высочайшего, которому повинуются мир, чтобы взяли задержанных изменников и окрасили кровью этих злодеев блеск кинжала и закалом огнеподобного меча бросили на землю унижения тела этих злополучных людей, кои подняли взор бунта. Двести этих воров было перебито, их души были вручены владыке ада, и зло, причиненное этими злонамеренными людьми мусульманам, было в корне пресечено. Жены, дети и имущество их были переданы тем обиженным жителям области Ирийаб, которые испытали от рук

этих людей бесчисленные притеснения и насилия, родственники же их были перебиты. Большую часть этого [афганского] племени и большинство захваченных в плен [74] главарей /61/ разбойников отдали старейшинам ⁵³ крепости Ирийаб и наследникам убитых [разбойниками людей], чтобы [эти наследники] осуществили полагающуюся по непреложному шариату кровную месть, отомстив [тем самым за насильственную смерть близких своих].

Всякий, являющийся началом зла и беззакония, попадает [в конце концов] в шестистворчатый круг бед, во власть несчастья и тяжелого положения и испивает чашу своей преступной развращенности и несправедливости.

Стихи

Злоумышляющий народ, кроме зла, ничего не видел.
И [потому] пал, не увидев никого слабее себя.
Возбуждающий зло становится и во главе зла,
Как скорпион, который реже всего бывает в доме

Сословие истинных господ и [людей], шествующих
путем веры, чтущих бога и отшельников и
путешествующих по миру, каким языком смогут
воздать благодарность за [дарованное] благо этому
счастливому монарху, величием подобному
Александру [Великому], в августейшую эпоху
которого открылся день базара безопасности и
спокойствия, темная ночь мятежей обратила тыл,
огонь отнял руку угнетения от края [легко
загорающейся] ваты и вода благодаря соседству с
камнем прекратила крики о помощи? Естественно,
что каждое сословие людей всеми способами
молитвенно поднимает руки и просит долгой жизни
[его величеству] у святейшего царя царей — да будет
он прославлен и возвеличен! Безмятежность
[личного] покоя и спокойствие своего времени они
умоляют продлить над [его] могущественной
державою, ибо спокойствие народа под его сенью.

Стихи

Благости и милости — у чистого господа,
Удел же рожденных от персти — прах.

Клянусь блеском кинжала бойцов за веру,
Клянусь прахом пути главы арабов [в том],
Что — да не будет у времени и дня без тебя,
Да не будет никакого ущерба в круговращении твоего
времени!
Да не увидит твоя жизнь заката,
Да не будет твоя счастливая звезда ничем запятнана!

Когда закончилось устройство дел области Ирийаб и тамошние дела упрочились /62/, семнадцатого числа месяца [75] зу-л-хиджжа ⁵⁴ [его величество] изволил выступить оттуда, направив свое победоносное знамя в страну шинвариюв ⁵⁵. По прибытии туда он изволил находиться в пределах этой страны в течение двух дней. Случилось так, что по высочайшему приказу был выделен отряд войска в несколько тысяч всадников, чтобы они отправились к крепости Н. г. р. ⁵⁶, а принц рода человеческого, Халил Султан-бахадур, на благословенном челе которого светилося, как сияющее солнце, раннее утро счастья, с группю великих эмиров пошел бы дорогою через *** ⁵⁷ в местность Бану. Перед этим в Кабуле был издан приказ, которому повинуется

вселенная, чтобы принц Сулайман-шах выступил с хорасанскими войсками для постройки крепости Н. г. р. Девятнадцатого числа упомянутого месяца [зу-л-хиджжа] ⁵⁸ победоносные войска достигли укрепления Н. г. р. Принц Сулайман-шах и эмиры, прежде [его] выступившие в эти пределы, [уже] построили крепость Н. г. р. Приложив все усердие к тому, чтобы крепость была прочна и крепка, [Сулайман-шах и эмиры] в ожидании соединения с находящимися в пути могущественными, как небо, знаменами [главных сил Тимура] довели до августейшего сведения, что племя парнийани, которому был дан письменный приказ завоевателя мира /63/, чтобы оно пришло со своим войском в лагерь убежища победы и опоясалось поясом службы [его величеству] и безотлучного при нем пребывания, не выказало повиновения и не прислало войска. Как прекрасно, что злонравие народа на пути обмана такого государя, который осведомлен о тайнах неба, проявляется [лишь] внешне и не соответствует внутреннему [настроению]! Как отраднo, что заблуждение того или иного племени,

которому пришла в голову мысль о неповиновении,
выйдет лишь на один кончик волоса из границ
рабского служения [его величеству]! [76]

Стихи

Кто выходит из повиновения ему,
Тому время снесет голову с плеч.
У того, кто идет в противоположную сторону,
Лицо почернеет, как перо, обмакнутое в чернила!

В тот же день его величество [сел] на быстроходного
коня, объезжающего вселенную, быстрый ветер от
которого в день битвы не видел и зефир,
облетающий мир, а поднимаемую им густую пыль не
пронизывал и пронзительный северный ветер.

Стихи

Он [конь] взял урок бега у серн,
В горячности подобен огню, а в плавности — воде.
Когда пришел в круговращение, то стал быстрокрылым,
Стал одинаково подобен и южному [горячему] ветру, и
северному, холодному.

Воссев на коня, [его величество] направился против тех стран. [Его] победоносное войско, которое пресекает день [неприятельской] атаки, подков коней которого и во сне не видит колесо,двигающее вселенную, а лев, сидящий в колеснице небесной сферы, не рассекает пыли, поднимаемой копытами его лошадей /64/, обрушилось набегом на племя парни. Много народа из него отправили в адский огонь блеском закала индийских сабель и копытами [своих] быстрых арабских коней подняли пыль с макушек [голов парниев]. Жены, дети, имущество и вся утварь, и запасы пищи этих разбойников были отданы на расхищение и разграбление, их дома были сожжены, а пепел развеян сильным ветром гнева [его величества]. И дым мщения, поднявшийся с поверхности земли, достиг до самых Плеяд. Скопище парниев обратилось в бегство. Мироукрашительная мысль [его величества], видящая в зеркале [существующего] положения [вещей] образы будущего, и прекрасная распорядительность, назад отдергивающая кончик нити predetermined, признали за благо остановиться в этих горах, дабы с

божьей помощью и с господним покровительством весь этот мятежный народ захватить в плен, изгладив их зло со страницы времени, освободить [все] пути в той области от страха и опасностей, причиняемых разбойниками и бунтовщиками, охранить переправы и дороги от вреда, наносимого продерзостными грабителями, и освободить купцов и караваны путешественников из оков бедствий и тенет изнурения.

Тем временем главарь ⁵⁹ этого народа, движимый чувством [77] преданности и искренностью своих намерений, направился в августейшую ставку и там, где пребывал величайший монарх, — да пребудет это место всегда Ка'бою надежд человеческого рода! — совершил обход и удостоился облобызать [высочайший] ковер. В качестве средства своего спасения он принес покаяние и просьбу о прощении [в своих проступках]. Благороднейшая высочайшая мысль, которая своею царственною проницательностью по внешним проявлениям безошибочно судит о внутреннем состоянии [человека], ясно уразумела истинность его

намерения. В благословенном уме [счастливого монарха] запечатлелось [одно], что этот человек по чувству своей правдивости и искренности отвернулся от разбоя, воровства и мерзостного поведения. С чистым сердцем придя в местопребывание мира и рабского служения, получил за преуспевание [в своей] правдивости полную долю из сокровищницы царственных милостей и государева милосердия, а из семени своей добросовестности получил плод избавления [от наказания].

Стихи

Правдивые освободятся [от наказания] в день отчета,
Употребь и ты усилия к тому, чтобы тебе уйти [чистым] от
[того] отчета!
В этом базарном ряду [в этом мире] поступай правдиво,
Чтобы спастись тебе в ряду того мира!
Подобно рассвету, появилось правдивое слово, [и]
Мир купил его на золото, как нечто великолепное.
Подобно кипарису, оно подняло знамя [своей] прямизны [и]
Не увидело в осеннюю пору [упадка всего] горестного
расхищения [правды]. /65/

Принц Сулайман-шах после того как устроил и привел в надлежащий вид крепость Н. г. р, как об этом было выше упомянуто, получил известие, что племя килати, являющееся сильным, многочисленным и представительным, допустило задержку и промедление в повиновении мирозавоевательному ярлыку [его величества] и [до сих пор] не послало своего войска в августейший лагерь. Когда [Сулайман-шах] узнал об этом, то он за два дня до прибытия высочайшего кортежа выступил из крепости Н. г. р. со своими войсками и свитой, сделал набег на то племя и, несмотря на то что в нем были люди сильные и могучие, он их всех победил и вверг в несчастье; некоторых предал блестящему мечу и сыплющему искры кинжалу, некоторых пленил; извлек ветром грабежа и погрома дым из их домов и имущества, а детей взял в плен. Во исполнение же августейшего повеления он выступил из пределов страны [племени] килати и присоединился к лагерю [78] убежища вселенной, соблюдая все правила геройства и [воинской] чести. Утро удачи и победы возшло с востока счастья, и

естественным образом он испил из чаш царственных благосклонностей /66/ и милостей сладостную холодную воду; он облекся в халат [государевой] ласки, полученной из сокровищницы попечения [его величества о своих рабах] и щедрых [к ним] милостей.

В первый день месяца мухаррама 801 года ⁶⁰ его величество вернулся из мест, [занятых] племенем парниев, и остановился в окрестностях крепости Н. г. р. Восьмого числа упомянутого месяца ⁶¹ знамя убежища победы простерло свою тень над берегами реки Синд, и веревки, натягивающие царственную палатку, протянулись до [самой яркой] звезды 'Аййук. Последовал приказ, коему повинуются вселенная, чтобы через реку Синд навели могольский мост ⁶². Тотчас приступили к делу и построили прочный мост, подобного которому не было ни у кого из прежних государей, и могущественная рука прежних хаканов была коротка, чтобы соорудить подобный мост. В этот день некоторые послы, прибывшие из окрестных государств, получили распоряжение отправиться

обратно, вроде сейида Мухаммада Мадани, который прибыл от обоих священных мест [Аравии], из Мекки и Медины, — да прославит всевышний Аллах их оба! — к порогу убежища вселенной, являющегося Ка'бой [всех] упований рода человеческого. Посольские миссии всех султанов, эмиров и благородных людей того государства /67/, известив [его величество о целях своего приезда], доложили его могуществу, что они пребывают в ожидании и надежде на то, чтобы мирозавоевательные знамена, как феникс распростерши свои крылья, бросили тень на головы всех, и те земли, [на которые падет тень, его величество] взял бы под свое милостивое покровительство и под сень своей защиты. В числе послов в августейшем лагере были также послы Искандар-шаха кашмирского, которые засвидетельствовали от имени своего государя выражение готовности служить и повиноваться [его величеству]. Выполнив его поручение, [они] должны были вернуться обратно. Последовал [высочайший] приказ, коему повинуются вселенная, чтобы [Искандар-шах лично] удостоился явиться в город

Дибалпур для лобызания [высочайшего] ковра вместе со своими войсками и свитой. Во вторник двенадцатого числа упомянутого месяца [мухаррама] ⁶³ победоносное знамя [его величества] [79] соизволило переправиться через Синд и остановиться на окраине Чул-и Хусрау ⁶⁴. Эти пределы [его величество] сделал центром своего могущества и величия и [местом] своего счастливого лагеря.

Эта [степь] Чул-и Хусрау известна в исторических сочинениях под названием Чул-и Джалали по той причине, что, когда султан Джалладдин Манкубарти убежал от Чингиз-хана, последний отправил в погоню за ним войско. Султан бросился в эту степь и тем спасся [от монголов].

На окраину этой степи, на территорию, занятую небоподобным могуществом, направились, чтобы стать проводниками [вечно] бодрствующего счастья, начальники и рдджи гор Джуд. Они надели на шлемы ошейники рабства, положили головы на черту подчинения [его величеству], вступили в сферу

повиновения ему и постарались выполнить [требовавшиеся от них] условия предоставления скота [для армии], соблюдения обычаев подношения подарков и соблюдения военной службы.

Щедрыми и, как солнце, блистающими милостями и благодеяниями [его величества] они были осыпаны. Последовали [высочайшие] приказы /68/, коим повинуются мир, относительно внимательного [к ним] отношения и соблюдения [их] интересов, и они, довольные, со спокойной душой, в безопасности и благополучии вернулись на свою родину. Во всяком случае молодое дерево дружбы и покорности, будучи продуктом [собственного] преуспевания, принимая великодушную поливку луга верности и [искренней] службы, приносит [в результате] счастливый плод.

Перед этим в течение нескольких месяцев эмирский сын Рустам Тугайбука “барлас” ⁶⁵ [неоднократно] направлялся [его величеством] с несколькими тысячами кавалерии в направлении Мултана и оставался там по нескольку дней, [в результате этого] тамошние раджи опоясались поясами

покорности и безотлучного пребывания [в свите его величества], выполнили причитающуюся [с них] поставку фуража и продовольствия и проявили отличную готовность служить [интересам] его величества.

Разумеется, [они] удостоились достойных и бесценных милостей и беспредельной благосклонности; охранение же **[80]** прав каждого слуги является одной из обязанностей его величества, счастливого монарха, а наблюдение за службою слуг есть одно из свойств и качеств хаканского двора.

Стихи

До тех пор, пока в пространстве вращающейся небесной сферы
Светят Луна, Венера и Солнце,
Всегда да будет миру миродержец и
Да будут головы его врагов [всегда] повержены!

Комментарии

1 17 ноября 1387 г. — *Ред.*

2 Коран, 8 (25).

3 Гиндана (***) — трава (из семейства *Allium roggum*) с острыми листьями, употребляемая в Бухаре, Самарканде и в других местах в приправу к кушаньям наряду с чесноком; применяется также в медицине.

4 12 декабря 1387 г. — *Ред.*

5 Мухаммад ибн Музаффар — основатель персидской династии Музаффаридов, правивших в Фарсе, Кермане и Курдистане, — царствовал с 713/1313 по 760/1359 г.

6 В тексте *** — *Ред.*

7 Все эти метафоры означают одно: как только началось сражение, сабли бойцов обагрились кровью; рубин — кроваво-красного цвета, а йеменский сердолик — светло-красно-коричневатого оттенка.

8 Шах Мансур — из династии Музаффаридов, правил в Исфахане с 789/1387 по 795/1393 г.

9 Хавиза — небольшой город в Хузистане, как и Дизпуль (Дизфуль).

10 Авах — город между Зенджаном и Хамаданом; в XIV в. входил в состав округа Саве.

11 Лур, или Луристан, у восточных авторов делящийся на Большой Лур и Малый Лур, — пустынные пространства с горами между Исфаханом и Хузистаном.

12 Должно быть: 'Шуштар'. — *Ред.*

13 Вуруджирд, или Буруджирд, — город между Хамаданом и Кереджем.

14 Год начался 17 ноября 1392 г. и окончился 5 ноября 1393 г. — *Ред.*

15 Эта крепость, по словам Хамдаллах Казвинского, находилась на расстоянии около одного фарсанга от города Наубандагана, в Фарси-стане, в округе Сабур (Шахпур) (“The Geographical Part of the Nuzhat al-Qulub”, pers. texte, ed. G. Le Strange, Leyden — London, 1915, P. 129).

16 Кутвал — градоначальник; здесь этот термин следует понимать в значении 'комендант'.

17 Выше автор называет его Султан Мухаммад-бахадур, а здесь — Мухаммад Султан-бахадур, как правильно назывался этот любимый внук, Тимура и как это имя вырезано на его гробнице в Гур-Эмире (в Самарканде).

18 Мне не известен такой народ; хотя в указателе 1. *Nomina propria*, приложенном к изданию настоящего текста, это слово отмечено, как название народности (стр. 215).

19 Здесь (в оригинале) непереводаемая игра слов — 'мансур' значит также 'победоносный'.

20 В ту пору Сирджан ом назывался, как и теперь, округ, лежащий к востоку от Шираза.

21 Т. е. военачальники.

22 Селение Кумиша расположено к югу от Исфахана на дороге в Шираз (*В. В. Бартольд*, Историко-

географический обзор Ирана, СПб., 1993, стр. 95.

Там же о Сирджане, стр. 95).

23 Т. е. поэты.

24 Букв. 'семьюдесятью красками разрисовывает'. —
Ред.

25 В тексте *** — *Ред.*

26 В тексте *** — *Ред.*

27 Разумеется рука Моисея, по преданию изливавшая
ослепительный свет.

28 Султан Махмуд Газнави (969 — 1030).

29 В тексте *** — *Ред.*

30 Май — июнь 1398 г. — *Ред.*

31 Коран, 6 (45).

32 15 августа 1398 г. — *Ред.*

33 Параллельно приведенному здесь тексту,
начинающемуся со слов хадиса “Поистине сердца
царей. . .” и т. д. и оканчивающемуся словам»

“могущества и величия”, в критическом издании текста Гийасаддина Али приведены извлечения из рукописи Британского музея (Add. 23980) труда Низамаддина Шами “Книга побед” (“Зафар-нама”) под названием “О выступлении в поход победоносных знамен в направлении областей Синда и Инда”. В этом извлечении говорится, что после нанесения поражения Туктамыш-хану и возвращения в Самарканд Тимур зимовал на Ангрене (Ахангаран). Принца Пир Мухаммада он назначил правителем в Моголистан, приказав ему обстроить и заселить приграничные районы, чтобы создать в них продовольственную базу для войск, с которыми Тимур намеревался идти походом на язычников Китая и Хотана. Но еще прежде до Тимура дошли вести, что в Индии, в Дели, и других местах существует ислам, чеканятся монеты с мусульманскими символами, но вся окружающая мусульман масса — “неверные” язычники, что местные мусульманские владыки довольствуются взиманием с этих “неверных” податей, предоставляя им коснеть в заблуждении и неверии. Задумав

расправу над язычниками, не просвещенными “светом” ислама, Тимур, как правоверный государь, предпринял поход на Индию вместо похода, на Китай и Хотан.

34 Абу Наср Мухаммад ибн 'Абдалджаббар 'Утби (умер около 1036 г.) составил на вычурном арабском языке историю султана Махмуда Газнави, которая является одним из важнейших первоисточников по этому вопросу. Названный труд был в арабском подлиннике издан Шпренгером в 1847 г. в *Индии*, в Дели; были также египетские издания; в 1205,06 г. он был переведен на персидский язык. Существует тегеранское издание этой работы, вышедшее в 1857/58 г. (см. *В. Бартольд*, Туркестан в эпоху монгольского нашествия, ч. II, СПб., 1900, стр. 20 — 21).

35 Коран, 3 (33). — Слова эти взяты из молитвы Захарии, отца Иоанна Предтечи.

36 Коран, 25 (74).

37 Коран, 38 (29).

38 'Высокая колыбель' — титул матери монарха (шаха). — *Ред.*

39 До этого места, начиная со слов “В этом походе” и т. д., приведен параллельный текст из названной выше рукописи Британского музея, ничем, кроме большей простоты языка, не отличающийся по содержанию от основного текста, разве только одним: в нем приведено имя царицы Балкис — “Сарай Мулк-ханым”.

40 До этого места от слов “Как ни хотелось” и т. д. приведен параллельный текст из той же рукописи Британского музея, передающий в несколько ином виде те же самые мысли Гийасаддина 'Али.

41 Автор хочет сказать, что творец, воспроизводя каждый существующий в природе цвет, создавая из небытия какой-либо реальный образ, во все это влагает лишь одному ему присущие индивидуальные особенности. Это, между прочим, более ясно выражено в последующих стихах.

42 Разумеется монгольский хан Джагатаева улуса, при котором Тимур номинально был лишь “великим эмиром” (см.: *В. В. Бартольд, Улугбек и его время*, Петроград, 1918, стр. 22 — 23).

43 В тексте *** (Джингиз-хан). — *Ред.*

44 Т.е. того же 800 г. хиджры, или 23 августа 1398 г. н. э. — *Ред.*

45 До этого места, начиная со слов: “Государь рода человеческого” и т. д., приведен параллельный текст из названной выше рукописи Британского музея.

46 До этого места, начиная со слов “В тот же день было и то...” и т. д., приведен параллельный текст из названной выше рукописи Британского музея.

47 В тексте ***

48 В тексте ***

49 В тексте ***. Здесь приходится отказаться, применительно к контексту, от значения этого слова как 'инспектор войска' или рассыльный'.

50 В тексте ***.

51 В тексте ***

52 До этого места, начиная со слов “На этой же остановке ...” и т. д., приведен параллельный текст из упомянутой выше рукописи Британского музея (л. 127а) того же самого содержания и в тех же выражениях, но с таким разночтением: афганское племя именуется 'даркуни' (***) в индийском издании “Зафар-нама” — 'киркис'.

53 В тексте ***.

54 Т. е. 31 августа 1398 г.

55 В опубликованном тексте издатель поправил, по-видимому, в соответствии с упомянутой рукописью Британского музея (Add. 23980), чтение в рукописи текста Гийасаддина 'Али *** на ***. Полагаю, что следует читать 'шинвар', разумея афганское племя 'шинвар'или 'шинварй'.

56 В тексте ***. Издатель ввел в текст начертание *** кажется, в соответствии с таким же начертанием

рукописи Британского музея; в рукописи же, которая издана, стоит ***, т. е. 'горное ущелье', 'дефиле' что более соответствует истине и означает укрепление при входе в горный проход.

57 Слово без различительных знаков и потому не читается. Это же слово в индийском издании “Зафарнама” читается как Кабчигай (***)

58 2 сентября 1398 г.

59 В тексте ***.

60 13 сентября 1398 г.

61 20 сентября 1398 г.

62 В тексте ***.

63 24 сентября 1398 г.

64 Букв. 'степь Хосрова'.

65 Параллельно тексту (стр. 65 — 67) приведено извлечение из упоминавшейся рукописи Британского музея. В этом извлечении указано, что Тимур в Мултан послал принца Рустама и Тугайбука

“барласа”, в нашем же тексте это является именем одного лица (без союза 'и'). Выше слово Тугайбука писалось как Тугайбуга.

[ГЛАВА]

О ШИХАБАДДИН МУБАРАКЕ ТАМИМИ И О ЕГО ПОКОРНОСТИ И ОСЛУШАНИИ

Дело было такое. Упомянутый Шихабaddin был правителем одной области ¹, расположенной вдоль берега реки Джамда; он много имел подчиненных ему лиц и приближенных, а равно бесчисленное количество орудий, боевых припасов и всякого имущества. Когда принц рода человеческого, отпрыск [великого] эмира, Пир Мухаммад-бахадур, достиг перед этим границ Мултана, то Шихабaddin удостоился облобызать его ноги и получить обильные милости, и особенное внимание, и ласковое отношение /69/. Он некоторое время [хорошо] старался исполнять свои обязанности службы, находясь в свите [Пир Мухаммада]. Когда же он возвратился к себе, то его голову охватила одурь неповиновения, и [эта] порочная мысль

проложила путь в его мозгу. Он возгордился недоступностью и естественною укрепленностью [своей] страны, а равно — поддержкою [в этом отношении] реки. [Но] на берегу реки небытия он построил [свой] дом, и как бы вода ни служила причиною жизни, она стерла его с лица земли.

Стихи

Берегись считать себя безопасным перед вращающимся колесом судьбы:

Ты полагаешься на воду, пойми же это! **[81]**

Когда его хаканское величество узнал об ослушании этого злополучного [человека], он в пятницу первого числа месяца мухаррама ² отдал приказ, чтобы эмир Шайх Нураддин-бахадур, облако коня которого, источая дождь крови, делает поле битвы зарослями красных тюльпанов, а форма кинжала которого, как серп, срезает поросль вражеской жизни, с десятитысячным войском ³ отправился против владения [Шихабаддина] и [своим] светлым умом и отменным старанием довел до удовлетворительного исполнения это важное дело. Эмирский сын Шайх

Нураддин, повинувшись высочайшему приказу, сопутствуемый всей своей кавалерией [быстро], как ветер, облетающей мир, и, как молния, освещающая его /70/, отправился в путь.

К тому времени, когда он достиг подступов к владениям Шихабаддина, последний уже прорыл глубокий ров и воздвиг высокую стену и, укрепившись, начал военные действия. Произошло такое сражение, что и сказать невозможно.

Когда феникс солнца скрылся за горою Каф, а серебристый сокол дня укрылся в гнезде ночного мрака и черный ворон ночи взял под крыло золотое яйцо небосвода, Шихабаддин устроил с одной стороны водного пространства ночное нападение [на войско его величества]. Произошла жестокая битва, пламя которой высоко поднялось вверх. Эмир Шайх Нураддин произвел жаркие атаки и совершил ряд последовательных храбрых ударов по неприятелю. Войска Шихабаддина, подобно рыбам, выброшенным на берег, затрепетали и, как полузarezанные птицы, уже не увидели для себя

никакого спасения. Много их было перебито. Так как высоко поднялся от блеска мечей поток погибели, то не было возможности переплыть его кораблю жизни. Некоторые просто бросились в кровожадные волны и, избежав пучины войны и битвы, нашли убежище в водовороте реки /71/. В эту ночь личные пажи [его величеств], вроде Мансура, Бивараджа чухра [пажа] и их братьев, на месте битвы и на поле чести и славы проявили совершеннейшие подвиги [воинской доблести] и получили ранения саблями и стрелами. Когда его хаканское величество изволил остановиться в районе этой области, он особенно по-царски обласкал раненых и вручил им роскошные платья и другие дорогие подарки. В эту же ночь Шихабатдин со своими подчиненными, собрав двести судов, сел на них и бежал в направлении Уджа, одного из городов Индостана. Эмир Шайх Нураддин во исполнение высочайших распоряжений пустился его преследовать по реке Джамд, в то же **[83]** время он продолжал воевать и истребил множество индусов. От крови убитых река Инд — как говорится [у арабов] — превзошла все пределы

своего многоводия. Когда суда Шиха-баддина приблизились к Мултану, войска принца Пир Мухаммад-бахадур, его эмиров и принца Сулайман-шах-бахадур предприняли против него военную операцию /72/, захватили на реке все суда с неприятелем и отомстили ему саблями. В тот злополучный день Шихабдин бросил в реку [свою] жену и ребенка, а сам, спасая свою жизнь от этой ужасной пучины, бросился к берегу. Когда все это было счастливо завершено и [государь] освобожден от бремени этого [тяжелого и] важного дела, августейшие знамена, укрепленные победными и неодолимыми коранскими стихами, направились к [осуществлению] высочайшей цели и заветного желания ⁴.

В воскресенье двадцать четвертого числа месяца [мухаррама] ⁵ [его величество] соизволил остановиться на берегу реки Чинара ⁶ против стен крепости. Охранителем [его была] божественная милость, [проявляемая] с утра до вечера в качестве караульного поста побежденного войска, а передовым постом — божественная помощь, с утра

до вечера благоприятствующая и доброжелательная [ему]. Против упомянутой крепости воды рек Джамда и Чинара сливаются вместе и от всплесков их волн наблюдается [как бы] стечение двух морей и перед проникновенным взором проносится одно из чудес божественного величия. Это река, глубокая и беспредельная, это море, безмерно все затопляющее, по сравнению с которым реки Тигр и Евфрат кажутся озерами, а Сейхун и Джейхун — родниками.

В среду двадцать седьмого числа [того же] месяца ⁷ сплоченные и многочисленные, как муравьи, войсковые части по высочайшему повелению, соответствовавшему предопределению всевышнего Аллаха, навели через эту широкую реку мост, свидетельствующий о большом усердии, а также о предусмотрительном, солидном, необычайно поразительном и сообразительном уме, являющемся образцом целеустремленности, так что и выдавшее виды око не могло и представить себе такой мост даже и во сне, в зеркале воображения. Пока вращается блестящее зеркало солнца и луны, никакая энергичная рука не создала бы этого, а что касается

прежних государей, то [84] никто из них не оказался в состоянии переправиться через эту глубокую реку, исключая падишаха Гармаширина ⁸, который перешел через нее, однако без сооружения моста. Всякое же трудное дело, которое бывает в поле благословенного хакан-ского зрения, легко делается. Всякое большое предприятие, на которое обращает внимание светозарная мысль [его величества], становится осуществленным благодаря мастерской божественного могущества; все великие цели /73/ и желания наилегчайшим образом приводятся [через это] в исполнение. Основание всего этого покоилось на высокой энергии и чистой вере сего счастливого монарха.

Стих

Тысячу дел таким образом осуществила его энергия.

Когда его величество соизволил переправиться по [вышеназванному] мосту и зонт балдахина убежища победы [своей верхушкой] коснулся апогея солнца и луны, он на другой день выступил отсюда. Счастье руководило передовыми частями победоносной

армии [его величества], а помощь вечного господина поддерживала тыл. Победные знамена остановились на берегу реки Талмина против города.

В связи с этим сейиды, ученые теологи, владельцы и раджи этого города направились к августейшему местопребыванию, где удостоились счастья облобызать ковер [его величества]. Каждый сообразно степени своего достоинства и ранга был безмерно и особенно обласкан. В тот же день его величество перешел реку и в пятницу двадцать девятого числа [месяца мухаррама] ⁹ остановился на той стороне реки, пока не переправилась вся [его] армия. В первый день месяца сафара 801 года ¹⁰ равнина, находящаяся в районе крепости Талмина, покрылась разбитыми палатками с центром, занятым знаменами и войсковыми значками. Счастливый государь наложил на город Талмина контрибуцию за пощаду [от расправы] в два лака ¹¹ скота ¹². Великие же сейиды, кои суть листья и плоды чистого дерева пророческого достоинства и пророческой миссии [Мухаммада] и достойны почета и величия, равно свет очей людей истинной веры, обладатели **[85]**

точного знания /74/ и уважаемые ученые теологи, кои своими фетвами осуществляют постановления божественного закона господина посланников, [Мухаммада], — да почуют над ним наилучшие благословения и приветствия! — были освобождены от сего, прощены, избавлены и учинены “тарханами” ¹³, удостоившись награждения дорогими халатами. Сущность заключается в том, что его величество, [поступая так] по отношению к этим двум высоким сословиям [сейидов и ученых теологов], держался, во-первых, таких [слов], оказывая им уважение: “Скажи: в награду за это я прошу у вас только любви к ближним” ¹⁴ и, во-вторых, украшая их почетным платьем [следовал словам]: “Поистине боятся Аллаха из рабов его лишь ученые” ¹⁵. Все это было осуществлено им с наивозможной полнотой. [Во всяком случае] в отношении почета и уважения к обоим категориям людей, из коих одни из семейства посла Аллаха, а другие — наследники пророков, внимание благороднейшего ума его величества проявляет в высшей степени похвальные старания. Да воздаст им Аллах лучшие из воздаяний в этом

мире и в будущей жизни! Из того наличия, которое именуется абсолютной пощадой, для некоторых она получилась, для некоторых осталась в сфере задержки.

В это время подошла вся [остальная] армия и явилась нужда в зерновом хлебе. Последовал письменный приказ [его величества], что повсюду, где найдут зерно, пусть его возьмут. Ночью, когда настроение вселенной изменилось под действием неожиданно появившегося мрака /75/ и глаз времени потемнел под влиянием матери бесовского наваждения ¹⁶, войска под предлогом реквизиции зернового хлеба неожиданно ворвались в город, подожгли дома, стали все грабить и захватывать пленных. Запрещено было делать это лишь в отношении сейидов и ученых теологов, а все прочие не были избавлены от подобного. Ко всему этому до августейшего сведения было доведено, что группа главарей [племен] и начальствующих лиц в окрестностях Талмина явилась к принцу Пир Мухаммад-бахадuru с выражением повиновения и покорности, а после того, выпустив из вида истинную широкую дорогу,

избрали темный путь послушания. Последовал приказ [его **[86]** величества], коему повинуются вселенная, чтобы эмир Шах Малик и Шайх Мухаммад Ику Тимур с десятитысячным войском произвели набег на тот район, [где находятся все эти ослушники], и подвергли расправе этот народ, оказавший сопротивление слугам принца Пир Мухаммада, раскрывший в сердце путь злонамеренности и опоясавшийся поясом упорства. [Названные эмиры вследствие этого] выступили походом в ту сторону. Взметаемая их быстрыми, как ветер, конями пыль неслась от голов к самому небу. Кинжалами, [ужасными], как у Марса, и отмеченными несчастливым знаком Сатурна и изрыгающими пламя мечами, избирающими целью бунт, было послано в адскую геенну из этой счастливой жизни две тысячи индусов; их тела стали пищею диких зверей и птиц. Жен и детей их взяли в плен. [После этого эмиры] поспешили в высочайшую ставку с огромной добычей и неисчислимыми драгоценностями. Ниспровергнув во прах тело злонамеренного врага и поднявши знамена с

[арабским] лозунгом: “Помощь велика и победа очевидна”, в субботу седьмого сафара ¹⁷ его величество выступил из Талмина. Рок сопутствовал хаканской решительности, а судьба сопровождала его в его твердом намерении. На следующий день в районе Джала, которое расположено на берегу реки Байах, [его величество] соизволил остановиться против местности Шахнаваз; Байах же есть большая река, пучину которой [даже] мысль не может перейти без участия божественной помощи, а воображение без соединения с предопределением не в состоянии выбраться из ее водоворота. На этой остановке довели до высочайшего сведения, что некто, по имени Нусрат из Тамими, с отрядом около двух тысяч человек устроил на воде в местности Джал крепость /76/. Воды [было] много, подобно дарованиям чистых по природе людей, глубина которых не видна, и подобно территории, на которую распространяется щедрость благородных, столь широкой, что само предопределение не могло создать такой площади. Его величество тотчас сел на коня, объезжающего вселенную, и подошел с

победоносным войском к берегам того озера, [на котором была крепость Нусрата]; построил центр и фланги [армии]. На правом фланге были принц Шайх Нураддин и эмир Аллахдад, на левом — эмир Шах Малик и эмир Шайх Мухаммад Ику Тимур; в центре армии находился Султан 'Али “таваджи” с хорасанской пехотой. Нусрат подошел к берегу озера с тремястами индусов и остановился против победоносного войска. Произошло жестокое сражение. 'Али Султан **[87]** “таваджи” выполнил [в этом бою] все правила мужества и отваги, проявив воинское искусство и храбрость. Во время битвы он твердо держался на своем месте, так что вместе с другими оказался раненым. Сражение таким образом упорно продолжалось, пока эмир Шайх Нураддин и Аллахдад по той же самой воде и грязи не зашли в тыл врагам /77/. Они уничтожили много неприятелей, сделав их головы [как бы] пучками волос [своих] копий, принесли их на территорию убежища вселенной. Что стало с злополучным Нусратом — неизвестно: не то он спасся бегством, не то был убит в этой битве. Таково свойство день ото

дня увеличивающегося счастья [его величества]; с тех пор как свеча этого счастья возжжена, всякий, как мотылек, летит к ней; с тех пор как кипарис сада его величия высоко поднялся вверх, всякий, отвернувшийся от повиновения [его величеству], падает.

В понедельник девятого числа упомянутого месяца ¹⁸ победоносные войска, вспомоществуемые счастьем и сопровождаемые удачею, прошли через это озеро Джал, через тину и грязь, где дорога была чревычайно плохая, и [даже] конь его [величества], качествами подобный Бураку пророка ¹⁹, не легко совершал этот путь, а быстроходные племенные скакуны с трудом двигались.

Стихи

Воображение уходило, то падая, то вставая, когда ты уходил, Разум терялся, то трепеща, то дрожа, когда ты показался [на этом пути].

Остановились в местности Шахнаваз /78/. Шахнаваз есть большое селение. Жители его были побеждены.

У них было множество амбаров с зерновым хлебом, так что все войско взяло этот хлеб, [но] все же еще много осталось [нетронутых] амбаров. В этом месте некоторые из эмиров, переправившись через реку Байах, отправились преследовать отряд сторонников Нусрата, который спасался бегством [после битвы] ²⁰. Некоторые из мятежников были настигнуты и ограблены. Было захвачено [при этом] много добычи. Его хаканское величество оставался в этом месте два дня. [Затем] последовал [его] приказ, чтобы сожгли оставшиеся с зерном амбары, дабы индусы-гебры не могли им воспользоваться. [88]

В четверг двенадцатого числа упомянутого месяца [сафара] ²¹ мирозавоевательные знамена выступили из Шахнаваза и сделали остановку на берегу реки Байах против деревни Джанджан, где [к тому времени] была собрана вся ставка и обоз ²².

Светозарная мысль о старании прославить слово божие и забота об обязательном религиозном предписании о священной войне были обращены в дело. Мироукрасительное намерение погасить пламя многобожья и уничтожить основы идолопоклонства

сократилось. Войска в течение двух дней перешли реку Байах; некоторые сели на суда, а некоторые, подобно крокодилам, переправились вплавь; так что войска следовали от берега по воде непрерывно на протяжении приблизительно одного фарсанга. Благодаря всяческому счастью [его величества] все благополучно выбрались из этих пучин на берег спасения. Божественная помощь — есть хранитель [человека], небесное покровительство — его близкий и друг!

Стихи

Когда ниспосылается [кому-либо] милость чистого господя,
[то]
Безразличны [для того] — дыханье ли огня или воды.
В безвыходности положения она средство для [поправки]
наших дел;
В воде и огне она ваш хранитель.

В этот день особое доверенное лицо по имени Хирй
Малик из слуг принца Шахруха прибыл из Герата
/79/ в августейший лагерь и доставил [его
величеству] известия [о благополучии упомянутой]

бесподобной личности, призираемой благостным взором всевышнего господа. Вследствие этого у его величества появилось, как блестящие Плеяды, радостное настроение и возникли причины надеяться на счастливые успехи.

На другой день, в пятницу тринадцатого числа [месяца сафара] ²³, принц Пир Мухаммад-бахадур прибыл из Мултана и в этом месте удостоился счастья поцеловать ноги хаканского величества. В субботу ²⁴ четырнадцатого числа, переправившись через реку Байах, остановились в местности Джанджан; в этой деревне оставались в течение четырех дней. Во вторник семнадцатого [сафара] ²⁵ принц Пир Мухаммад-бахадур, который является начальной заставкой книги о мирозавоевании и именным шифром на указе миродержавия, в этом месте дал **[89]** пир, поднеся [его величеству] драгоценные подарки, состоящие из арабских коней, золотых поясов, седел, блюд, кувшинов и кружек для питья, которые все были сделаны из золота и серебра, а равно девять [традиционных] дорогих предметов и разные платья, так что канцелярские

чиновники и писцы в течение двух дней составляли подробную опись всем этим вещам. В тот день его хаканское величество /80/

Стихи

Тому, кто родился с клеймом повиновения ему,
Всякому, кто бывает из рода людей и гениев,
И тому, кто вырос с печатью его казначея,
Все, что есть из даров моря и рудников земли,

все эти подарки, предметы и вещи из золота и
серебра, разного рода одежду соизволил подарить
эмирам, везирам и ближайшим слугам августейшего
порога сообразно степени и достоинству каждого из
них. Все от получения царских подарков стали
рудниками довольства и морем искания помощи [его
величества], соделавшись пайщиками в
[распределении] изобилия драгоценных даров.
Великий ум счастливого монарха считает этот мир и
все, что в нем, лишь воображаемой точкой и
ничтожной пылинкой, заметной в лучах солнца. В
отношении же щедрости и тароватости...

Стихи

Он в войне собирает, а на пиру раздает
Собственное всадникам, а мирское [всем] просящим.

Указанием на справедливость этого является то, что поскольку воины принца Пир Мухаммад-бахадур а испытали в этом походе многолишений и их кони в этот дождливый сезон покалечились, так что многие [воины] остались пешими, [его величество] в этот день подарил им тридцать тысяч лошадей /81/; все стали кавалеристами и получили полное удовольствие. Молодая ветвь надежд, когда возникает из лика сокровенного в человеке, то благодаря обилию облаков хаканской щедрости и великодушию становится зеленою и свежою. Ветка же любого возмущения, произрастающая из солончака злополучия, под сильным ветром государева гнева увядает.

Стихи

Твоя щедрая рука — море всяческих благодеяний.
Ибо кроме, как у берегов, в покорности ему нет предела.
Сверканье твоего меча — [губительная] молния во

вражеской стране,

Потому что в его дожде вет и капли без смерти. [90]

Из указаний божественной милости в отношении достоинства сего специально государева раба ²⁶, счастливых детей, подчиненных и слуг следует отметить то, что принц рода человеческого Пир Мухаммад-бахадур отстал в столь дождливый сезон, когда слон в руках и ногах его становился растерянным, как мошка в когтях ветра, а гора от той великой грязи и сырости, [что свойственны этому сезону], бывала соломой, поднимаемой и опускаемой сильным ветром, и [самый] бурный порыв ветра не осмеливался пронестись [в это время], а огненная молния увязала в той грязи. В столь опасном положении все противники [его величества] и разного рода [его] враги, выступавшие [против него, теперь] решили сделать это в отношении упомянутого принца. [Войска последнего] погрузились в волны потопа, мучительная горечь и душераздирающие мысли стали собеседниками [их] сердец, и отряд отчаяния ворвался в их груди. Вдруг солнце августейшего знамени /82/ возшло над теми

окрестностями с востока могущества творца [по его слову]: “Будь! — и стало так”. Мрак бывшего [до сего] положения осветился сиянием лучей лица покорителя мира. [Прибывшая] помощь царственной внушительностью и величием произвела такой грандиозный шум, что у врагов опустились руки и ноги лишились выносливости и стойкости, чтобы идти по определенному пути. [Вследствие этого] принц Пир Мухаммад-бахадур с [своим] войском и со [всеми] подчиненными ему лицами благополучно выбрался из этого потопа бедствия и из того опасного места ²⁷. Ветерки безопасности донеслись с луга [его] желания до обоняния [его] сердца; зефир сердечного удовольствия начал веять из отдушины счастья. Это благоприятное стечение обстоятельств [все] признали за источник царственного чуда, [проявленного его величием], и все раскрыли свои уста для молитвы и молвили:

Стихи

“Мы все были мертвыми и с наступлением дня
Чрез тебя мы стали живыми и оживляющими весь мир”.

После этого, выступив из местности Джанджан, [его величество] сделал остановку в месте Сихвал. В пятницу двадцатого числа [месяца сафара] ²⁸ он выступил из селения Сихвал и достиг остановки Асван, где оставался один день. Выступившие оттуда на другой день мирозавоевательные **[91]** знамена бросили тень на остановке Химивал. Во время часовой остановки [его величество] поспешил отправиться с десятитысячным отрядом кавалерии в направлении города Аджудана. Эмир Шах Малик и Даулат Тимур “таваджи” были оставлены при ставке и обозе, чтобы отправиться с последним дорогом на Дибальбур. На другой день /83/, в понедельник двадцать третьего числа ²⁹, когда был сделан ночной переход из Химиваля, солнце счастья возшло над городом Анджуданом. До этого шейх Мунаввар, который в подлинном смысле слова был зловещим, и шейх Са'д, бывший по существу дела зло-получным человеком, оба из числа внуков шейха Нураддина, сбивши с правого пути и с честной дороги жителей этого города, побудили их покинуть его и сделали их своими последователями и спутниками. [Все они]

бежали в Битнир, в один из городов Индии.

Некоторые из них, сопутствуя зловещему шейху Мунаввару, отправились в Дели, а некоторые сейиды и ученые теологи, для которых божественная помощь стала другом и счастливая звезда надзидала за ними с твердым упованием на великодушие его хаканского величества, счастливого монарха, остались жить на своей родине. Когда вечное счастье и благополучие направилось на территории могущества и величия и к цели безопасности и упования и от пыли, поднятой кортежем мирозавоевателя, просветлел глаз надежд, они удостоились особой бесценной [высочайшей] ласки и безграничных милостей [его величества]. Его величество по своей совершенной милости сделал начальниками этого города отличающегося знанием шариата Маулана Насираддин 'Омара малкита /84/, который лишь внешнею был похож на человека, [а в действительности] под этой человеческой внешнею были скрыты качества ангела, и сына Хваджа Махмуд Шихаба, который тоже отличался добронравием, [все для того], чтобы эти лица

охраняли интересы и наблюдали поведение жителей, бедных и неимущих этой области, и не допускали, чтобы проходящие войсковые части причиняли им несчастья и огорчения. [Действительно], по милости творца — да будет он прославлен и возвеличен! — все обитатели и жители этой местности остались благополучны и безопасны от ударов низвергающего горы и сокрушающего слонов войска и никакой вред и несчастье не коснулись этого верно направленного населения. Те же люди, которые ушли [из Аджудана] с [вышеназванными] шейхами, все были перебиты, ограблены и захвачены в плен ³⁰, так что те шейхи [92] имели лишь внешность чистых, а внутреннее их содержание было темное. Хотя имя одного было Мунаввар ³¹, а другого — Са'д ³², однако зрение их духовного руководства было лишено света прозорливости и поверхность их души была скрыта от взора счастливой звезды. Ни сердца их не восприняли аромата от дыхания садов тесной дружбы [суфийского братства], ни головы их не привыкли к привлечением миром святости [приверженцев суфизма в свое присутствие].

Стихи

Из этих несозревших [в суфийском смысле] людей одни
одеты в дервишское рубище
И говорят лишь некоторые пустые слова отрицательного
характера.
[Сами] не прошли и нескольких шагов по дороге правды и
чистоты,
[А уже] бесславят других с хорошей репутацией!

Да, очи веры и истинные руководители [на пути
суфийского совершенствования], кои попрали [свою]
душу и тело и вычеркнули свое имя из списка
живых, приносят в жертву мусульман [свое]
имущество и жизнь, и, будучи непоколебимы и
тверды в стадии упования на господню милость,
берут [весь] мир под свое покровительство.

Стихи

Мертвецы на его пути суть живые с душою иного порядка,
Птицы его атмосферы суть из другого гнезда.
Не смотри же на них своими глазами, ибо они
Вне обоих миров, в обителище иного порядка! /85/

Британского музея. В ней такие разночтения в названиях мест остановок. Асвар (вместо Асван) и Джихвал (вместо Химивал). [93]

[ГЛАВА]

О ВЗЯТИИ ГОРОДСКИХ СТЕН И КРЕПОСТИ БИТНИР И ОБ ИСТРЕБЛЕНИИ ТАМОШНЕГО НАСЕЛЕНИЯ

Когда мироукрашительная мысль освободилась от приведения в порядок [разных] вопросов округа и города Аджудана и вследствие добродетельных покровителей, помышляющих о благе [своих опекаемых], остаток подданных под убежищем спокойствия и мира, под сенью правосудия и справедливости остался безопасным и благополучным от несчастья времени и от бедствий круговорота [мира], [его величество] в понедельник ³³ двадцать третьего числа месяца сафара 801 года ³⁴, движимый гневом против врагов веры и государства, переправился через реку Аджудан, которая принадлежит к числу великих рек Индии. Во вторник ³⁵ двадцать четвертого [сафара] достигли крепости

Халисгири ³⁶. Совершивши молитву намаз и пишин ³⁷ и влекомый судьбою, [его величество] направил свое победоносное знамя против крепости Битнир. Расстояние между крепостями [Халисгирй и Битниром] было пятьдесят курухов ³⁸. Путь этот, длинный и [94] мрачный, являлся весьма дальней дорогой. Его величество подобно тому, как луна в ночное время обходит небо, с вечера до утра ни на одну минуту не успокоился [в ожидании] заключить в объятия невесту [своего] желания. Он распростился со сном и с вечера до утра разъезжал на своем быстроходном коне, не отдыхал ни часа. То плавно идущее верховое животное /86/, которое, подобно смерти, неожиданно обрушивается на головы врагов, этот вороной конь, объезжающий вселенную и быстрее мысли путешествующих достигающий цели, в ту самую ночь сделал все пятьдесят курухов пути. [Таким образом], протяженность времени и места, т. е. то, что наблюдающие за ступенями святых постигают сокровенными очами, было воочию наблюдаемо в действительности.

В среду двадцать пятого [сафара], в полдень, его величество с двумя тысячами кавалерии достиг крепости Битнир. И опять, как и прежде, счастье и преуспевание сопутствовали ему. Великая удача находилась на стадии служения и повиновения [ему]. Та же крепость была сильною и славною среди крепостей Индии. Правителем и командующим ее был раджа Дулджин, который имел множество подчиненных и войска; он заправлял всеми делами того округа, брал там подати и налоги; купцы и караваны путешественников подвергались опасности из-за его противодействия. Когда солнце знамени покорителя вселенной возшло над тою страной, раджа Дулджин, гордясь крепостью своей твердыни и многочисленным войском, вытащил голову из ярма /87/ повиновения, а шею из ошейника покорности. Победоносное войско [его величества] двинулось против него. На его правом фланге находились принц эмир Сулайман-шах, Шайх Нураддин и Аллахдад; на левом фланге — принц Халил Султан-бахадур, Шайх Мухаммад Ику Тимур и остальные эмиры. Как только они подошли, то с первого же

нападения, с первого удара они захватили крепостной вал, [при этом] множество чернолицых индусов было перебито. Блестящим, изрыгающим огонь мечом [индусов], имевших в головах ветер гордости, [войска его величества] ниспровергли на землю унижения и захватили большую добычу. В тот же час эмиры туманов и кушунов победоносного войска появились вокруг крепости, обложили ее и, приступив к осаде, начали военные действия. В первый день произошла задержка во взятии крепости. [Поэтому] последовал такой всепокоряющий приказ [его величества]: “Пусть каждый из эмиров против своего расположения начнет вести подкоп в направлении крепости и подведет его под крепостную стену”. Когда раджи и сардары крепости точно узнали, что они не в состоянии сопротивляться тому или иному полку из победоносного войска, [95] то со страху у них закипели в голове мозги и желчь в груди /88/. Они оставили путь упорства, взошли на вершины башен и смирение и плачь сделали средством спасения и предлогом избавления [от гнева его величества]. Они заявили: “Мы искренне

вступаем на путь рабства и повиновения [его величеству] и надеемся, что он смоеет страницу грехов наших чистою водою [своего] прощения и перечеркнет чертою пощады бумагу с нашими преступлениями и винами”. Оттого, что хаканская милость была всеобъемлюща, [его величество] удовлетворил их просьбу. В тот же день раджа Дулджин выслал из крепости своего заместителя с хорошими соколами и арабскими конями, а затем отправил в высочайшую ставку своего сына с хорошими охотничьими птицами и отборными лошадьми. Оба они удостоились специальных пожалований [его величества], златотканых одежд и перевязей с украшенными золотом саблями и вернулись в крепость. Просьбы о покровительстве усилились, и рука надежды [защитников крепости] вцепилась в подол желанья получения пощады.

В пятницу двадцать седьмого числа [месяца сафара] ³⁹, в полдень, раджа Дулджин выехал из крепости; его сопровождал Шайх Са'дадин Аджудани; они направились в ставку убежища вселенной, которая является местом поклонения для могущественных

людей всей земли и облобызания для царей мира. Раджа удостоился поцеловать [высочайший] ковер и в качестве подарков представил охотничьих птиц, три девятки коней под золотыми седлами. Всем принцам и эмирам он подарил лошадей. Ему же были оказаны [разные] царские милости и царственное благосклонное внимание, были подарены одежды из золотой парчи, золотой пояс и корона. Толпы жителей из разных городов /89/ Индии, бежавшие от устрашающего и внушительного вида могущественных знамен [его величества] и свернувшие с пути повиновения ему, собрались в той крепости. Принц эмир Сулайман-шах и эмир Аллахдад, овладев воротами крепости, занялись там захватом [всего]. На другой день жители Дибалбура, которых называют рабами, жители Аджудана и других городов явились из крепости в великолепный лагерь [его величества]. [Его величество] поручил народ особо доверенным лицам. Около трехсот арабских коней было выведено из крепости и поделено между великими эмирами, эмирами кушунов и великими везирами. Из жителей

Дибалбура, выведенных из этой крепости за то, что они вероломным образом убили кабульских путешественников, пятьсот человек было перебито острыми мечами, и земля Индии оросилась их кровью; [96] их жен и детей захватили в качестве пленников. Некоторых жителей Аджудана [тоже] перебили, а имущество их разграбили, некоторых взяли в плен ⁴⁰. Вращение небесной сферы и движение звезд — прошу у великого Аллаха прощения в своем проступке! — есть желание величайшего творца и святейшего владыки судного дня! Его имена связаны с тем, что всякая тварь, опьяненная гордостью и беспечностью, если даже на кончик волоса выступит с дороги повиновения сему счастливому высокомогущественному монарху, то она в конце концов останется без дома, имущества, без тела и души. Много было гордых, головы коих возвышались столь высоко, что терлись о купол неба, которые упали во прахе унижения перед блеском августейшей короны! Много было отважных, которые по своему тщеславию возносились до вершины луны и плеяд, но под влиянием

поражающего вида счастливого монарха укрылись на посту слабости и беспомощности.

Стихи

Много разъяренных слонов погубил страх перед тобою.

Многих лютых львов преследовал страх перед тобою.

Того, чья пыль осела на твоём сердце,

Движение небес немедленно превращало в прах.

В воскресенье двадцать девятого числа [месяца сафара] ⁴¹ Камаладдин, брат Дулджина, и его сын /90/, увидев последствия расправы над виновными, стали опасаться и за свою участь. Подобно голубям, дрожащим перед орлом, они затрепетали, и пришли в ужас перед царственной яростью [его величества], и знание правильного образа действий они выпустили из рук благомыслящего разума.

Стихи

Как жаль, что подол вечного счастья и воротник

[непостыдных] надежд

Одни хватают, а другие — оставляют!

Несмотря на то что Дулджин находился в августейшем лагере [Камаладдин и сын Дулджина], движимые ложной мыслью, заперли крепостные ворота и, охваченные ошибочными представлениями, укрепились там. Тотчас последовал высочайший приказ, чтобы победоносные войска приготовили осадные машины и приспособления и расположили бы их перед крепостью, подвели бы подкопы и ниспровергли башни. [97]

Стихи

Он приказал, чтобы славные войска
Выступили в район этой крепости,
Сильною рукою разрушили бы ее
И потопили, как в воде, в потоках крови.

Когда войска занялись этими мероприятиями, цель которых /91/ все более выяснялась, [защитники] крепости сообразили, что такими приготовленными орудиями при многочисленном войске крепость в одно мгновение будет разрушена и уничтожена. Их охватил такой страх, что птичка их души вылетела из

горестной храмины их тела и из гнезда груди. В конце концов брат и сын Дулджина принесли извинения. Они вышли из крепости, поцеловали губами благовоспитанности прах августейшей ставки и вручили крепостные ключи слугам [высочайшей] ставки.

В понедельник первого числа месяца раби' ал-авваля ⁴² Шайх Нураддин и Аллахдад прибыли в крепость для получения выкупа за пощаду [населения]. Но так как начальствующие в крепости лица проявили лицемерие и двуличие при взимании этого выкупа, а среди них было много гебров, заблудших людей и мятежных, то огонь [царственного] гнева запылал особенно сильно. Последовал высочайший приказ, чтобы все войска вступили внутрь крепости и подожгли все здания. Население крепости, принадлежавшее к гебрам, само предало огню своих жен, детей и свое имущество. Люди же, считавшие себя /92/ мусульманами, отрезали головы [своим] женам и детям, как баранам. Оба эти народа [гебры и мусульмане], соединившись, приготовились к отчаянной битве. Все [осажденные], подобно

могучим тиграм и слонам исполинского вида,
подобно жестокосердным леопардам и крокодилам с
железною печенью, и войска [Тимура], как страшное
наводнение, как ужасное море, [войска], разящие,
словно стремительный метеор, и многочисленные,
как Плеяды, устремились в атаку друг на друга, и
тотчас запылало пламя битвы, и огонь войны высоко
поднялся вверх. В конце концов великие эмиры,
военачальники, успешно овладевающие вражескими
крепостями, и бахадурь, опытные в ниспровержении
неприятеля, все вошли в крепость, пронизывающим
холодным ветром ярости подняли пыль истребления
семейств враждебного государству [его величества]
народа и огнем битвы подняли с поверхности земли
дым мести до высшей точки неба. Много из
вышедших наружу военных было перебито. А в
конечном итоге солнце победы и одоления взошло с
востока знамен рабов ставки [98] убежища
вселенной: десять тысяч мужчин из числа индусов
дурного поведения, словно ветром, смешанным с
пылью, были сметены в водоворот несчастья и в
огонь боя. Головы гордецов были повержены в прах,

и в каждом углу лились потоки крови. Поверхность земли от их тел казалась черной, как смола. Кинжал небытия посеял на их черных, как ночь, лицах желтую траву, а рука смерти посыпала на их черные тела шафран. Тот проступок, который они до этого совершили [перед его величеством, отказав ему в покорности], теперь уже дошел до их души. “Такова была казнь от господа твоего, когда он казнил эти города в то время, как они делали злое. [Поистине] казнь от него бывает болезненна, жестока!” [43](#).

После этого последовал [высочайший] приказ, [согласно которому] подожгли дворцы и [все] постройки города и крепости /93/; все это разрушили и опустошили, сравняли с землею, так что от них не осталось никакого признака. Ты сказал бы, что в этой стране вовсе не было живой души и в этой окрестности не было никакого [человеческого] приюта и убежища. Хвала [Аллаху], изменяющему положения вещей: к нему — возвращение и [в нем] — конец [всего]. С тех пор как светит солнце незыблемого хаканского владычества, всякий, кто, подобно месяцу, выступает против него, [неизбежно]

тает. С тех пор как серп луны августейшего зонта-балдахина взошел на горизонте счастья, каждый, как солнце, обнаживший меч [против него], оказался захвачен.

Все то, что было захвачено в крепости из золота, серебра, лошадей и одежды, его величество соизволил пожаловать войскам. Много людей оказались ранеными, вроде эмирского сына принца Шайха Нураддина, этого льва из чащи мужества, которого гебры окружили и уже близко было к тому, что они его возьмут в плен...

Стихи

Льву, попадающему в плен к собаке, так уже предназначено судьбою.

Но Афзун Мазид, Пируз Систани, некоторые другие молодцы-герои и домашние их слуги стали расстреливать гебров и тем освободили Шайха Нураддина из пучины битвы и из омута моря войны. Воздавши [им всем должную] благодарность, он явился [в высочайшую ставку], подобно

знаменитому военачальнику, благополучно спасшему свою жизнь в этом водовороте бедствия. Его хаканское величество всех тех лиц, которые стрелами удалили от него гебров, удостоил **[99]** [монаршей] ласки и внимания и [щедро их] одарил. Так как от массы нагроможденных трупов стало исходить зловоние и пребывание там оказалось невозможным ⁴⁴, то в ночь на среду третьего раби' ал-авваля ⁴⁵ его величество выступил оттуда. Пронзая блестящими копьями груди врагов и купая в крови неприятелей поверхность извергающих огонь сабель, [победоносные войска его величества] прошли [с боем] четырнадцать курухов пути и остановились в местности, называемой Кинара-йи хауз-и аб ⁴⁶. Там они остановились на один день. В четверг четвертого числа [того же] месяца, дошедши до крепости Фируза, рабы [его величества] прошли [ее] и в тот же день достигли города /94/ С. р. с. ти ⁴⁷. Население этого города преимущественно состояло из кафиров ⁴⁸, которые ели свиное мясо и держали в своих домах свиней, так что что это засвидетельствовано воочию. Когда они услышали о прибытии знамен убежища

победы [счастливого монарха], то убежали. Отряд из победоносного войска погался за ними; некоторых нашли, вступили с ними в бой и отправили их в небытие уносящими жизнь саблями и кинжалами, подобными кинжалу Марса; лошадей их взяли, а сопровождавшие их вещи и имущество захватили, и все благополучно вернулись обратно, исключая 'Адил-фарраша, который был убит в той битве. Его величество соизволил прожить в крепости С. р. с. ти один день выступил в [дальнейший] поход в сопровождении [своего] непоколебимого счастья и в сопутствии [своей] неусыпной удачи, Совершивши путь в восемнадцать курухов, остановились в окрестностях крепости Фатхабад. [Поскольку] помощь предвечного в спокойном состоянии и в перемещениях [его величества] надзирала за обстоятельствами его жизни и милость бесконечного распоряжалась на привалах и в походах [его] делами счастья и удачи, постольку население Фатхабада дьявольским внушением свернуло с правильного пути и с прямого направления /95/, и злосчастье и вождь бедствия стали их покровителями.

Подстрекательством демона заблуждения они бежали от сосредоточия счастья, [от счастливого монарха] В погоню за ними отправился один из отрядов армии убежища победы, который многих из них лишил жизни [100] блестящими мечами, кинжалами и копьями и захватил у них скот, сокровища и имущества.

В воскресенье седьмого числа [месяца раби' ал-авваля] ⁴⁹ выступили из Фатхабада и, пройдя через укрепление Рахтпур, сделали центральным местом [сбора] покрытых славой и победами знамен район крепости Ахруни. Так как в той местности никого не было, руководимого здравым смыслом, который бы вышел навстречу [его величеству], и не имелось ни одного счастливецца, который бы сделал прах высочайшей ставки сурьюмою [собственной] отрады, то естественно, что полки войск [его величества] некоторых из жителей той местности перебили, других захватили в плен, взяв множество зернового хлеба. Дома обитателей и большие здания правительственного и общественного назначения

были сожжены и превращены в холмы золы и мусора.

В понедельник восьмого числа ⁵⁰ направляемый божественною помощью [счастливый монарх] выступил из селения Ахруни и поднял [свой] счастливый стяг в равнине селения Тухна ⁵¹. Проживавший в тех пределах народ джиттан славился воровством и разбоями и уже продолжительное время, как отвратил лицо с прямого пути и простер руку мятежа, вышел из предела мусульманства /96/, и искры его зла долетели до каждой страны. Джиттаны заперли пути для всех следующих по ним, овладели проходами для всего вывозимого и ввозимого, сделали для себя дозволенными жизнь и имущество мусульман, а группам купцов и путешественников, кои суть искатели света и основной капитал, действующий в пользу населения городов, они чинили препятствия для их разъездов и передвижений. Подобно кровожадным разбойникам, они неожиданно напали на караваны и вонзали свои когти в подол [беспрепятственного] перехода. Когда же к людям

ислама вернулось через дверь высокое счастье и те районы озарились сиянием солнца августейших знамен, сбившиеся с пути злодеи и мятежные воры бежали в лесные чащи, подобно черепахам, втянули свои головы в покров скрывания и превратились в блуждающих в пустыне ошеломленности и в рассеянных по долине ужаса. Военская часть, с которой были раб [высочайшего] двора Маулана Насираддин 'Омар и Таваккул Каркара, выступила для преследования этих разбойников и около двухсот человек из них перебила, захватила скот и многих людей взяла в плен. **[101]**

Во вторник девятого числа раби' ал-авваля ⁵² [его величество] выступил из Тухна. Обозы, сопровождаемые принцем Сулайман-шах-бахадуром, были направлены в Самана. Принц Сулайман-шах в тот день, пройдя через укрепление Мутик, остановился у Самана. Его величество выступил в поход на джиттанов, которые укрылись в пустынях и лесах. Хаканское желание и энергия счастливого монарха были сосредоточены на том, чтобы стереть с лица земли [этих] несправедливых и сбившихся с

истинного пути людей, дабы не осталось от имеющих двойственную природу, [дьявольскую и человеческую], и злой нрав ни имени, ни признака. В тот /97/ день из тех с поведением злых дивов джиттанов и из наделенных дьявольскими привычками разбойников было лишено жизни около двух тысяч человек с помощью блестящих мечей и мстительных копий. Весь их скот и имущество разграбили победоносные войска, а женщин и детей забрали в плен. [Таким образом], бунт племени джиттанов, как таковой, был пресечен, а дерево жизни его было вырвано с корнем. В тех пределах существовала в одном из селений община потомков пророка [сейидов]. Когда вечное счастье оказало им помощь и они, будучи спутниками высокого благополучия, обратили лицо [своих] надежд к высочайшему чертогу, то удостоились чести и озарения увидеть и лицезреть такого счастливого монарха, который проявляет необыкновенное внимание в отношении превознесения достоинства семьи пророка и [его] прекрасных и чистых потомков. Они удостоились благосклонного

царственного взора и были обрадованы [дарами] из сокровищницы царских милостей и благодеяний. Тех возлюбленных, которые имеют родственное отношение к святейшему государю пророков, к султану послов [Аллаха], к господину государей ислама, к покровителю и убежищу великих людей семи /98/ поясов земли, к руководителю особо приближенных [к Аллаху] ангелов и к месту тайн господа миров [к пророку Мухаммаду], он пощадил, дал им свой венец и поставил над ними начальника.

В среду десятого числа упомянутого месяца [раб' ал-авваля] ⁵³ отряды ⁵⁴, которые были в окрестностях Мунка ⁵⁵, сделали остановку вблизи города Самана и там пробыли ночь.

В четверг одиннадцатого числа [раби' ал-авваля] ⁵⁶ обозы армии его величества достигли берега реки К. х. к. р. ⁵⁷. Его [102] величество, направившийся из Тухна в поход для уничтожения джиттанов, тоже прибыл к берегам [реки] К. х. к. р., что была неподалеку [от города] Самана, и присоединился к [названным] отрядам. В этом месте [его величество]

изволил простоять четыре дня. В понедельник пятнадцатого числа [раби' ал-авваля] ⁵⁸ он двинулся оттуда и соизволил остановиться поблизости Пул-и Куйла ⁵⁹. Эмиры с войсками, отправившиеся в поход по левую и правую стороны, вроде Султан Махмуд-хана, принца Султан Хусайн-бахадур, Рустам-бахадур, Гийасаддин-тархана, принца Джаханшаха, Шайх Арслана, Хамзы Тагабука, эмира Мубашшира, Сунджик-бахадур и других, в этот день присоединились к могущественному, как небо, знамени его хаканского величества.

Во вторник шестнадцатого числа [раби' ал-авваля] ⁶⁰ выступили с этой остановки и, перейдя Пул-и Куйла, остановились по ту сторону моста. Обозы подходили дорогою на Ди-балбур. Управление ими лежало на обязанности эмира Шах Малика; в этот день они присоединились к августейшему кортежу.

Мирозавоевательные знамена оставались на этом месте в течение одного-двух дней.

В четверг восемнадцатого числа [раби' ал-авваля] ⁶¹, выступив от Пул-и Куйла и пройдя пять курухов

пути /99/, остановились в Пул-и Бикран. В пятницу девятнадцатого числа [раби' ал-авваля], ⁶² выступив из пределов Пул-и Бикрана, достигли города Китиля ⁶³. Расстояние между Самана и городом Китил было в семнадцать курухов. Из Пул-и Куйла [его величество] послал всех эмиров левого фланга в защиту и окружение себя. На правом фланге — принц Пир Мухаммад-бахадур, принц Рустам-бахадур, принц Халил Султан-бахадур, принц Сулайман-шах-бахадур, эмир Шайх Нураддин-бахадур, принц Мизраб и Йадгар барлас и остальные эмиры; на левом фланге государя мира — Султан Махмуд [-хан], Султан Хусайн-бахадур ⁶⁴, амирзада Джахан-шах-бахадур, эмир Шах Малик, Шайх Арслан, Шайх Мухаммад Ику Тимур, Сунджик-бахадур, в центре — десятитысячный отряд ⁶⁵ сансыз ⁶⁶ и остальные туманы [103] и эмиры войсковых частей, Аллахдад, брат Хаджи Сайфад-дина, 'Али Султан “таваджи”, распределив путь на протяжении двадцати курухов, что составит четыре фарсанга, — [все] направились на Дели.

В понедельник двадцать второго числа [раби' ал-авваля] ⁶⁷ достигли Кал'а-йи Асинди ⁶⁸. От /100/ Китиля до Асинди было семнадцать курухов.

Несчастье вцепилось в подол Асинди: [жители его] сожгли свои дома и, [все] разрушив, бежали в Дели. Население этих крепостей исповедывало веру магов [было огнепоклонниками, гебрами] и упорствовало [в своем] заблуждении, не принимая дарящей блага истинной веры. Победоносное войско [его величества] не увидело в той области никого из обитателей. Во вторник двадцать третьего числа упомянутого месяца, выступив из крепости Асинди и пройдя шесть курухов, достигли укрепления ⁶⁹ Туглукпур. Жители этого укрепления — гебры, следовавшие учению о свете и мраке, об Йаздане [Ормузде] и Ахримане; добро они приписывали Йаздану [Ормузду], а совершающееся в мире зло — Ахриману. “Аллах вознесен над этим на великую высоту!” ⁷⁰. Обитателей этого укрепления называли салун; все они убежали. Тотчас победоносные войска подожгли эту крепость и не оставили от нее никаких признаков.

В среду двадцать четвертого числа [раби' ал-авваля] ⁷¹ достигли Банита [Панипата]. От Туглукпура до этого города было двенадцать /101/ курухов. Жители Банита обратились в бегство и попрятались по разным местам, [так что] в том месте никакого живого существа не нашли. Внутри крепости был амбар с пшеницей, вес которой превысил десять тысяч манов большого веса. [Его величество] соизволил подарить ее войскам и [своим] помощникам. Выступив из Банита двадцать пятого числа, прошли шесть курухов и остановились на берегах реки Банит.

В пятницу двадцать шестого числа [раби' ал-авваля] ⁷² эмиры правого и левого фланга, соединившись, проверили латы, подвергли осмотру оружие и отправились [дальше]. Божественная помощь сопутствовала знаменам завоевателя мира, а небесное счастье было его путеводителем и проводником. В субботу двадцать седьмого числа последовал [высочайший] приказ, коему повинуются мир, чтобы эмиры правого **[103]** крыла армии произвели нападение на местность до пункта

Джаханнумай, где имеется сооружение покойного султана Фируз-шаха, в двух фарсангах от города Дели. Они подвергли атаке местность от селения Канхи Кирин ⁷³ до селения Джаханнумай, множество язычников ограбили, взяли в плен и убили. [После этого] они возвратились победоносные, поддерживаемые божественною помощью, отягченные добычей /102/ и радостные.

В понедельник двадцать девятого числа [месяца раби' ал-авваля] ⁷⁴ его величество из укрепления Карйа-йи Пилла переправился через реку Джаун и направился к крепости Луни, потому что в той местности были пастбища. В тот же день достигли крепости Луни. До этого к той крепости были посланы: эмир Джахан-шах, эмир Шах Малик и эмир Аллахдад. От тамошнего населения была скрыта красота ума и оно было лишено украшения рассудка, [поэтому] не пошло на мир и стало воевать. Когда равный достоинством небу стяг [его величества] бросил тень на эту область, один старец, направленный на истинный путь наставником разума, проявил отвращение к лицемеру боязни и

воображения, вышел из крепости и оказал покорность. Другие из гебров и нукеров Маллу-хана, предпочитая приятным благам жизни нелюбимый образ смерти, преступили границы всякого предерзостного неповиновения. Когда подошел его величество [с главными силами], он приказал немедленно рыть подкопы [под крепость] и усилить военные действия. Прибытие высочайшего кортежа было во время полуденной молитвы, а во время последней молитвы [вечером] крепость была взята. Большая часть гебров внутри крепости /103/ сожгла своих жен, детей и дома. Его величество в ту ночь соизволил сделать остановку вне крепости.

Во вторник конца месяца [раби' ал-авваля] ⁷⁵ нукеры Маллу, находившиеся в той крепости и считавшиеся [его] неверующими рабами, были перебиты, население крепости было ограблено, за исключением сейидов, кои суть свет очей человечества и [верные] последователи Корана и сообщенного Аллахом закона. Крепость сожгли и разрушили.

В среду, в первый день месяца [раби' ал-ахира] ⁷⁶ его величество выехал из крепости Луни и отправился по берегу реки Джаун на Джаханнумай. Он разыскал броды через реку и к другой молитве вернулся обратно и изволил остановиться в лагере, потому что [войсковые] помещения и укрепленные **[104]** пункты ⁷⁷ были вблизи крепости. Этот день и следующий, четверг второго числа [раби' ал-ахира], он изволил стоять перед этой крепостью.

В первый день упомянутого месяца [рабй'ал-ахира] его величество отправил в набег на южную часть Дели эмира Сулайман-шах-бахадур и эмира Джахан-шах-бахадур. [Сам] его величество, сев на объезжающего мир коня, с отрядом около семисот сплошь закованных в латы всадников произвел осмотр [местности] до здания в Джаханнумае. Царственный образ действий [в этом направлении] долго продолжался, так что ни малейшая деталь из деталей, диктуемых предусмотрительностью [и осторожностью], не была упущена. Каждый государь, надевающий кольчугу предосторожности, бывает в безопасности от стрелы вражеского

коварства, а тот, кто сеет семена беспечности, не собирает ничего, кроме плодов раскаяния ⁷⁸. Когда здание Джаханнумай осветилось светозарным лучом знамени завоевателя мира и территория того усладительного места превратилась в розовый цветник благодаря сиянию мироукрачительной короны [его величества], то дух этого имени ⁷⁹ и сущность сего названия, внешне соединенные с султаном Фируз-шахом, в этом наименовании обрели истинное божественное внушение; из потустороннего мира поступило указание в том смысле, что это здание вследствие присутствия целого мира в одном платье и целого войска в одном теле [эмира Тимура] будет показателем мира. Каждый счастливец, который с помощью творца [вселенной] достигнет территории могущества и величия сего бесподобного счастливого монарха и государя, равного которому нет [в мире], увидит всю вселенную в одном [его] дворце, просмотрит все творения мира в одной [его] личности и в течение одного часа узрит очами прозорливости все эпохи, образуемые вращением мира до конца жизни

человека. Необходимо, чтобы никакой близорукий по взглядам человек не отнес смысла этого к неестественностям выражений и к гиперболам, ибо всевышний творец в преславном Коране /104/ [105] свидетельствует, что Ибрахим, друг Аллаха, — да почуют над ним благословения всемилостивого! — имел общину истинного вероисповедания ⁸⁰, и это сказано про одного человека на основании славы и благородства целого [его] народа!

Закончив обозрение [местности] Джаханнумай, [его величество] простер свою предусмотрительность до определения, где наиболее подходяще будет место битвы и в каком пункте будет лучше остановиться для сражения. Его величество присутствовал на стольких полях битв, что другие государи не видели и сотой части этого. Каким же образом от взора лучезарного солнца могли быть скрыты ошибки и искусство, место и остановка в каждом сражении?

Стихи

Не на его сад дует ветер ошибок [и]

Не на страницы его намерений садится пыль неудач.

Тем временем Маллу-хан, вышедши из крепости с отрядом около четырех тысяч всадников и пяти тысяч пехотинцев при двадцати семи слонах, приблизился [к победоносному войску]. Из победоносного войска на берегу реки Джаун стояли Сунджик-бахадур и Саййид Хваджа “мубашир” с отрядом около трехсот человек. [Неприятель] стал их обстреливать. С этой стороны Джаханнумая перешли два больших воинских отряда, зашли в тыл [врагам] и стремительным ветром обрушились на этих презренных; с первой же атаки последние повернули в направлении Дели ⁸¹ и, подобно буквам алфавита, рассыпались в разные стороны. Перед страхом многочисленного победоносного войска они нашли путь спасения в проходе бегства. Во время этого бегства один из боевых слонов упал и издох. Из этого факта здравый ум вывел заключение /105/, что последствием сего явится проявление знаков [божественной] милости; из указаний этого происшествия дальновидный ум познает, что конечные результаты счастья — все, что покажется наиболее прекрасным. Разумный человек, когда

увидит признаки рассвета, он уже точно знает, что освещающее мир солнце хочет бросить на горизонты мира свой свет, а когда он наблюдает восход молодой луны, ему становится известно, что руководитель небес [107] и предопределяющий ночь и день [Аллах] доведет ее до полнолуния, освещающего ночь. Проницательность ума от апрельского облака переносится к веселью садов [роскошной летней поры]; обоняние предвидения в веянии живительного зефира весны уже постигает запахи свежих розовых лепестков. Надо надеяться, что пока чудесный подол истины царствования будет незыблемым и прочным в своей основе, устои сего государства бесконечные годы будут незыблемы и постоянны.

Стихи

О боже, пока в мире есть красота,
У небес — движение, а у вселенной — незыблемость,
Сделай мир собственностью этого счастливого монарха,
А небо — другом сего завоевателя мира!

Комментарии

1 В тексте ***

2 13 сентября 1398 г.

3 В тексте ***.

4 До сего места с начала этой главы приведено извлечение такого же содержания, но более просто изложенное из названной выше рукописи Британского музея (стр. 68 — 72).

5 6 октября 1398 г.

6 В тексте ***

7 9 октября 1398 г. — *Ред.*

8 Разумеется хан Джагатаева улуса Тармаширин из потомков Джагатая (правил с 722/322 по 730/1330 г.).

9 11 октября 1398 г.

10 13 октября 1398 г.

11 'Лак' индийский составляет в счете — 'сто тысяч'.

12 В тексте***, что означает в основном 'скот', в переносном значении — 'имущество' и 'деньги'. Я

перевел это слово, как 'скот' (т. е. 200 тыс. голов скота), нисколько, впрочем, не уверенный в верности сего.

13 Как известно, под 'тарханами' в монгольско-тюркских государствах разумелись люди, освобожденные от уплаты податей и исполнения разных повинностей. Помимо того, 'тарханы' пользовались рядом привилегий.

14 Коран, 42 (22).

15 Коран, 35 (25).

16 До этого места, начиная с приведенных выше слов "В связи с этим сейиды" и т. д., на стр. 73 — 75 имеется соответствующий параллельный текст из рукописи Британского музея.

17 19 октября 1398 г.

18 21 октября 1398 г.

19 По преданию, это чудесное крылатое животное конеподобного вида, на котором Мухаммад совершил свое восхождение на небо.

20 До этого места, начиная со слов: “На этой остановке довели. . .” и т. д., в тексте (стр. 75 — 77) приведено параллельное извлечение из рукописи Британского музея.

21 24 октября 1398 г.

22 В тексте ***.

23 25 октября 1398 г.

24 В тексте ошибочно 'в воскресенье', — *Ред.*

25 29 октября 1398 г. — *Ред.*

26 Т. е. или автора дневника Насираддин 'Омара, или его редактора Гийасаддина 'Али.

27 Параллельно этому тексту со слов “На другой день в пятницу...” и т. д. (стр. 79 — 81) приведена выдержка из рукописи Британского музея.

28 1 ноября 1398 г. — *Ред.*

29 4 ноября 1398 г.

30 Параллельно этому тексту приведена (стр. 82 — 83) со слов “После этого, выступив. . .” и т. д. выдержка такого же содержания из рукописи

31 Букв. 'освещенный'.

32 Букв. 'счастье', 'счастливая звезда'.

33 В тексте ошибочно 'в субботу'. — *Ред.*

34 4 ноября 1398 г.

35 В тексте ошибочно 'в воскресенье'. — *Ред.*

36 В тексте *** рукописи Низамаддина Щами, находящейся в Британском музее, указано название Халис Кутали (***).

37 Полуденная молитва.

38 Курух — персидская миля, равная 4 тыс. газов. Принимая длину газа в 50 см (шесть кулаков, положенных в ряд), это составит 200 тыс. см, или 2 км.

39 8 ноября 1398 г.

40 На стр 85 — 88 персидского текста, начиная со слов: “Когда мироукрашительная мысль освободилась. . .” и т. д., до этого места помещено параллельное извлечение из рукописей Британского музея.

41 10 ноября 1398 г.

42 11 ноября 1398 г.

43 Коран, 11 (104), по переводу Саблукова.

44 Параллельно приведена (стр. 89 — 92) выдержка из рукописи Британского музея, начиная с фразы: “В воскресенье двадцать девятого числа...” и т. д.

45 13 ноября 1398 г.

46 Букв. 'берег водного бассейна'.

47 В тексте ***

48 Т. е. 'неверных'.

49 17 ноября 1398 г.

50 18 ноября 1398 г.

51 В тексте ***; параллельно дается другое начертание — ***.

52 19 ноября 1398 г.

53 20 ноября 1398 г.

54 В тексте ***.

55 В тексте ***; в рукописи Низамаддина Шами — ***.

56 21 ноября 1398 г.

57 В тексте — *** — *Ред.*

58 25 ноября 1398 г.

59 В тексте — ***

60 26 ноября 1398 г.

61 28 ноября 1398 г.

62 29 ноября 1398 г.

63 Параллельно этому тексту, начиная со слов: “Во вторник девятого числа раби' ал-авваля...” (стр. 95 —

99), приведен соответствующий текст рукописи
Низамаддина Шами.

64 В тексте *** (йахадур). — *Ред.*

65 В тексте ***.

66 Дословно (с тюркского) — 'бесчисленный'. Здесь,
по-видимому, 'отборный'.

67 2 декабря 1398 г.

68 В тексте ***

69 В тексте ***.

70 Перифраз коранского стиха. Коран, 27 (45).

71 4 декабря 1398 г.

72 6 декабря 1398 г.

73 В тексте ***

74 9 декабря 1398 г.

75 10 декабря 1398 г.

76 11 декабря 1398 г.

77 В тексте ***.

78 Начиная со слов: “Из Пул-и Куйла” и т. д. (стр. 99 — 103), приведено параллельно извлечение из рукописи Низамаддина Шами. В нем обращает внимание одно разночтение: там, где у Гийасаддина 'Али говорится об избиении неверующих нукеров начальника крепости Луни, Маллу-хана, у Низамаддина Шами сказано, что “в последний день месяца рабй' ал авваля предали смерти начальника крепости” (стр. 102).

79 Джаханнумай — в переводе 'показывающий мир'. Находившееся в этом месте здание (а может быть, мавзолей) султана Фируз-шаха, очевидно, было связано с именем наиболее великого представителя делийских царей, Илтутмыш Фируз-шаха (607/1210 — 633/1236).

80 На стр. 104 текста к этому месту издателем сделано примечание: “1) Соч. XVI, 121”. Этот 121 стих из XVI суры Корана читается в русском переводе Саблукова так: “Авраам был имамом

благоговейным перед богом [Аллахом], держащимся истинной веры; он не был многобожником”.

81 Начиная со слов: “Тем временем ...” и т. д. до этого места (стр. 104), приведена параллельно выдержка такого же содержания из рукописи Британского музея.

[ГЛАВА]

О БИТВАХ С СУЛТАНОМ МАХМУДОМ, ЦАРЕМ ДЕЛИ, И О ПОБЕДЕ [НАД НИМ]

Сказал Аллах достохвальный и всевышний: “У нас сокровищницы всех вещей” ¹. Смысл сего коранского стиха тот, что ключ от сокровищниц счастья находится в обладании предопределения господа господ, а ключ к сокровищу желаний — в руках обладания первопричины [всех вещей].

Стихи

Единичность, существующая из двойственности его присутствия, чиста [от всего];
[Она] — не из воды и огня, не из воздуха и земли /106/.
От нее все твари — сильные,

Ею жив каждый человек, который имеет жизнь.
Когда путь становится запутанным, она показывает дорогу;
Когда дверь бывает заперта, она открывает ее.
Она милость и путеводитель к счастью;
Она полнота счастья и беспредельная милость!

Божеству в предвечности было нужно, чтобы всякого добродетельного раба, от чистого сердца обращающегося к чертогу вечного, он одел платьем счастья из сокровищницы своих бесконечных милостей и над каждым избранником похвальных поступков, крепко вцепившимся руками веры и просьбы о помощи в полы божественного милосердия, феникс незыблемого счастья распростер бы над его августейшею головою разлет [109] своих, приносящих благоденствие крыльев. Хадис господина пророков, Мухаммада избранника: — да починут на нем наилучшие благословения! — “Рай окружен дурными делами, а огонь окружен плотскими вожделениями” ... указывает на то, что созерцание красот Ка' бы [вершины] желаний не осуществляется без перенесения пустыни страданий и любованье красивым лицом возлюбленной

невозможно без следования по долине огорчений ².
Счастливым монарх [вроде эмира Тимура] достигает
рая счастья, когда он в кровопролитном бою не
думает об опасности, угрожающей его драгоценной
жизни. Завоеватель мира [вроде его величества]
воссоединяется с райскими садами счастья, когда он
не уносит ног из неприятных и опасных положений.
Ветвь счастья зелена и цветуща благодаря тому, что
она орошается созидателем умения и старания;
молодое деревце государства прекрасно от [воды
орошающего ее] райского источника Каусара,
[называемого] старанием; оно крепнет и цветет
вследствие неусыпного труда [по уходу за ним].
Невозможно достичь источника жизни без того,
чтобы не идти [в поисках его] во мраке, [как
невозможно] закинуть за плечо руку желания,
[чтобы] заставить другого полюбить [себя] без
терпеливого перенесения тягостных картин
мнительности и воображения.

Стихи

Путь к подруге без врага невозможен,
Надежда на соединение с нею без разлуки — [одно]
воображение.

Роза выходит из шипа, золото — из гранита.
Туча возникает из облака, а жемчуг — из моря.
Если ты не знаешь обстоятельств мрака,
То простиись с водою жизни! /107/

Кому нужен свет солнца счастья, тому нужно видеть
мрачный день битвы, а чтобы [попасть на] свежий и
цветущий луг желания, нужно [видеть], как идет
кровавый дождь из облака войны. У кого меч в
ножнах, у того нет порядка в делах. У кого нет
пьющего кровь кинжала, у того не может быть
постоянно высокого положения. И нет сомнения, что
его хаканское величество — да распространится тень
[его покровительства] над головами людей ислама до
пределов небесного вращения и до крайних пунктов
населенных мест мира! — ищет происхождения
благородства и высоких доблестей в [своих]
последовательных [военных] предприятиях и в
постоянных походах и требует плодов царствования
и богатства **[110]** от дерева бодрствования и

благоразумия. На это указывает то, что когда знамя завоевателя мира было направлено в сторону Индийского царства и [произошло все], что мы перед этим изложили, и его [величество], проходя станции и остановки, переправляясь через моря и реки, покоряя крепости и города, очистил области и районы от многобожников, злодеев, мятежников и неверных, а гебров и идолопоклонников ниспроверг во прах и, когда до [его] высочайшего слуха дошло, что после того как покойный султан Фируз-шах переселился из этого тленного мира в мир вечности, в городе Дели и в других городах, принадлежащих к городам /108/ ислама, сборища неверующих рабов протянули [над мусульманами] руки тирании и угнетения, выйдя из пределов справедливости и правильного образа действий, — тогда [его величество] направил свое победоносное знамя к Дели и в первый день месяца [раби' ал-ахира 801 года] ³ достиг окрестностей Дели.

Веревки [лагерных] палаток убежища государева были натянуты на территории этой равнины.

В пятницу третьего числа [месяца раби' ал-ахира] ⁴,
выступив из пункта, противоположного
Джаханнумаю, где находится сооружение покойного
султана Фируз-шаха, [его величество] соизволил
остановиться восточнее крепости Луни. В этом [его]
местопребывании у ступеней престола убежища
вселённой собрались все счастливые принцы,
великие эмиры, десятитысячный отряд сансыз,
являвшийся личной охраной [государя], состоявший
из [рабов], купленных за золото, и приближенных его
двора, и начальники войск. Все они сделали прах
высочайшей территории сурьюмою счастья [для своих
глаз]. На этом особом собрании и [на этом] высоком
совещании его величество, убежище халифского
достоинства, у которого [вечно] бодрствующая
мысль осведомлена о тайнах неба и поверхность
светозарного сердца есть зеркало, созданное
божественным искусством, а в отношении познания
способов ведения войны высокодостойные государи
не рассекали пыль, поднимавшуюся его кортежем
[ни в какое сравнение с ним не могли идти], и
великие монархи не удостоились достичь его

положения, — открыл свои благословенные уста, из которых — да будут всегда истекающими слова, [исповедующие] единство Аллаха! — и соизеолит преподать указания, что в суровых сражениях жертвовать жизнью следует по закону и правилам древних царей, а [равно изложить] руководящие правила и методы ведения войны с неприятелем, **[111]** расстройства его рядов, отправления в глубины рек сражения и [благополучного] выхода из водоворота боя. Он объяснил [им] все обязанности, налагаемые военными действиями /109/, изложил предпосылки и следствия их таким образом, что если бы ты имел время слышать [это], то выслушал бы [с величайшею для себя пользою]. Он определил также, в каком месте каждый останется на правом фланге и на левом, в авангарде, и в его личном отряде, каким образом ехать вровень друг с другом, как отражать атаки врага. Присутствовавшие, слушая эти назидательные, смешанные с любовью слова, кои суть слова царей и цари слов, переполнились [ими, как] отборным царственным жемчугом. Они выслушали это приказание и повеление ухом разума

и слухом души ⁵, выпили из чаши царственных милостей по приятному глотку, поцеловали землю служения [его величеству] устами благовоспитанности и раскрыли уста для молитвенных возношений [за него]...

Стихи

“Да будет твой меч сверкающим,
Да пребудут твои стяг и копье победоносными!
Да послужит на удовлетворение тебе движение звезд,
И небо да оставит след у тебя на голове и глазах!
Да будут головы мятежников у тебя под ногами,
Все славословия звезд да будут в похвалу [и] тебе!”

Все были единомышленны [в своих чувствах к счастливому монарху] и возблагодарили владыку мира и творца неба и земли за помощь, дарованную государю, завоевателю вселенной.

В тот же день принцы и эмиры почтительно доложили [его величеству], что от берега реки Синда до сего места взято в плен около ста тысяч индусов из неверных гебров и язычников, которые собрались в лагере. Принимая во внимание, что во время

военных действий они склонились бы на сторону гебров Дели и, произведя нападение [на победоносные войска], присоединились бы к этим гебрам, последовал приказ покорителя мира — и всех индусов, захваченных войсками /110/, перебили, из их крови пролились [целые] потоки.

Стихи

Из каждого угла кровь текла целыми волнами,
И поднялся гребень ее волны до зенита.

Из числа [придворных] Маулана Насираддин 'Омар, который в отношении превосходства храбрости является [только] **[112]** замечательным знатоком стихов Корана и ясных [богословских] доказательств, имел в числе своего окружения десять [пленных] индусов. И он, никогда [в жизни] не зажавший ни одного барана, в тот день последовал приказанию [его величества] и всех десятерых индусов предал мечу борцов за веру. [Затем] последовало высочайшее повеление, чтобы из каждых десяти солдат было выделено по одному и оставлено в данном месте для охраны жен и детей

индусов и награбленного скота. После этого [его величество] принял твердое решение выступить походом против города [Дели]. Астрологи и знатоки звезд, которые основы всех дел связывают с указаниями звезд, втайне говорили [о предстоящем походе] с точки зрения счастливых и несчастливых созвездий. Его величество, убежище халифского достоинства, исходя из решения людей святости, освобождающих божество от всех могущих возникнуть в уме представлений о нем, кои не говорят ни о троице, ни о шестерице [божества], [своею] чистою верою не поверил указаниям звезд и рукою надежды вцепился в веревки господней милости, которую возжжены небесные огни ⁶.

Правоверные, обладающие истинным знанием и называющие узы Аллаха крепкими, не признают каждое действие, происходящее в мире бытия и исчезновения, [возникающим под влиянием] небесных светил, и из того, что совершается в мире, не относят ни к чьему влиянию, кроме влияния высшей истины, — да прославится и возвеличится она! /III/

Стихи

Не признавай ни покоя, ни беспокойства происходящими от
счастливых и несчастливых звезд,
Ибо все утонули, как и мы, в этом водовороте.

Судьба, хоть и бывает под знаком добра и зла,
звезды, сколько бы ни были свидетельствами о
счастье и беде...

Стихи

Судьба беременна добром и злом,
Звезды временами — то друзья, то враги,

однако ничто из этого само собою не
осуществляется, и без божьего желания и господней
воли никакое добро и зло от небесных светил не
происходит, потому что они все в беспрекословном
подчинении и повиновении велениям творца и все
находятся в сфере его творений. Подобное **[113]**
совершенное августейшее начало, которое есть
проявление чудес божественного могущества, как
может думать о том, приносят ли звезды счастье или
несчастье? Благословенная личность, ради

счастливого существования которой Венера устроила бы пир [всему] царству, а солнце зодиака величия возвышает [свое] знамя превыше вершин славы, могла бы допустить у себя чувства горя или радости, вызываемые соединением несчастных и счастливых созвездий?

Стихи

С тех пор как от лица правосудия сбросили [миру] твое знамя и [общепризнанное] мнение, [Воссиял] свет на горнем небе и [утвердилось] покровительство над этим преходящим миром.

Светила на потолке небесной сферы свободны [теперь] от ударов [рока].

Жители населенной части вселенной — в безопасности от потрясений.

Его величество после утренней молитвы, в утренний час, каковое время является временем победы и триумфа, следуя божественным указаниям и словам достохвального [Корана]: “Ложь не подходит к нему ни спереди, ни сзади”⁷, поставил перед собою обязанность первым делом ради /112/ похода на город Дели прибегнуть к гаданию на преславном

Коране; вышел следующий стих из суры Иона: “В самом деле, чему подобна здешняя жизнь? Она подобна воде, которую низводим мы с неба и которою питаются земные растения, какие едят люди и скот. В то время как земля наденет на себя красивые уборы, нарядится в них, и обитатели ее думают, что это они делают с нею, в течение какой-либо ночи или дня приходит к ней наше повеление и она делается как бы пожатою, как будто она и не была вчера так богатою” ⁸. Смысл этого стиха, который лучезарен как начало утра, тот, что жизнь этого мира похожа на дождь, которым замешиваются растения, служащие пищею людей и животных, до тех пор, пока не покроется земля одеждами великолепными и платьем разноцветным и не украсится [всем этим]. А обитатели ее думают, что зерновые-хлеба и плоды обязаны им [своим] возникновением. Между тем это наше повеление коснулось земли, и те же произрастенья мы превращаем в ничто. Ты сказал бы, что вчера их не было, теперь они появились. Этот стих ясно указывал на пороки и заблуждения противников [его

величества], на жителей города [114] [Дели], а также на замыслы Маллу-хана, который был стержнем войска, опорой и убежищем /113/ Индийской страны, [Его величество вторично] загадал на Коране и открыл такой стих из суры Пчелы: “Аллах указал вам сопоставить раба, не властного ни над чем, с тем, кого мы наделили от себя прекрасным содержанием, вследствие чего он тайно и ясно делает из него пожертвования”². Смысл этого стиха тот, (то всевышний творец привел притчу о правоверном и неверном. [Один], на положении купленного за золото раба, слабый [и ничтожный, другой] — свободный человек, счастливый и могущественный, который и тайно, и явно живет в свое удовольствие, и [потому] никогда они не будут равны друг с другим.

Этими двумя обнаруженными [гаданием] стихами Корана, которые чрезвычайно соответствовали [создавшемуся] положению, выявились и подтвердились чудо Корана и чудесная поэтичность счастливого монарха [эмира Тимура]. Постигающие тонкости таинственных значений и

знающие истины божественных слов потребуют ли более ясного, чем это, указания на то, что миссия его хаканского величества — особенная?

Руководимый небесной помощью и призираемый божественным попечением — “поистине в этом есть поучительное для людей, обладающих рассудительностью” ¹⁰, и полагаясь на предсказание преславного Корана, [его величество] в воскресенье пятого числа упомянутого месяца [раби' ал-ахира] ¹¹ двинулся по берегу реки Джаун. Перешедши через нее, он остановился на другой ее стороне /114/; в целях предосторожности опустил в ров, прилегающий к холму, называемому Пушгайи-Бахали. Отсюда во вторник седьмого числа [раби' ал-ахира] ¹² в первый день, сев на коня, он построил правый и левый фланги армии, авангард и центр ее и привел ряды в боевой порядок. На правом фланге были: принц Пир Мухаммад-бахадур, принц Сулайман-шах-бахадур и остальные эмиры; на левом фланге: принц Султан Хусайн-бахадур, принц Халил Султан-бахадур, Джахан-шах-бахадур и другие эмиры, в передовой части [в авангарде] — принц

Рустам-бахадур, эмир Шайх Нураддин-бахадур, эмир Шах Малик, Аллахдад и другие эмиры. Его величество же собственною благословенною персоною стал во главе центра армии. Законченное в своей боевой готовности войско казалось таким, что с тех пор как древнее небо сделало площадь земли [115] местом своего обтекания, подобное войско в ряде войн не появлялось на ней; с тех пор как движутся в просторах неба копьеносец Солнце и разящий кинжалом Марс, такого невероятного множества храбрецов не участвовало ни в одном сражении. С неприятельской стороны царевич Султан Махмуд /115/ с Маллу-ханом и другими военачальниками и командирами Индийской страны, десять тысяч кавалерии, двадцать тысяч отборной пехоты и сто двадцать боевых слонов волновались, как страшное море от ветра, будучи расположены в боевом порядке в вооружении и боевых доспехах. На спинах горообразных слонов были положены круглые деревянные сидения, подле ряда слонов стояли извергающие мрак и гром [орудия]; на каждом слоне сидело по несколько стрельцов из

лука, а хоботы слонов были соединены вместе.

Сколько бы ни были победоносному войску обычны и знакомы войны, военное дело, битвы и [проявления] храбрости и хотя оно участвовало во множестве страшных сражений и в водоворотах смертей, но это препятствие послужило [для него] ареною многих размышлений, [особенно] из-за этих огромных, как тучи, слонов, которые издали казались особенно страшными ¹³. Таким образом, некоторые из выдающихся мужей стали сомневаться в своем мужестве, вроде таких, как мау-лана-йи а'зам ¹⁴ Хваджа-Фазл, сын султана ученых и шейхов, Джалал ал-Хакк вад-Дина Каши, “великого господина” 'Абдалджаббара, сына царя судей в мире, Ну'манаддина Хварази, кои оба принадлежат к известным ученым теологам и кои были из числа лиц, безотлучно пребывающих при дворе убежища вселенной. Его величество спросил их: “Где вы будете находиться?” Они от большого страха и чрезмерной растерянности ответили: “Наше место там, где находятся женщины”. Его хаканское величество, счастливый монарх, улыбнулся. Когда

оба войска сблизилась друг с другом, его величество остановился посреди своей ставки, расположившейся на склоне высокого холма Бахали, и [зорко] осматривал окрестность. Караульные отряды и передовые части [обеих армий] встретились, и битва началась.

В тот час его величество, убежище халифского достоинства, соизволил указать рабу [своего] двора, маулана Насираддин **[116]** 'Омару, чтобы он положил на камень молитвенный коврик, и его **/116/** величество, спустившись на него, благоговейно и с мольбою сделал два молитвенных поклона, прося у не требующего признательности дарователя [всяческих благ], — да будет он прославлен и возвеличен! — победы и помощи. В это время эмиры, бывшие в передовой части армии, вроде Шайх Нураддина, эмира Шах Малика и эмира Аллахдада, подумали: его величество — счастливый государь, и если божественная помощь станет нашим спутником и проявятся знаки божеского благоволения, то от центра армии в направлении к

правому флангу и к нам, рабам, [господь] пошлет помощь.

Когда его величество закончил молитву, заявив [всевышнему о своей] нужде, то сообразно вдохновленным [свыше] владыкам государств он приказал послать из центра армии подкрепления на правый фланг и передовым частям. На правый фланг [поспешил] 'Али Султан “таваджи” с отрядом, и подобная же помощь пришла к передовым частям. Сердца и руки их [эмиров правого фланга и передовых частей] обрели крепость, и, не обращая ни на что внимания, они вступили в бой. Их имя и честь на этом посту получили в мире известность. Это похоже на то, что лев выходит на охоту, и пища обеспечена другим животным, которые проводят /117/ дни под его покровительством. Каким же образом в бдительное хаканское сердце и в хаканский неусыпный разум запало то, что его величество приказал послать подкрепления названным эмирам, чтобы таким образом имена их были вписаны в летопись подвигов? Подобно тому как пища зверям поступает от охоты страшного льва,

так и свежесть луга государства получается от милостей источника попечения и искусства хакана, счастливого монарха.

Стихи

Если ты возьмешь от луны сто светильников,
То перед солнцем они будут казаться темным пятном.

[Теперь] мы подошли к началу рассказа о сражении двух армий, [которые], как два синих моря, заколыхались одна перед другой.

Стихи

Пришли в движение два войска, подобные горам,
От того движения земля пришла в смятение.
От одетых в стальные доспехи, сокрушающих армий
Тело горы задрожало всем своим существом.

С этой стороны храбрецы времени и мужи войны, которые не думали ни о зубах льва, ни о клыках слона, ни о [117] когтях леопарда, ни о пасти крокодила, ударами блестящих мечей и огнем сверкающих копий наносили раны людям и слонам. Ударив на /118/ ряд боевых слонов и прорвавшись в

центр этих движущихся гор, сбрасывали их вожаков [на землю], а головы начальников кидали, словно шары в чауган, под ноги быстрых, как ветер, коней. На правом фланге принцы Пир Мухаммад-бахадур и Сулайман-шах-бахадур приложили [большие] усилия [к достижению победы], а на левом фланге принцы Султан Хусайн-бахадур, Халил Султан-бахадур и эмир Джахан-шах-бахадур с Гийасадином “тарханом” стяжали большую славу [своими подвигами]. Принц Джахан-шах, появившись следом за ними, приблизился к воротам [города]. Центр и передовая часть армии тоже окружили вражеское ядро. Принц Пир Мухаммад-бахадур самолично поразил саблей слона. Принцы и бахадурсы окружили и захватили слонов. Противник проявил на поле боя [большую] стойкость и в предсмертной агонии судорожно отбивался. Но, подобно мошкаре при губительном пронзительном ветре, чем больше он упорствовал, тем больше приближался к своей гибели. Как ни старался он, подобно острию стрелы и губительному огню /119/, сила его сопротивления уменьшалась. [Да и то сказать], какое влияние могут

иметь капли дождя на основание [такой крепости, как] Харман ¹⁵, и какой вред может нанести ураган горным массивам?

В конце концов выявилась тайна смысла небесного откровения: “Не вспоминал ли ты, как поступил господь твой со спутниками слона?” ¹⁶ Солнце победы и торжества взошло с востока августейших знамен, и вихрь счастья запорошил глаза врагов пылью несчастья. Столько тысяч индусов с лицами, черными, как сажа, и с телами, как будто смолой покрытыми, было перебито, окрасив в красный цвет сабли бахадуров, что число их превосходит всякое воображение. [Даже ужасные] избиения в Исфагане и Сеистане ничто в сравнении с этим. Поле битвы от тел раненых и убитых стало похожим на горы и холмы. Головы непокорных врагов под ногами коней, словно стали катающимися шарами для чауганов. Река крови переливалась волнами. Султан Махмуд и Маллу-хан с небольшим отрядом обратились в бегство и, вырвавшись из гущи боя, укрылись в городе [Дели]. В то время когда огонь сражения пылал всюду, принц Халил Султан-

бахадур, которому было пятнадцать лет, как уже упоминалось в предисловии к этому [118] августейшему “Дневнику”, действовал саблей усерднее всех. Он захватил слона, привел к его величеству, за что удостоился особенного внимания и разного рода ласк [от своего августейшего деда] ¹⁷. В истории не отмечалось и никто из людей не сообщал, чтобы какой-либо принц в таком [юном] возрасте в такой [страшной] битве стяжал себе подобную славу. Да будет далеко от пределов его величия само совершенство и да будет его враг постоянно в несчастьи и [всеми] покинут! В этом положении [вещей] “великий наш господин” Насираддин 'Омар передавал со слов своего отца, “великого нашего господина” Са'йд 'Ала ал-Хакк вад-Дин 'Али, который был из числа ближайших лиц прежних государей, что падишах Барак ¹⁸ имел младшего брата /120/ по имени Баср в возрасте восемнадцати лет. Когда у падишаха Барака обнаружился в Сыкнаке враг, он собрал войско и отправился в Сыкнак, где и сразился с ним. [Брат] падишаха, Баср, в тот день проявил геройство,

сбросив с коня одного человека [из неприятельского войска]. Присутствовавшие при этом эмиры доложили падишаху Бараку: “Если какой-либо слуга, представляющий одного из многих [ему подобных] людей, проявляет отвагу, мы его встречаем с почетом и ласкою, сколько и как это требуется, но если принц проявляет на поле битвы мужество и храбрость, то достоинство жалуемого [ему] платья, уместность я меру его поощрения определяет сам государь”.

Падишах Барак ответил: “Да, я [это] знаю”, и отдал приказ, чтобы из каждой части войска вывели по несколько человек и ввели их в состав войска его брата, [а также] пожаловал ему во [владение] один город и одну область.

Как только принц Халил Султан-бахадур, захватив слона, доставил его в место высочайшего присутствия, принц Пир Мухаммад-бахадур с состоявшими при нем эмирами прибыл [к его величеству] и доложил: “Сегодня благодаря господней помощи и блеску хаканского счастья я во время сражения подумал, что не пристало храбрым людям допускать страх перед слоном в свое сердце,

и, уповая на милость всеблагого Аллаха, я бросился на слона и сбросил на землю его вожака, прибегнув к защите владыки величия. Достославная и всевышняя истина вследствие всемилостивого внимания к высокоблагороднейшей особе [вашего величества] сохранила меня [невредимым]”. Всякое живое существо, прибегающее к **[119]** покровительству царя царей, не думает о тварях, и всякое сердце, которое пребудет с истиною, не убоится ни неба, ни ангелов.

Стихи

Сердце, не потерявшее присутствия духа,
Не боится ни вращающегося неба, ни его звезд.
Когда ты существуешь, к чему бояться неба и звезд!
Когда существует небо, посыпай землю прахом!

Он доложил и другое: “Принцы и эмиры из ближайшего к его величеству окружения проявили [немалые] успехи [в сражении] и совершили отличные атаки на врагов. Для оказания [им] милостей да знает об этой **/121/** группе лиц

мироукра-сительная мысль [его величества и его]
светоносное сердце!”

Стихи

Все [поцеловали землю и чело, приникли к праху на его
пути,
Раскрыли уста [и сказали]: “О драгоценный,
В твоей сети завязло небо!
Да будет мир в твоём распоряжении, а небо [твоим] рабом!
Да будет судьба [твоею] помощницею, а счастье да
благоприятствует тебе!

У его величества при этом выступили на
благословенных глазах слезы, и он, растрогавшись,
вознес благодарность всевышнему творцу за то, что
он даровал [своему] избранному рабу [столь
великую] милость, как существование таких
счастливых детей и беззаветное служение
помощников и сподвижников, и сотворил молитву за
этих львов из чащи храбрости ¹⁹. “Давуду мы дали
Сулаймана; каким прекрасным слугою был он; с
истинным раскаянием обращался он к богу!” ²⁰ —
сказано [в преславном Коране], потому что бытие

храброго сына [или внука] есть великий дар [творца] и огромная [его] милость. Из божественных даров ни один дар не может с ним сравниться, ибо...

Стихи

Милости божества своим рабам многочисленны:
Он прославил их благородством детей [их].

Засвидетельствованно очами сердца и глазами прозорливости, что бесподобная личность государя времени представляет совокупность [всех] совершенных качеств: принуждение **[120]** и расправу — до той границы, которая определяется остановкою и предметом [его] суждения; милость, сострадание, сочувствие и жалость — в таком достойном виде, что в месте изъявления признательности за блага, [ниспосылаемые] господам миров, он проливает слезы; совершенство щедрости **/122/** — в такой [у него] степени, что по одной просьбе он дарит [целый] мир; его чудэсная проницательность такова, что он угадывает помыслы; его смирение и мольбы [ко всевышнему] таковы, что результаты благосклонного принятия [их божеством] очевидны

[для всех]; красота его веры такая, что, отвернувшись от астрологов, он придерживается [указаний лишь] преславного Корана; его справедливость и правосудие достигают такой степени, что он дает приют мусульманам в убежище безопасности и под покровом покоя.

Стихи

Земля и вода свидетельствуют в мире,
А в небе — источник солнечного света,
Что подобного ему государя не было ни по умению воевать,
Ни по щедрости, ни по энергии, ни по славе, ни по чести!

Когда Султан Махмуд с Маллу-ханом, потерпев поражение и оказавшись в бедственном состоянии, вошел в город, он сильно раскаялся в своем поведении, потому что оказал сопротивление [самому] небесному преуспеянию, [осмелился] солнце измазать грязью и измерить полную луну аршином.

Стихи

Все, что ты делаешь, рассчитывая на себя,
Это не игра: ты [наверняка] проиграешь!

Августейший кортеж его величества достиг ворот
Дели во время полуденной молитвы, не встретив
никакого сопротивления вступлению в город [своих
войск], за исключением [собственной] милости к
населению Дели, чтобы /123/ победоносные войска
не причинили жителям какого-либо бедствия.
Повернув коня, [его величество со всем своим
окружением] вернулся назад и расположился в
местности, называемой Лаб-и хауз-и хасс ²¹, где и
пробыл до конца дня. Султан Махмуд, Маллу-хан и
Туган-хан в ночь на среду, когда солнце золотым
мил'ом положило сурьму мрака на глаза дня ²² и
когда прошла половина ночи, — [121]

Стихи

Ночи до такой степени темной,
Что в ней самый свет был на подозрении тени.
Небо [небесного] чертога было покрыто индиго.
Головы стражей остались в ногах слонов. —

бежали через южные ворота [города], ставши скитальцами в лесных зарослях и пустынях. Его величество тотчас сел на коня и, посоветовавшись с эмирами, послал отряд для преследования беглецов.

В среду восьмого числа [месяца раби' ал-ахира] ²³, когда султан небесных светил появился на востоке и поплыл по поверхности блестящего неба, [его величество] прибыл к воротам Майдан и тотчас расположился в 'айдгах'е ²⁴, где разбили [августейший] шатер для аудиенций. Сейиды, великие люди, судьи и знать [города Дели], собравшись, вышли из города и встретились с августейшим знаменем. Фазлаллах Балхи, бывший наибом ²⁵ Маллу-хана, и служащие государственной канцелярии ²⁶ Дели все вместе удостоились поцеловать прах небовидного порога [чертога его величества]. Сейиды, ученые и шейхи попросили у эмиров пощады для жителей столицы. Принцы Пир Мухаммад-бахадур, Сулайман-шах-бахадур, Джахан-шах-бахадур и другие эмиры обратились с просьбой [об этом к его величеству, и он] жителей Дели /124/ пощадил.

В пятницу десятого числа упомянутого месяца Маулана Насираддин 'Омар получил назначение войти в город в сопровождении великих и знатных людей и прочитать там хутбу, украшенную августейшими титулами. А до этого было обусловлено, что на хутбе поминались имена Фируз-шаха и других покойных султанов ²⁷, теперь же, принимая во внимание [арабское выражение]: “Когда пришла река Аллаха, стал не нужен канал Ма'кил”», этот обычай отменялся и хутба украсилась упоминанием государя эпохи и времени, его величества, и наследника хакана времен, принца Мухаммад Султана — да длится его время!

В таком состоянии [дел] молва о справедливости и благодеяниях счастливого султана взяла в руки поводья [моего] **[122]** пера, и кое-что следует написать о подвигах его [государственного] служения. Он обладатель счастья, умный, ученый, высокостепенный, покровитель талантов, благоразумный счастливою рукою [своею] представил царям мира доказательство [совершенного им] завоевания вселенной. Он стер с

поверхности времени пыль насилия и несправедливости, достоинство его как наследника престола и халифского достоинства его величества сияет перед [всеми] разумными сынами Адама и обитателями благоустроенного мира, достигнув высшей точки действительности и высоты очевидности. В соответствии [с корейским выражением]: “Аллах избрал его властвовать над вами и увеличил его превосходство в знании и телесной силе” ²⁸ на площади славы он похитил у султанов мира шар упреждения [его].

Стихи

Состязался царь из-за знамени побед.
Вцепившись в веревку [сего] ужасного мира.
Телом — могучий слон, душою — Джибра'ил,
В руке [у него] — весеннее облако, на ладони — [целая] река
Нил.

Просвещенные жизненным опытом старцы ²⁹ и [искусные] секретари описали своим распространяющим мускус пером эту славную победу, и водолазы фактов, извлекая из моря

размышления [блестящие], пронизывающие мрак ночи, жемчужины, довели это великое радостное известие до слуха обитателей вселенной, и слава о войне за веру счастливого монарха и упоминания о его царственных трудах и подвигах распространялись по всему миру. Молва /125/ о доблестных государевых деяниях дошла до всех концов суши и морей. Личный секретарь небес записал на шелке неба указ о власти над миром на имя хакана, завоевателя вселенной, а хатиб с девятиногой кафедры государств [всех] семи поясов земли провозгласил хутбу, украшенную блеском и прелестью августейших титулов.

Когда утро безопасности выставило голову из пазухи желания и солнце счастья показало свое лицо на востоке цветущего состояния, учтивые собеседники и любители веселых компаний, сойдясь на одном, обратились [к его величеству] с просьбою, чтобы его мироукрасительная мысль, оставив обителище войны, обратила внимание на пиршественное место наслаждения и представила смысл сего в следующих стихах: **[123]**

Стихи

Удалимся на время от занятий мирового значения,
Насытим душу виноградным вином!
По обычаю Фаридуна и по установлению Кая
Возьмем дары сердца от лютни и вина!

На этом основании его величество подарил свежесть
садам наслаждения и молодым ветвям удовольствия,
и молодая поросль веселья высоко поднялась в парке
наслаждения, а от животворного зефира радости
воздух стал ароматным и живительным. Любящие
победоносное государство сочли своею
обязанностью вознести молитвы [за благополучие
его величества].

Стихи

Да будет горе тому, кто не желает тебе веселья!
Разорение тому человеку, который не пожелает тебе
процветания!
Голове, которая ищет, как бы ей освободиться из твоего
ошейника,
Да не будет освобождения от оков ее несправедливости!
Да не будет без тебя света во всех семи поясах земли,

Несчастье от дурного глаза да будет далеко от твоего государства! /126/

В четверг шестнадцатого числа того месяца [раби'ал-ахира] ³⁰ перед воротами Дели собралось скопище войск [его величества]. Как голодные волки, устремляющиеся на стада овец, или] как исторгающие жизнь орлы, признающие своею пищею всех] слабых птиц, [войска] спешили [обрушиться] на население столицы] и нарушить его покой. Последовал высочайший приказ, чтобы великие эмиры выступили в защиту населения. Тем временем господа [государыня и принцесса] — да будет всегда окружен занавес целомудренности их убежища божественной благосклонностью под сенью хаканского покровительства! — отправились погулять в город Дели, а эмиры высочайшего дивана сели перед городскими воротами, занявшись подсчетом дани с пощаженного населения.

Несколько тысяч военных, имевших на руках бумаги на получение сахара и зернового хлеба, направились к городу. Последовал высочайший приказ, чтобы каждый из эмиров захватил по отряду окрестного

населения, которое, взбунтовавшись, бежало в город. Вследствие этого многие из воинов бросились в город. Его величество [в этот момент] был занят веселым и приятным пиршеством, и никто не имел возможности доложить ему о происходящем. Как ни отбивались эмиры стрелами и **[124]** саблями /127/, все было бесполезно, потому что поток бедствия поднялся столь высоко, что усмирить его не было возможности. Неодолимый натиск войска достиг такой степени, что отразить его не представлялось возможным. Когда бы прославленный всевышний творец пожелал какому-либо народу причинить убытки и нанести вред, то во всяком случае причины для этого нашлись бы; [в таком случае] никакое противодействие и сопротивление этому не помогли бы. “Когда Аллах пожелает сделать людям злое, то не существует для него препятствия, а для них, кроме него, — защитника” ³¹, — [говорится в предвечном слове]. По этой причине отряды индусов и гебров из разных частей Дели, из Сари, Джаханпанаха и из Старого Дели начали сражение. Многие из них подожгли свои дома и имущество и сожгли себя

вместе с своими женами и детьми. Войска [Тимура] в один час разбили двери домов и начали [все] грабить. Ни у одной твари не было силы довести это обстоятельство до высочайшего сведения, ибо его величество был погружен в удовольствия и наслаждения. Однако из-за страха пред его величеством эмиры заперли ворота, чтобы войска, оставшиеся вне города, не смогли войти внутрь его /128/. Тем не менее в эту ночь около пятнадцати тысяч воинов находилось внутри крепости. С наступлением ночи они опять начали грабеж и стали поджигать городские постройки. В некоторых местах гебры продолжали сражаться. Когда стало светло, солдаты подняли крик, и остановить их было невозможно.

В пятницу семнадцатого [раби' ал-ахира] ³² произошел всеобщий грабеж населения, и большинство кварталов Джаханпанаха и Сари было пущено на ветер грабежа. В субботу восемнадцатого числа [того же месяца] грабеж и захват пленных продолжались. Каждый воин выводил за город по 150 мужчин, женщин и детей, считая их [своими]

пленниками, так что у самого последнего солдата оказывалось двадцать пленников. В воскресенье девятнадцатого [раби' ал-ахира] ³³ воины бросились в Старый Дели. До этого большинство индусов бежало из города, направившись в Старый Дели. [Теперь], собравшись в соборной мечети, они оказывали сопротивление. Принц Шах Малик-бахадур и 'Али Султан “таваджи” поспешили туда с пятьюстами воинов в полном вооружении и дали душам врагов и недоброжелателей государства [его величества] приют в адских глубинах. Сделанные из голов индусов башни достигли предельной высоты, а тела их стали пищею [125] диких зверей и птиц. В этот день Старый Дели также был разграблен. Несколько дней подряд выводили из [городских] ворот гебров, и каждый из эмиров туман'ов брал [их] партиями. Среди [гебров] было несколько тысяч мастеров-ремесленников. Было решено, чтобы некоторые искусные мастера-ремесленники и другие ремесленники, которых /129/ люди и слуги высоких особ и вельмож выводили [из города], передавались находившимся в свите принцам, высшим сановникам

и эмирам. Некоторых [пленников] с нукерами отправляли в Самарканд для передачи бывшим там принцам и знатым особам. В отношении каменотесов был дан высочайший приказ задержать их для особой его величества надобности ³⁴, ибо в благословенном уме [его величества] созрела мысль о постройке в Самарканде мечети. Этим каменщиков сохранили для [упомянутой цели]. После сего, бог даст, будет описана и мечеть.

Так как в предвечности пером предопределения было написано, что для большей части жителей города Дели станет уделом территория небытия и гибели, несмотря на то что по странице их просьб провели чертою пощады и [в Дели] была прочтена хутба с августейшим именем и титулами, то все это случилось так, что его величество не мог обратить внимание на их положение. Когда его благороднейшая и высочайшая мысль постигла все случившееся, дело уже совершилось, и в результате приятного времяпровождения он увидел [весьма неприятно поразившее его] жало и от напитка забвения он вкусил чистый яд. Когда стрела судьбы

отделится от лука желания [поразить кого-либо], она во всяком случае попадет в цель, и когда меч небесного приказания выходит из ножен, он поражает смертного.

Стихи

Знаешь ли ты, какова бывает судьба вещей ?
Понятие об этом ускользает из наших рук,
Поскольку дело не в нашей воле,
Не наше дело заниматься [разгадкой] сего!

Его величество [уже] пятнадцать дней, когда грекоподобный [светлый] день напал на темного индуса — ночь, оставался в Дели, и покровительство творца [служило ему] охранителем и защитником, а божественная помощь [сопровождала его] с правой и левой стороны. **[126]**

В среду двадцать второго числа месяца раби' алахира 801 года ³⁵ покоритель мира принял твердое решение вернуться обратно /130/. Свершились знаменитые победы, скромные города и неприступные крепости были взяты, места поклонения идолам заменились храмами единобожия

и [истинной] веры; знамя язычества и огнепоклонства и бунчук неверия и идолопоклонства пали верхним концом вниз, а голос, [взывающий]: “Помощь от Аллаха...” ³⁶, коснулся слуха исповедующих единство Аллаха. С огромной добычей [по слову Корана]: “Они возвратились, сопутствуемые благами Аллаха...” ³⁷, увеличив благодарность за дары господу миров, тому дарователю [всего], по желанию которого открываются двери сокровищниц [по предвечному слову]: “Ты даешь царство, кому хочешь...” ³⁸, и древняя воля которого увеличивает поводы к счастью.

Стихи

Владыка солнца и вращатель месяца,
Дарующий лучезарный венец, престол и шапку,
Кого захочет, [того] высоко возносит,
А другого делает печальным и грустным.

Когда настало время августейшего выступления, то вследствие искреннего расположения, которое его величество имеет к дому пророчества и к семейству

посланничества, и превосходного покровительства, оказываемого им наследникам науки пророков, последовал приказ [государя], чтобы сейидов, ученых богословов, судей /131/ и шейхов поместили в соборной мечети Джаханпанаха и не допустили, чтобы им был причинен какой-либо ущерб и вред. [39](#) Одного из состоящих при его особе сановных лиц он поставил над ними главою [40](#). Всеславная и всевышняя истина да дарует сему своему рабу, который стал [начальником] над народом государя, воздаяние через господина тварей — да благословит его Аллах и да приветствует! — и да просветлит она на долгие годы очи людей лицезрением августейшего лица. Аминь, господи миров!

В тот день, в среду, в предполуденное время, государь, сопутствуемый божественною милостью и господним вниманием, выступил в [обратный] поход от окраины водоема [127](#) Хваджа-йи Джахана, находящегося у ворот 'Айдгах в Джаханпанахе; благополучно достиг Фйрузабада, где остановился на один час, осмотрел это очаровательное место, сделал два молитвенных поклона в мечети Фирузабада,

воссылая благодарность за божественные и безграничные [к нему] благости. Когда выступили из ворот Фирузабада, то прибыл сейид из числа термезских Ханд-зада ⁴¹ [по имени] 'Ала'дин, заместитель наместника ⁴² города Куку, раньше ездивший в качестве посла из августейшего лагеря в Лихавар. [Явившись к его величеству], он доложил, что Бахадур Бахар, правитель этой области, положив голову на черту покорности и опоясавшись поясом службы [его величеству], изъявил готовность в пятницу облобызать прах территории, занимаемой убежищем вселенной. Когда по выступлении отсюда его величество соизволил остановиться поблизости Вазирабада, явились послы от Бахадура Бахара с двумя белыми попугаями и доложили, что эти попугаи /132/ остались еще от времен Султана Туглук-шаха и весьма долго пребывали в собраниях государей, разговаривая и грызя сахар, что они были в поле зрения великих людей и властелинов мира ⁴³. Послы этим драгоценным подарком, который хотя и состоял из птиц, но таких, которые по степени одаренности словом приближались к человеку,

приветствовали его величество и в знак счастливого предзнаменования преподнесли этот дар.

Стихи

Какое блаженство — предсказывать счастье
Не какому-нибудь лицу, а государю!

Соловей луга надежды, подобно бутону, раскрыл уста, и попугай сада благополучия украсил свой, похожий на лилию язык обещаний: живописец вселенной и искусный создатель всех существ, — да прославится и да возвеличится он! — украсив жасминовые заросли ланит царь-пером попугая письма, а райский сад суфы лика наделив павлином красоты и прелести, как можно скорее утвердит все царства мира во власти второго Александра, достойного называться Сахиб-кираном ⁴⁴ и [128] наследником владений Сулаймана, и изо дня в день будет открывать врата победы и торжества перед желаниями [этого] всадника ристалища покорения вселенной.

Стихи

О боже, пока с этого бирюзового неба
Светит Луна, Солнце, Меркурий и Сатурн,
Да будет государь Востока [Тимур] украшением мира,
Да будет вечно [его] время и земля на [своем] месте!
Да будет вселенная управляема султаном мира,
Да будет небо уполномоченным счастливого монарха!

В четверг двадцать третьего числа [месяца раби' ал-ахира] ⁴⁵ его величество, выступив из Вазйрабада, переправился через реку Джаун ⁴⁶. Пройдя шесть курухов расстояния, он остановился в местности Мурдаулат. От Дели до Вазйрабада восемь курухов. В пятницу двадцать четвертого числа /133/, выступив из Мурдаулата, прошли шесть курухов и достигли местности Кат'а. В субботу двадцать пятого числа, выступив из Кат'а, остановились в Баг-и Бут ⁴⁷. Расстояние между этими остановками — шесть курухов. В воскресенье двадцать шестого числа [раби' ал-ахира] ⁴⁸ выступили из Баг-и Бут, сделав пять курухов пути, остановились в местности Асар, где оставались два дня ⁴⁹. [129]

[ГЛАВА] О ПОКОРЕНИИ КРЕПОСТИ МИРТ

Эта крепость относится к числу известных крепостей Индии. В воскресенье двадцать шестого числа того же месяца [раби' ал-ахира] его величество отправил из Асара в ту крепость Мирт эмирского сына Рустам Барласа, эмира Шах Малика и эмира Аллахдада. Во вторник двадцать восьмого числа эти отправившиеся в крепость эмиры прислали известие, что Илйас Афган, сын Маулана Ахмада Таханасарй, и Сафи Габр со сборищем гебров укрепились в той крепости, не идут на мир и будут воевать. Они говорят: “Падишах Тармаширин ⁵⁰ приходил к внешним укреплениям этой крепости и не мог [их] взять”. От таких слов его величество, счастливый монарх, распалился гневом: почему какой-то гебр /134/ считает слабыми и нерадивыми нескольких принцев нашего царства? Много голов [бывало], которые из-за своего языка скатывались, как шары, и много жизней [было], которые из-за вмешательства не в свои дела уничтожались.

Стих

Язык есть и [вкусное] мясо и стальной меч.

Господин послов [Аллаха] — да благословит его
Аллах и да приветствует! — в назидание [своей]
общине однажды высунул свой благословенный язык
и, указывая на него, **[130]** сказал одному из своих
сподвижников: “Удержи это от говорения
неподобающего, потому что, кроме разящего языка,
[ничто другое] не ввергает людей [в адский] огонь!”

Стихи

Рот иглой зашить [и]

Сжечь написанное лучше, чем говорить [неподобное].

Храни язык во рту своем [и]

Не дыши [иначе], как в свое время!

Когда пламя хаканского гнева начало пылать целыми
языками и когда высочайшая сила,
противопоставленная этим словам, столь далеким от
благопристойности, поспешила отомстить этим
злосчастным безумцам, [его величество] немедленно,
в [тот же] вторник двадцать восьмого числа [раби'
ал-ахира], во время /135/ намаз-и пйшйн [в
полуденное время], сев на коня, с десятитысячным
отрядом устремился по направлению к крепости

Мирт. Через ночь, совершив восемь курухов пути, двадцать девятого числа, во время намаз-и пйшйн, знамя покорителя вселенной достигло крепости Мирт. Тотчас последовало [высочайшее] повеление [приступить к осадным работам]. Эмиры частей войска, каждый против своей стоянки, занялись рытьем подкопов. Когда настало время молитвы намаз-и шам ⁵¹, под каждую стену был подведен подкоп на 10 — 15 газов. Гебры поразились и изумились, и щеки их надежд, подобно цвету их лиц, потемнели, а упования на освобождение [от злой участи] и пути спасения исчезли. [Поэтому] кровь в их жилах от чрезмерного страха стала похожа на сок в сердцевине засохшего тюльпана.

На следующий день эмир Аллахдад, брат эмира Хаджи Сайфаддина, со своим отрядом, состоящим из специальных конвойных ⁵² его величества, приблизился к воротам крепости. Один из его нукеров, бывший храбрецом на поле битвы и отважным воином, прежде всех других закинул веревку на крепостную стену и забрался по ней на верх стены. После него влезли на крепостные ворота

другие бахадурь и герои. В тот же час эмирский сын, Рустам “барлас”, овладевши крепостью, захватил Илийас Афгана и сына Таханасари и, как собакам, связал им шеи и привел туда, где находился [131] убежище вселенной. Другой начальник, которого звали Сафи Габр, был убит в бою и подвергся мукам в огне, который он чтит.

В четверг все гебры, находившиеся в этой крепости, были перебиты блестящими саблями и смертоносными кинжалами и отправлены в самое пекло адской бездны; их жен и детей сделали пленниками. Последовал августейший приказ, чтобы под стены, где были прорыты подкопы, подложили огонь и сравняли с землею крепостные здания и башни /136/. Эта победа присоединилась к другим победам [его величества] и вновь победа и счастье уселись рядом с величественными знаменами [счастливого] монарха.

Стихи

Время от времени от высокого неба
[Ниспосылаются тебе] все новые победы, будь же счастлив!

Каждую ночь, когда месяц обходит небесный свод,
Да увеличит он масло в твоём светильнике!
Каждый день солнце в золотой короне
Да опояшется внизу твоего престола, [чтобы служить тебе]!
[53](#)

Дело в том, что султанам мира и хаканам вселенной
нужно учиться у его величества учтивости,
свойственной государям, и правилам управления
царством, ибо он в такой мере проявляет уважение к
прежним государям, что когда банда гебров сказала,
что счастливый падишах Тармаширин не смог взять
эту крепость, [его величество] во внимание к его
чистой памяти сам своею благословенною
личностью двинулся [против названной крепости] и
отомстил [за него]. Сколько бы ни рассеивались
частицы, образующее тело, сколько бы ни
освобождалась клетка тела и плоти от феникса
высоко парящей души, сущность духа
[человеческого] пребудет вечной и несокрушимой!

Стихи

Так признай же, что душа есть наивысшая сущность,
Не из этого мира [ниспосланная], а из другой страны.
Эта чистая душа есть яркая свеча,
Упавшая в этот глубокий мрачный колодезь, [именуемый
миром].

По этой причине владыка шари'ата [Мухаммад] — да
благословит его Аллах и да приветствует! —
приказал мусульманам посещать могилы и
совершать им поклонения и [потому] многое на этот
счет установлено правилами мусульманской **[132]**
религии. А отсюда то, что некий познавший
обратился к своему сыну с такими словами:

Стихи

Вспомни [меня], о [моя] молодая горная куропатка [54](#),
Когда ты будешь проходить близ моей могилы,
Ты увидишь траву, поднимающуюся из моей могилы,
Раскрошившуюся подушку и обрушившееся изголовье,
[И все же] ты считай меня живым, как себя:
Я войду в [твою] душу, если ты войдешь в тело! /137/

Короче говоря, почтение и уважение его величества
— да будет небо постоянно повинующимся его

приказанием, а время его слугою и рабом! — к душам великих государей служит великим примером [для всех современных царей]. За это благословенное [его] качество чело могущественных [султанов] и победоносных [монархов] эпохи стерлось о порог повиновения [его величеству] и о землю сопровождения [его], а выи начальствующих и [всех] высокомерных лиц мира оказались в ошейниках повиновения [ему], кольца рабства [украшили их уши], земля благороднейшего чертога [его величества] стала местом моления всех благородных лиц земной поверхности, а ковер [его] августейшего двора стал местом лобызания индийских раджей и государей Китая.

Стихи

Какой прекрасный товар — опытность в деле!

Да не будет пустовать мир от такого наличного капитала!

В мире [лишь] тот человек высоко поднимает голову,

Который в деле бывает знающим и мудрым.

Когда [его величеству] передали слова гебров, что

эту крепость государь Тармашйрин не смог взять, его

величество соизволил сказать: “Благословенный и всевышний царь царей и питатель людей облегчит нам взятие этой крепости”. До овладения последней он приказал одному из [своих] слуг написать начальникам крепости “устрашительное письмо”, представив в нем [все] методы запугивания и увещания, чтобы они услышали все соответствующее одно другому — как выражения благоволения, так и гнева. Оно было написано в таком значении: “Какое у нас отношение к государю Тармашйрину?” Это письмо тяжело давило благороднейшую и величайшую мысль [его величества]. [Его величество] обратился с попреком к лицам, при которых он отдал распоряжение писцу, как **[133]** нужно написать [упомянутое письмо]. От благородства своих царственных душевных качеств он сказал: “Этот царь Тармаширин для нас является прежним и превосходным государем. Во всяком случае достоинство великих людей могут знать только великие люди и до вершины величия и славы достигают [лишь] великие государи и пышные султаны”.

Стихи

О сердце, пока ты не заполучишь в руки высокого
положения
Тебе не следует занимать место великих людей.
Твое величие должно [быть] достигнуто тем,
Чтобы ты подражал памяти великих людей /138/.

[ГЛАВА]

О СВЯЩЕННОЙ ВОЙНЕ, КОТОРАЯ ПРОИЗОШЛА У [ВОЙСК С] МИРОЗАВОЕВАТЕЛЬНЫМИ ЗНАМЕНАМИ НА БЕРЕГАХ РЕКИ ГАНГА С ПОЛЧИЩАМИ ГЕБРОВ

Сообразно с божественным откровением и
всеславным словом [Корана]: “Если станете
перечислять благодеяния Аллаха, то вам их не
перечислить. Поистине Аллах — прощающий,
милосердный!” ⁵⁵, божественная милость,
проявляемая по отношению тварей мира и особенно
высокодостойных монархов, превышает того, что дает
подсчет капель в море. Бесконечные дары [Аллаха]
всем мусульманам, особенно и преимущественно

[мусульманам] страны правосудия и милостей [империи Тимура], больше того, что получилось бы от исчисления [количества] ничтожных пылинок в солнечных лучах. За обилие того дара, который ниспосылается изо дня в день в сад надежд счастливого монарха из бескрайнего моря божественной милости, каким языком можно выразить признательность? Каждую сочащуюся каплю дара, вовремя' капающую из благотворного и благодетельного облака владыки величия на ветви желания [второго] Александра [нашей] эпохи и [нашего] времени, в каких фразах можно объяснить?

О ты, призирающий людей и творец тварей мира, по твоей благодати и милости корабли надежд людей [истинной] веры, **[135]** [благополучно] пройдя чрез опасные волны и полные страха пучины, достигают берегов спасения. От совершенства твоего могущества [происходит то], что безопасные суда сбившихся с пути людей, от сильного ветра [твоего] гнева сокрушившись и рассеявшись, погружаются в пучину кровавого моря невзгод и несчастий.

Стихи

Голова, которая тобою высоко поднимается в
осуществлении своих желаний,
Не может быть ниспровергнута человеком.
Того, кого постигает твой гнев,
Не может удержать на ногах чье-либо мужество.

Из свидетельств и указаний этого предисловия
видно, что когда произошло взятие крепости Мирт и
уничтожение тамошних гебров, его величество в
среду, в последний день раби' ал-ахира ⁵⁶, отдал
приказ, чтобы принц /139/ Джахан-шах с войсками
левого и правого флангов направился к берегам
Ганга и, перешедши реку, произвел нападение [на
гебров] и начал с ними священную войну. Оставив
охрану обозов на ответственности эмира Шайх
Нураддина, [его величество] приказал ему
отправиться от берега реки Карасу. [Итак], знамена
завоевателя мира направились к берегам реки Ганга.
Расстояние между крепостью Мирт и рекою Гангом
было в четырнадцать курухов. На середине пути к
августейшему стремени присоединился принц
Сулайман-шах-бахадур. Высочайшая энергия

препоручила ему захватить арканом гнева [всех] гебров, бывших в том районе, и бросить их в сеть погибели. Пройдя шесть курухов пути, остановились в местности Мансура, где и переночевали.

Новолуние месяца джумади ал-авваля 801 года ⁵⁷ увидели в этом месте и утром, в четверг ⁵⁸, в первый день джумади ал-авваля, выступили оттуда. Море [царственного] кортежа, подобное океану, направилось к реке Гангу. С восходом солнца достигли местности Бируз-пур, прошли три куруха пути, чтобы разыскать, где возможна переправа /140/.

[Когда прошла четверть дня, и было] время султанского завтрака, подошли к переправе, но не было брода, чтобы переправиться всем сразу. Некоторые из рабов [его величества] переправились, сев на коней. Августейшее мнение было таково, **[136]** чтобы приказать тотчас же всем переправиться. Некоторые из безотлучно состоящих при особе его величества, [видя толь большую реку], погрузились в размышления и сталия раздумывать об опасности

реки, но искренняя преданность его величеству, бескорыстное отношение к нему и устремленность [к нему всех] намерений продиктовали им следующие стихи.

Стихи

Куда ступит его нога, мы там готовы положить свои головы;
По его приказанию мы готовы возложить на головы венцы.
Если [даже] огонь и вода истребят нас,
Наша мысль не отвернется от его повеления.

Хвала всевышнему Аллаху! Присутствовавшие эмиры доложили, что принцы Пир Мухаммад-бахадур и Сулайман-шах-бахадур на правом фланге перешли через реку, и если бы ми-роукрашительная мысль [его величества] признала справедливым остановиться, то можно было обсудить [положение]. Его величество согласился с такими словами и те, которые погрузились в морскую пучину размышления, остались довольны /141/. Последовал [высочайший] приказ, чтобы некоторые бахадурь вроде Сайид Хваджа, сына Шайх' Али-бахадурь, Джахан Малика, сына Малкита ⁵⁹ и других храбрецов

тоже переправились через Ганг. Его величество направился вперед и остановился на берегу реки...

Стих

Подобно луне, остановившейся в знаке зодиака.

В пятницу ⁶⁰ второго числа джумади ал-авваля [его величество], выступив от берегов Ганга, направился в Туглукпур, лежащий в верхнем течении Ганга. От этого места до цели, [поставленной себе его величеством], было двадцать курухов. Когда совершили пятнадцать курухов пути, получили сообщение, что ниже по Гангу собралось множество индусов. По августейшему приказанию эмиры туман'ов и таваджй вроде эмира Мубашшира, 'Али Султана “таваджи” и других эмиров воинских частей с пятью тысячами всадников отправились к этому месту. Августейшее направление неуклонно держалось Туглукпура. В середине дороги он [своею] августейшею особою, которой доставило огорчение упорство людей мира, и [своим] великим естеством, — которое да сохранит мудрость творца! — переменил дорогу вследствие того, что в его [137]

счастливой руке обнаружился некоторый источник
беспокойства и возникла боль.

Стихи

Да не постигнут тебя болезни, о источник лекарства!
Ни одна пылинка да не коснется тебя, о источник живой
воды!

Состоявшие при особе его величества занялись его
лечением. [В это время] доставили сведения, что
множество гебров, сев на сорок восемь судов, плывут
по реке [61](#). Эти сбившиеся с пути люди, которые не
пользовались благами истинной веры, полагали, что
они устоят в [своих] плавучих домах, основание
которых на воде, а благоустройство — на ветре [62](#),
разрушение же их зависит [лишь] от огня и земли.
Каждый из тех кораблей, ты бы сказал, является
обломком горы или огромным слоном, высунувшим
голову из вод Нила /142/.

Стихи

Когда слон спешит на поле боя,
Для него погонщик — ветер, а поле — вода.

Он бежит, как птица на крыльях,
Всю дорогу пресмыкаясь грудью, как змея.

Великие люди веры уподобили человеческую жизнь кораблю. Когда корабль плывет, сидящий на нем человек не знает о его ходе, так и у того, кто пребывает на этой временной остановке, в этом тленном дворце, жизнь с каждым мгновением тает, а [сам] он беспечен в этом отношении. Владыка правоверных 'Али — да будет им доволен Аллах! — сказал: “Люди суть путники; начало их пути — чрево матери; их столица и цель их [бытия] — будущая жизнь; время их жизни подобно расстоянию пути: каждый год, который они проводят, подобен станции, где они останавливаются; каждый месяц похож на один фарсанг, каждый день подобен дорожному знаку ⁶³ и каждое дыхание подобно шагу, который они делают; они идут к смерти. Их движение такое же, как движение едущего на судне беспечного человека, который влеком [неизвестно] откуда и куда”.

Как только его величество, счастливый монарх,
узнал об этом [о приближении индусов на судах], он
направился к реке [138] с рабами из своей свиты и с
тысячью всадников из победоносного войска,
которые были с ним в этом месте. От пробудившей
его благородной жадности и страсти вступить [с
неверными] в войну за веру болезненное состояние
[его величества] исчезло, и от него не осталось
никакого следа. Как море, рассыпающее
царственный жемчуг, он достиг до берега реки. Лицо
реки, стыдясь его прещедрой длани, покрылось
испариной и от конфуза перед морем [его]
благодеений погрузилось в пот /143/.

Стихи

Говорят, ветер извлекает воду из рек
И потом при помощи облаков разбрасывает [ее] по миру.
И это не басня, это именно так и есть,
Подобно тому, как, стыдясь твоей длани, реки покрываются
потом.

Когда подошли к берегу реки, встретившись лицом к
лицу с врагами веры, некоторые из солдат

победоносного войска, не обращая внимания,
бросились в воду и, подобно крокодилам, ударяя по
воде той глубокой реки, поплыли, как рыбы,
направляясь к [неприятельским] воинам. Некоторые
на воде вступили в бой, некоторые зажгли огонь
войны на берегу реки и стали обстреливать [индусов]
стрелами. Ложно-мыслящие гебры, подобно
сильному и наступающему огню, быстрые, как
бурлящие потоки воды, уподобившиеся по
движению легкому и быстрому ветру, а по действию
— лавине тяжелой земли, начали оказывать
сопротивление. Закрывая лица щитами, они разили
стрелами. Слуги его величества, захватив
большинство судов, большую часть находившихся на
них гебров ударами сабель отправили в небытие, а
жен и детей захватили, как добычу. Рабы из личной
охраны его величества взобрались на те корабли, и
глашатай счастья провозгласил такое радостное
известие:

Стихи

Ты взойди на корабль и не задерживайся ради прославления
бога,
Ибо сам дух святой говорит: “Во имя Аллаха, время ему
идти!”

Противники веры Мухаммада — да починут на нем
наилучшие благословения и наисовершеннейшие
приветствия! — на середине реки связали вместе
десять оставшихся у них судов и начали битву /144/.
Обе стороны, подобно волнам темно-серого моря,
набросились друг на друга. При [виде] [139]
разбушевавшегося моря битвы вздымались от
волнения груди отважных и мужественных воинов.

Стихи

Вдруг он привел в волнение море [битвы],
И глубоко проник в него воинский клич.
Подобно бурлящему морю, заходила [битва] волнами,
Да так, что их всплески достигли предела.

С помощью всевышнего творца истребили всех
[врагов] стрелами и ударами сабель. Приятный ветер,
удобный случай и зефир победы и торжества начали
реять над могущественными, как небо, знаменами

[покорителя вселенной]. Нераскаянные грешники гебры, место которых должно быть в [вечном] огне, нашли свет очей [своего] желания в водах [реки], а сама вода была такова, что она вошла в их глаза, [так что] счастье отвернулось [от них], иначе какой умный человек вычерпал бы решетом воду! [Кто бы мог без этих сопутствующих чудесных и благоприятных обстоятельств одержать такую великую на воде победу?]. Пришел их день несчастья, и какой мудрец поверил бы, что вода заберет их!

Стихи

Если бы рыбы были из гранита,
Все же они были бы добычей крокодилов.
Из бумаги не следует делать щита
И затем бросать его в воду. **[140]**

[ГЛАВА]

О СВЯЩЕННОЙ ВОЙНЕ, КОТОРАЯ ПРОИЗОШЛА СО СБОРИЩЕМ ГЕБРОВ В ОДИН ИЗ ДНЕЙ

Сказал Аллах всевышний: “Подлинно союзники Аллаха суть победители” ⁶⁴. Смысл [этих] чудодейственных слов тот, что всевышний творец, от повелений которого зависит порядок на территории, [занятой] тварями, и прочность действий последних соединена узами его [непреложных] обещаний, специально преподавал господам страны веры стихи победы и счастья, знаки благополучия и благоденствия и ограничил осязательные признаки победы помощи, одоления и торжества [над врагами] лишь следующим по стопам велений господа миров /145/. Божественный закон таков, что каждый удостоенный божественной помощи, прилагающий усилия к возвышению веры ислама и ниспровержению основания неверия и многобожия, торжествует победу над сторонниками сатаны и достоин называться союзником Аллаха. Всякая тварь, которая лишилась познания [высшей] истины и правильного образа действий [в вере и жизни], погружается в русло потока заблуждения и становится побежденною и несчастною.

Стихи

Одному он дает с высоты небесного свода высокое
достоинство.

Другого низводит с высоты Сатурна в [глубокий] колодец.

Он делает светозарным сердце, как светильник,

А другому налагает на сердце клеймо болезни. **[141]**

Согласно этому речению и в соответствии с этим
положением произошло то, что когда его величество
завершил борьбу за веру с обладателями кораблей,
что имело место на реке Ганг, он тотчас же от
берегов этой реки выступил в поход, направив [свои]
победоносные знамена к местности Туглукпур, где и
соизволил остановиться. В этом месте в ночь я
воскресенье третьего числа месяца джумади ал-
авваля ⁶⁵, когда от ночи осталось два данг'а ⁶⁶, от
бывших в карауле эмира Аллахдада, Байазид
Куджина и Алтун-бахши явились два человека и
доложили [высочайшему] величию, что они нашли
хорошую переправу и переправились через реку
Ганг. На той стороне собрались многочисленный
отряд и толпы народа, готовые к бою. Их
предводитель — царь по имени Мубарак-хан — /146/
вполне подготовился к войне. Его величество в эту

же ночь на рассвете, в ту пору, когда начинает дуть зефир божественной милости, приказал бить в большой царский барабан, в полковые барабаны и трубить в трубы, возвещая этим выступление в поход, так что от ужаса этих грозных звуков желчные пузыри врагов превращались в воду. Гром [барабанов и труб] достигал до предельных высот атмосферы, и от страха перед ним она закладывала уши ватой облаков. Благодаря зажженным факелам темная ночь сделалась, как светлый день. Его величество перед утром с тысячью личных своих всадников переправился через реку Ганг. Пройдя один курух пути, он совершил утреннюю молитву. Все войска, одев боевые доспехи, отправились [дальше] с намерением вступить в священную войну с неверными. [Наконец] приблизились к неприятельскому войску. Мубарак-хан стоял с десятитысячным отрядом кавалерии и пехоты с барабанами и знаменами ⁶⁷.

Стихи

Голова и венец возбуждены претензией [на совершение
великого подвига],

Будучи окрашены в цвет чести.

В светозарное сердце его величества, которое
является разведывателем мира тайн, запало [такое
соображение]: “Число индусов-гебров большое, а
наше войско малое; войска же правого и левого
флангов мы разослали по разным направлениям /147/
и сторонам, и они очень далеко находятся.

Поправить это положение вне пределов возможного,
исключая одного — всецело положиться на милость
и помощь всевышнего [142] и всесвятого владыки
мира и искать спасения у чертога могущества”.

Тотчас же всеславная и всевышняя истина по
[своему] совершенному могуществу [отозвалась на
это и] оказала свою помощь [счастливому монарху].

Те пять тысяч всадников, которые перед этим были
посланы в разные стороны, теперь прибыли, как
будто это было условлено, и присоединились к
августейшему кортежу.

Стихи

Все, что хочешь, ты проси у него, потому что, кроме него, [Никто] не развяжет узла трудностей.

Это совпадение является одним из благосклонных чудес и дивных дел премудрого промыслителя и всемилостивого попечителя о своих рабах — да светится имя его и да следуют непрерывно его благодеяния! [Его величество] сообразно [всей] возможности воздал хвалу и благодарность [творцу за его] божественные милости. Вместе с этим последовал приказ, чтобы эмир Шах Малик и эмир Аллахдад с тысячью отборных его величества всадников понеслись на неприятелей, не обращая ни на что внимания. [Сам] его величество с немногими всадниками встал в центре [своего] войска.

Немедленно бойцы поля брани /148/ достигли индусов-гебров. Страх, ужас, трепет и смятение овладели этими злополучными, и они, боясь исламского войска, отвратили лицо от битвы и обратились в бегство. В крайней поспешности и растерянности они не отличали поводыев от всадника, ни подъемов, ни спусков. Как речные птицы, страшащиеся ярости царственного сокола,

они предоставили свои спины поражению и, подобно собакам, укрылись в джунглях. Победоносное войско, преследуя их, многих из этих неверных изрубило мечом, а жен и детей их забрало в плен. Милости господнего деяния и божественная помощь . [таким образом] соединились с эпохой победоносной державы [его величества], и оба ангела ⁶⁸, сидящие на плечах человека [кирам ал-катибайн], вписали в диван деяний государя, воителя за веру, бесчисленную награду [ему] за эту священную войну. Солдаты захватили огромную добычу, в которую входили бесчисленные стада коров, не поддающиеся никакому учету.

Знамена завоевателя мира оставались [после этого] на месте боя один час. В это время пришло известие, что у подножия горы Куйла ⁶⁹ на берегу реки Ганга собралось много гебров. Отсюда /149/ приблизительно с пятьюстами всадников [его **[143]** величество] отправился к Куйла, остальное же войско занялось захватом добычи. Когда, сделав один курух пути, [его величество] достиг той горной долины, оказалось, что врагов веры было множество.

Однако, несмотря на малочисленность [бывших при нем] сподвижников, [такие] эмиры [его] войска, как шах Малик и 'Али Султан “таваджи”, бросились на неверных и завязали с ними битву. Они хорошо ее начали и проявили храбрость и отвагу. В конце концов истребили индусов индийскими мечами и захватили большую добычу. Эта битва за веру тоже присоединилась к другим битвам [его величества] за веру и послужила причиною [еще большего] возвеличения [его] достоинств и увеличения [его] богоугодных дел. В этом месте солдаты захватили добычу. Под августейшим стягом было не больше сотни всадников. Вдруг один гебр, по имени Малик Шиха, с сотнею всадников и полусотней пехотинцев, подобно обрешшим себя на смерть добровольцам ⁷⁰, с обнаженными саблями бросились на августейший кортеж. Его величество направил своего объезжающего мир скакуна на этого гебра и приблизился к нему на расстояние полета стрелы. Некто [из воинов его величества], погнавшийся в целях разведки, вернулся [в этот момент] /150/ и по незнанию доложил, что это Шихэ Куку ⁷¹ из числа

рабов и слуг его величества, который находится среди победоносного войска. По этой причине [его величество] отъехал к горе. Шиха-гебр [в это время] сразил саблей некоторых из рабов [его величества]. Когда [убежище вселенной] воочию увидел это, он опять направил своего коня на этого врага и его, могучего гебра, отличавшегося необычайной тучностью, поразил стрелой в живот и саблей в голову и сбросил с коня. Когда гебр оказался на земле, ему привязали на шею веревку и потащили к августейшему стремени. [Его величество] спросил о его состоянии, он ответил и тут же испустил дух.

В тот же час доставили известие, что большое сборище и скопление индусов-гебров собралось в ущелье Куйла на расстоянии двух курухов отсюда. На этом же пространстве находился густой лес с тесно сплетенными ветвями деревьев. Хотя в тот день произошли две битвы за веру и великие усилия были совершены августейшей личностью [счастливого монарха], — да будет он всегда в поле зрения господ мира! — да и место [здесь] было такое, что он мог бы позволить себе под дуновением

тихого зефира отдохнуть [хотя бы] один час и немного привести себя в порядок после сильного ветра [144] многих трудов и преодолений препятствий, встретившихся в [его] священных войнах за веру, однако, услышав упомянутое известие, счастливый монарх всем своим благородным существом загорелся огнем ревности к битве за веру и предпочел обретение вечного счастья покою и отдохновению, потребовав себе отдыха в тяжести [нового сражения] и сделав свое бесподобное существо мишенью [новых] забот и трудов /151/.

Стихи

Когда баре захочет охотиться,
Он вытягивается, утончая свое тело.
Мудрому [даже] время холодного [месяца] дея ²²
Повествует о пленительной весне.

Тотчас [его величество] с группой лиц своей свиты и с несколькими эмирами войска, бывшими в передних рядах, сели на коней. Так как по пути лесные чащи были столь трудно проходимы, что легкий, как ветер,

Бурак не мог бы следовать среди них и сильный пронзительный ветер не легко проходил через их тесно сплетенные ветви, да и индусов было много, а победоносного войска мало, то [его величество] попросил помощи и победы у всеславной и всевышней истины, которая из мрака боя дарует свет очей счастья. В великий ум [счастливого монарха!, воспринимающий образы потустороннего мира, запало следующее: “Если в это [самое] время подойдут [сюда] мои дети Пир Мухаммад-бахадур и Сулайман-шах-бахадур, то, [значит], недалеко [ко мне] милость всевышнего и всесвятого господа-питателя”. Дело в том, что за три дня перед этим [его величество] послал их в набег в отдаленные районы и не было никакой надежды на то, чтобы они прибыли в это место. Это было невозможно, ввиду того что они уже переправились через реку и не были уверены в том, что знамена убежища мира с этого берега реки станут переправляться [на противоположную сторону].

В это воскресенье, ко времени молитвы намаз-и дигар [между полуднем и закатом солнца]

соответственно желанию неусыпного ума и блистательного, как солнце, сердца [его величества] они достигли августейшего кортежа. Это тоже было чудо из чудес, [изливаемых] милостью господ-питателя на достоинство государя времени и счастливого монарха эпохи, благодаря которому он мог напасть на гебров. Вступив с ним в бой, они большинство этого народа истребили и отправили в небытие. Огромная добыча попала в руки слуг [его величества], **[145]** в числе ее было столько верблюдов и коров, что счетовод воображения оказался бы слаб исчислить их. Так как наступала ночная пора, в которую от тяжелых, как дым, вздохов влюбленных мировые просторы оглашаются стенаниями и цвет времени, подобно письму бунтовщика и лицу гебра-индуса, становится черным, [когда] лесные чащи [особенно] непроходимы да и место это таково, чтобы здесь остановиться, то окончание этого повествования откладывается до другого дня. [Победоносное войско] возвратилось на стоянку второго похода на неверных, отягченное огромной добычей, и там

расположилось [на отдых]. Счастье — в месте, соответствующем [достоинству] обитающего в нем; вращение вселенной — в остановке повиновения и покорности. Аллах же ведет правильным путем в рай блаженной жизни! В один день произошли три битвы за веру, подобные которым редко случаются и похожие на них меньше [всего] бывают.

Преуспеванием этих сражений за веру, за сунну, за веления божественного закона /152/ и за религию увеличили блеск и свежесть [этих установлений]. Счастливая десница [государя] на посту [этой] священной войны послужила для государей мира доказательством почитания истины и сокрушения лжи, стерла с поверхности зеркала времени кровожадным кинжалом осевшую пыль неверия и ереси, прах многобожия и развращения и навсегда утвердила доброе имя [государя] и прекрасное сказание [о всем этом] до последних пределов человеческой жизни. Молва о священных войнах хакана, воителя за веру в обитаемой части мира уподобилась облаку, источающему [живительную] влагу, и ветру, навевающему [прохладу] до пределов

небесного круга и окончания сферы звезд ⁷³. Да
пребудет же в областях востока и запада аромат
благих дел в мироукрашенных рассказах о
[подвигах] счастливого монарха и да будет [ему] все
необходимое для предопределенной победы и
счастья и все готовое из сокровищницы милостей
всевечного!

Стихи

Да будет вечно у тебя покровителем господь,
[Да будут] по твоему желанию вращаться солнце и луна!
Да будет доволен тобою творец мира,
Да будут тела злоумышленников полны смрада!
Да будет всегда твоим покровителем владыка вселенной,
Да будет опрокинут наголову твой враг! **[146]**

“Хвала господе, владыке миров!” ⁷⁴ “Конец — для
[блага] праведных!” ⁷⁵. Молитвы и благословения да
почиют на господине посланников и печати
пророков, над семейством его и над его потомством!

Комментарии

1 Коран, 15 (21).

2 Начиная с этой главы до сего места (стр. 105 — 106) приведено извлечение из упомянутой выше рукописи Британского музея.

3 11 декабря 1398 г.

4 13 декабря 1398 г.

5 Начиная свыше приведенных слов: “Кому нужен свет солнца счастья” и т. д. и до сего места, дается параллельный текст из рукописи Британского музея.

6 Начиная со слов “В тот же день принцы и эмиры ...” и до сего места включительно, в тексте (стр. 109 — 110) приведены параллельные извлечения из рукописи Британского музея.

7 Коран, 41 (42), перевод Саблукова.

8 Коран, 10 (25), перевод Саблукова.

9 Коран, 16(77).

10 Коран, 39 (22), перевод Саблукова.

11 15 декабря 1398 г.

12 17 декабря 1398 г.

13 Параллельно этому тексту, начиная со слов “Его величество после утренней молитвы” и т. д. (стр. 111 — 115), приведено такого же содержания извлечение из рукописи Британского музея. В конце приводятся слова, что при виде огромных боевых слонов у Тимуровой армии “сердца замирали, исчезало присутствие духа, лошади в страхе шарахались в сторону и воины не могли поэтому приблизиться к слонам”.

14 Букв. 'великий господин'.

15 У мусульманских историков со словом Харман (***) связано представление о сильной крепости на границе Египта.

16 Коран, 105 (1).

17 Начиная со слов “В тот час его величество. . .” и до этого места (стр. 115 — 119), приведено параллельное извлечение из рукописи Низамаддина Шами аналогичного содержания.

18 В тексте ***. Имеется в виду монгольский Баракхан, правивший в Джагатаевом улусе с 664/1266 по 670/1272 г.

19 Параллельно тексту от слов “Он доложил и другое” и т. д. до сего места (стр. 120 — 121) дано извлечение такого же содержания из рукописи Британского музея.

20 Коран, 38 (29).

21 Букв.: 'Окраиной привилегированного водоема'.

22 Т. е. когда солнечный свет сменился тьмою. Мил — палочка, которою сурьмят брови.

23 18 декабря 1398 г.

24 Т. е. на пригородной территории, где в дни больших мусульманских праздников совершаются общественные моления.

25 Т. е. заместителем.

26 В тексте ***

27 Т. е. султаны делейские из династии Телукидов — Фируз-шах (752/1351 — 793/1388) и его преемники, среди которых был и упоминаемый адееь Махмуд-шах II, вступивший на престол в 795/1393 г.

28 Коран, 2 (248).

29 По-видимому, в тексте ошибка и вместо *** надо читать ***, т. е. 'ясномыслящие личные секретари' (а не 'старцы').

30 26 декабря 1398 г.

31 Коран, 13 (12).

32 27 декабря 1398 г.

33 29 декабря 1398 г.

34 Начиная со слов “Когда утро безопасности” и т. д. до этих слов включительно, в тексте (стр. 125 — 128) приведено параллельное извлечение из рукописи Британского музея.

35 1 января 1399 г.

36 Коран, 61 (13).

37 Коран, 3 (168).

38 Коран, 3 (25).

39 В тексте ***

40 В тексте ***

41 О них см.: *А. А. Семенов*, Происхождение термезских сейидов и их древней усыпальницы Султан-Садат (“Протоколы заседаний и сообщений членов Туркестанского кружка любителей археологии”, год XIX, Ташкент, 1914, стр. 15).

42 В тексте ***.

43 Параллельно, начиная со слов “Его величество [уже] пятнадцать дней” и т. д. (стр. 129) и до этих слов включительно (стр. 132), в тексте приведено извлечение из рукописи Британского музея.

44 Букв. 'обладатель счастливого сочетания звезд'. — *Ред.*

45 2 января 1399 г.

46 В тексте *** — *Ред.*

47 Букв. Сад идола.

48 5 января 1399 г.

49 Против этого абзаца (стр. 132 — 133 текста) дается параллельный текст такого же содержания.

50 Имеется в виду хан Джагатаева улуса Тармаширин, правивший с 722/1322 г. по 730/1330 г.

51 Вечерняя молитва.

52 В тексте *** старинном среднеазиатском тюркском языке термин 'курчи' имел следующие значения: 'приближенный', 'сверстник', 'оруженосец'. В эпоху Тимура так назывался корпус солдат-хлебопашцев, оберегавших засеянные ими поля (см. *Л. Будагов*, "Сравнительный словарь турецко-татарских наречий", т. II, СПб., 1871, стр. 73, под словом ***. Здесь, по-видимому, ни одно из этих значений не подходит, и я перевел слово 'курчи' как 'конвойный', 'состоящий в конвое'.

53 Параллельно с самого начала этой главы до сего места дано извлечение (стр. 133-135) из рукописи Британского музея.

54 В тексте ошибочно написано *** вместо ***, т.е. обращение к сыну.

55 Коран, 16 (18).

56 Последний день раби' ал-ахира 801 г. (8 января 1399 г.) приходится на среду, а не на четверг, как указано в тексте. (См. Синхронические таблицы для перевода исторических дат по хиджре на европейское летосчисление, Государственный Эрмитаж, Л., 1940), — Ред.

57 9 января 1399 г. — Ред.

58 В тексте ошибочно 'в пятницу'. — Ред.

59 В тексте ***.

60 В тексте ошибочно 'в субботу'. — Ред.

61 Параллельно тексту, начинающемуся словами “Из свидетельств и указаний этого предисловия” и т. д.

(стр. 138) и до этого места, приведено извлечение такого же содержания из указанного труда Низамаддина Шами.

62 Т. е. существование и движение которых зависит от воды и ветра, дующего в паруса судов.

63 В тексте ***

64 Коран, 5 (61).

65 11 января 1399 г. — *Ред.*

66 Данг — шестая часть чего-либо.

67 В тексте 'с барабаном и знаменем'.

68 В тексте ***, т. е. два ангела, сидящие, по представлению мусульман, на плечах человека и записывающие все его добрые дела. — *Ред.*

69 В тексте ***.

70 В тексте ***.

71 В тексте ***.

72 Дей — название 10 месяца (22 декабря — 20 января) мусульманского солнечного года. — *Ред.*

73 Со слов “Согласно этому речению” и т. д. до сего места в тексте (стр. 145 — 152) приведено параллельное извлечение из рукописи Британского музея.

74 Коран, 6 (45) и 37 (182).

75 Коран, 7 (125) и 28 (83).

[ГЛАВА]

ОБ ИСТРЕБЛЕНИИ ГЕБРОВ, БЫВШИХ В ГОРНОЙ ДОЛИНЕ КУЙЛА ¹, О КАМНЕ В ВИДЕ КОРОВЫ, КОТОРЫЙ СЛУЖИТ ПРЕДМЕТОМ ПОКЛОНЕНИЯ НЕВЕРНЫХ И ПАЛОМНИЧЕСТВА БЕЗНРАВСТВЕННЫХ ИНДУСОВ

В воскресенье четвертого числа [джумади ал-авваля] ² солнце августейшего знамени опять возшло над горизонтом выступления в поход [счастливого монарха]. Подобное звездам войско, пришедши в

движение, направилось к горной долине Куйла, где большая толпа индусов-гебров /153/ была еще в живых и у них оставалось множество имущества, состоящего из скота и движимости. Так как всеславный и всевышний творец пожелал, чтобы предопределенное им закончилось всеобщим [их] истреблением, а они уповали на свою многочисленность и в том месте задержались, то в пору, когда корабль солнца поплыл по голубому небу, а месяц высоко развевающегося значка поднял парус отправления от берега востока, до небес горделиво возвышающиеся знамена [его величества] в боевом порядке подошли к упомянутой долине. На правом фланге — принцы Пир Мухаммад-бахадур и Сулайман-шах-бахадур, на левом — некоторые из эмиров, а перед центром армии — эмир Шах Малик и все эмиры передовых частей, тыла, центра [148] и флангов, соблюдая боевое равнение, отправились [в долину] Звуки большого царского барабана, рокот войсковых барабанов и [звуки] труб огласили горы и [их] окрестности. Здесь же раздавалось пение исповедующими единобожие формулы: “Нет

божества, кроме Аллаха!"; громкое провозглашение бойцами за веру: "Аллах велик!" — заставляло сжиматься сердце страшного льва и могучего слона. Солдаты громко кричали, и от всего этого мужество гебров превратилось в воду. У неверных при виде такого, что было подобием дня страшного суда, не осталось ни терпения, ни мощи [сопротивляться] /154/. Они не имели силы устоять [против победоносного войска] и вцепились рукою за подол бегства [от него]. Они бежали в горы. Воины [счастливого монарха], преследуя их, заставляли блестящими мечами течь кровь из черных облаков [из смуглых тел индусов]; сверкающими кинжалами они срезали с тел головы гебров и молодые деревца вражеского существования подрубали на лугу жизни ³ таким образом, что из агатового рудника полилась яхонтовая река. Остались [в живых] лишь немногие, которые из страха перед ударами армии [его величества] стали бездомными скитальцами. Ужас перед ударами [победоносного] войска таков, как тот "величайший страх" ⁴, который будет в день, когда настанет утро всеобщего воскресения, [когда]

расстелят ковер пышности и величия и царственный шатер разобьют в равнине могущества, [как сказано в Коране]: “Кому в этот день будет принадлежать власть? Аллаху единому и всемогущему” ⁵; [когда] эти семь высших небес, сохраняемых в тонкой атмосфере без единой опоры [лишь] могуществом творца, развернутся и опять сомкнутся, как [говорится в Коране]: “Когда небо разверзнется” ⁶; [когда] эти семь рядов земли, запечатленных [в предвечном слове]: “В тот день, когда заменится земля другою землею” ⁷, вытянутся, распадутся на мельчайшие частицы и развеются ветром [единственного], ни в чем не нуждающегося; как [говорится в Коране]: [когда] “земля раскрошится на мелкие части” ⁸; [когда] это движущееся солнце, которое есть светильник мира и указатель времени и места, померкнув, совется и вернется в небытие, как [это выражено в Коране]: “Когда **[149]** солнце обовьется мраком” ⁹; [когда] эти светящиеся звезды, из коих каждая представляет собою обширную земную поверхность, спадут вниз [по коранскому слову]: “Когда звезды рассеются” ¹⁰. День, что за

день! Гвоздем молчания забиты уста, печать
уничтожения наложена на губы, земля униженности
покрыла лицо, громкий крик поднялся отовсюду, и
все покрылось воплем: “О языки говорящие, вы
замолкли! О молчаливые руки и ноги, вы [зато]
говорите! О купцы пути, ведущего к будущей жизни,
выложите свои капиталы! О вы, мятущиеся
грешники, прочтите перечни ваших дел!” В тот день
не будет ни одного покровителя, кроме благоволения
и милости творца, да будет он велик и превознесен!
О господи, в месте страшного суда, оказав помощь
всем мусульманам, введи их в горний рай /155/,
прости грехи наши и по своему милосердию, по
предстательству вождя тварей и сущности [всего]
существующего, [Мухаммада], не сделай [нас]
бездольными!

Стихи

Я [пораженный] вижу тебя во всем том, что вижу с первого [дня своего бытия],
Ибо око разума померкло перед твоим деянием.
Если бы ты не поднял моей головы с праха пути,
Я пошел бы и привел ходатаем [за себя] избранника [Мухаммада].

Так как заполучили в качестве добычи множество скота и разных вещей и очистили ту область и прилегающие к ней районы от мерзости бытия многобожников, то в тот же день вернулись обратно, переправившись через реку Ганг. На берегу ее совершили полуденную молитву, воздав благодарение тому, кто дарует, не требуя признательности, — да будет он прославлен и возвеличен! Ни одно творение из [числа] высокодостоянных государей, великих пророков, могучих ангелов, кои одним взмахом крыльев сокрушают вселенную и одним нападением с корнем вырывают целый мир, и других рабов не чуждо необходимости воздать благодарность [творцу] за [его] божественные милости!

Стихи

И если бы не нуждался в благодарности благородный,
То поистине [это было бы] достойно [его] славы, почета или величия,
Ибо заповедал Аллах рабам [своим] относительно благодарности

В словах: “Благодарите меня, о люди и гении!” [11](#). [150]

По совершении на берегу этой реки поклонения
владыке величия тотчас же выступили [отсюда] и,

пройдя пять курухов пути, спустились вниз по течению реки Ганга /156/. Так как горная долина Куйла, бывшая местом сражения за веру и районом священной войны, оканчивается, то следует пояснить некие странные представления и одно удивительное деяние, [имевшие место в этой долине].

Эта долина открывается со склона одной горы, откуда течет река Ганг. На пятнадцать курухов выше этого есть место с камнем, имеющим форму коровы; воды реки выходят из-под этого камня. Сбившиеся с пути индусы так почитают этот камень, что идут в эту долину, совершая путь в течение года, из отдаленных стран и областей и ищут у этой каменной коровы снискание к себе расположения и благословения ¹². Попутно с этим уместно упомянуть о путях заблуждения [индусов], перечислив их в применении к поклонению [этой корове], чтобы широкая дорога к истине, которая есть единственный правильный путь, отделилась от этой [ложной] дороги. Дело в том, что сила постигающая, находящаяся в человеке, не переходит за четыре силы. Две [из них] сосредоточены в телах, к ним

относятся внешние чувства и внутренне; две силы духовного порядка — разум и предвидение. Люди мира в своей вере во что-либо, что они чтут, не превышают четырех групп. Одни установили предмет своего поклонения путем внешнего чувства, другие — путем внутреннего ощущения, третьи — на основании разума и четвертые — на основании пронизательности. Но из тех, которые обрели объект своего обожания путем внешних чувств, некоторые склонились к миру преходящих свойств и образов, а некоторые — к самой сущности [обожаемого предмета]. Те, что признают лишь преходящие свойства, говорят о свете и мраке, те же, которые принадлежат к признающим самое сущность, делятся на две группы — одна склонилась к неорганическим веществам, другая — к живописным. В свою очередь расположенные к неорганическим веществам подразделяются на две категории, одну составляют те, которые почитают высокие [небесные] сущности — они поклоняются звездам, а к другой относятся почитающие низшие сущности. Эти две категории тоже подразделяются на две группы, к одной

относятся те, которые сделали предметом своего поклонения тело естественного происхождения, это поклонники огня, к другой принадлежат почитающие тело **[151]** искусственного происхождения, это идолопоклонники. Из тех, которые склонились к [обожанию] животных, некоторые обоготворили человека, вроде христиан и шиитских ученых, [обоготворяющих Алия], а некоторые — животное, вроде чтущих теленка. Короче говоря, эти поклонники камня относятся ко всем трем злополучным категориям, потому что, почитая камень, они суть идолопоклонники. Но так как эту каменную фигуру не они сами изваяли, она естественного происхождения, они приравниваются к огнепоклонникам, а так как камень имеет вид коровы, они — то же, что и поклонники теленка. О боже, по милости раба и возлюбленного /157/ своего, — да будет ему мир! — чтобы он руководил действиями людей, устрани из мира проявления заблуждения и ереси!

Стихи

Сожги книги поклоняющихся небесным светилам,
Выколи глаза поклоняющихся солнцу!
Помраченных просвети светом до [самых их] глубин,
Отдали чтущих существо вещей от случайного,
Дабы они исповедали тебя божеством
И засвидетельствовали бы свою ничтожность!

Что касается тех, которые нашли предмет своего поклонения путем внутреннего ощущения, то они вообразили, что по-клоняемое заключается в реальном представлении [о нем]; эти суть муджассама и мушаббаха ¹³. Те же, которые обрели предмет поклонения путем разума, отвергли его качества, эти суть философы, мутазилиты и джахимиты ¹⁴. Всевышний же творец чист от [познания его] чувствами, ощущениями, мыслью, разумом и от всего, постигаемого умом и порождаемого фантазией.

Стихи

Он чист от всего, что сказали [о нем] неразумные,
И более чист от того, что сказали о нем умные.

Те же, которые искали всепрославленного творца путем провидения, принадлежат к одной категории и между ними нет никакого разногласия. Разница в степенях [познания божества] у этой святой группы

людей стоит лишь в **[152]** зависимости от
[субъективной] проницательности [или провидения
каждого индивида]. Все, что они узрели из всего
сделанного [в мире], — они познали [самого]
древнего делателя и премудрого творца.

Стихи

Кто возжег это сверкающее движение миров,
Кто возвысил этот мстительный купол неба,
Зажегши в нем факелы от звезд
И прикрепивши их гвоздем [своеого] могущества?
Кто вложил огонь в сердце камня
И кто заставил течь источник из отверстия гранита?
Кто создал образ [человека] из воды и глины?
Кто управляет ветром?
Кто положил в гранит рудники [металлов и минералов]?
Кто дал разные блага стебелькам и веточкам?
Кто создал из крови мускус в пупке серны?
Кто сделал целительным бальзамом клейкость мухи?
Только правосудный владыка чистый господь,
Велениям которого [покорно все] от рыбы до Арктура ¹⁵/158/. **[153]**

[ГЛАВА] О ПРОИСШЕСТВИИ У ГОРЫ

СУАЛИК ¹⁶

Дальновидные люди воочию увидели в зеркало
опытности пользу и плоды движения и перемещения.
Люди умные и проницательные лично убедились
благодаря большому опыту в благих результатах

принятия твердого решения и его осуществления.
Подобно [движению] луны, делом мудрым является совершение переходов днем и ночью, а привычкою счастливых баловней судьбы — пренебрежение [собственным] покоем и отдыхом.

Стихи

О друзья мои, если бы однажды не началось движения,
То никогда бы не появились оба светила [солнце и луна].

Целью [приведения] этих слов является то, что когда его величество покончил сражение за веру с гебрами в долине Куйла, он спустился вниз по Гангу и послал эмиров правого и левого флангов занять свои места в войске.

В понедельник ¹⁷ пятого числа месяца [джумади ал-авваля] ¹⁸ [его величество], выступив [в дальнейший] поход и направившись к обозу [армии], отправил [вперед] лиц, занимающихся устройством и порядком лагерей ¹⁹, чтобы они [154] подтянули обозы к центру расположения знамен султаната. Во вторник ²⁰ шестого числа [того же месяца] /159/, пройдя шесть курухов, сделали остановку. Между

этой остановкой и местом, где находились обозы, было четыре куруха пути. В его расположении [войска] пришло известие, что в ущельях горы Суалик, которую называют “один лак и данг” ²¹, собралось множество гебров и бесчисленное количество индусов. Снова [его величество], выступив [против неприятеля] в поход, приказал, чтобы победоносное войско, бывшее при обозе, отправилось к той горе. Августейшие знамена приняли твердое решение [и, двинувшись вперед], остановились в пяти курухах от горы Суалик. На этой остановке принц Халил Султан-бахадур и Эмир Шайх Нураддин-бахадур пришли из лагеря. Принц Сулайман-шах-бахадур и некоторые эмиры доложили [государю]: “Если его величество соизволил бы вернуться в лагерь и древо своей бесподобной личности погрузил в сон на берегу ручья спокойствия, то мы, рабы и слуги, сделаем набег на этих индусов!” На это последовал такой чисто царственный ответ: “На белизне глаза надо писать чернотой зрачка и рисовать жидким золотом”, — и добавил: “Ведение священной войны

несет двойную пользу: одна — прекрасное воздаяние [за это] в этом мире в виде славы, и другая — великая награда [в будущей жизни], и притом польза, существующая в настоящем и [осуществляемая] получением /160/ добычи. Так что вы здесь имеете в виду эти две пользы; у меня же энергия направлена на достижение прочного счастья для своих приближенных и [для получения] пользы в данный момент для тех бедняков из [нашего] войска, которые не имеют верховых животных и остались пешими. [Поэтому] мы хотим принести им пользу, ибо сочувствие горю подчиненных есть обычай справедливых государей, а милость по отношению [всех] господних тварей — один из обычаев беспристрастных царей”.

Стихи

Живи, о правосудный, потому что при солнце для страшного суда
Высшая истина бросит тень [своего покровительства] на правосудного государя.

В этот же день был отдан приказ, чтобы прибыл командующий левым флангом эмир Джахан-шах, за десять дней перед этим отправившийся в набег вверх

по реке Джаун ²², [155] “дабы мы все приняли участие в священной войне за веру” ²³. По высочайшему приказанию он [эмир Джахан-шах] направился к августейшему шатру.

В пятницу ²⁴ девятого джумади ал-авваля ²⁵ занялись военной операцией против горы Суалик. В этом ущелье находился один раджа по имени Бихруз, а в действительности Бадрузи ²⁶.

Стих

Наоборот наименовали негра — [белою] камфорою.

Он собрал множество народа и гордился [его] численностью и неприступностью горы. [Его величество] привел победоносное войско в боевой порядок; с правого фланга принцы Пир Мухаммад-бахадур и Джахан-шах-бахадур, с левого фланга и в центре Шах Нураддин и эмир Шах Малик двинулись в битву за веру. Его величество /161/, убежище халифского достоинства, расположился у входа в ущелье. От блеска высочайшего венца у всех сердца стали мужественными, а руки сильными. [Все] делали ножны [своим] мечам из мозга индусов и

поверхность земли поливали водою цвета бакана ²⁷.
[Скоро] с небесною помощью феникс победы и
одоления бросил тень [своих крыльев] на рабов
государства [его величества] и солнце счастья и
успеха показалось на челе сподвижников истины.
Они заплучили большую добычу и захватили
множество пленных. Его величество осмотрел
степень благосостояния слабых и впавших в
несчастье и отдал приказ, чтобы люди сильные по
положению, из коих каждый захватил по 300 — 400
коров, а некоторые и того больше, отдали бы их
слабым. Вследствие этого каждый воин — и конник,
и пехотинец — из малых и больших [по положению]
получил свою долю из добычи и никто не остался
обездоленным.

В ночь на субботу ²⁸, когда Джамшйд востока
отправился на горизонт запада, его величество
поместился в палатке принца мира, Пир Мухаммад-
бахадур, — да длится его время! По тому счастью,
коего удостоился этот принц /162/, его благородное
местопребывание озарилось блестящим, [156]
благословенным, августейшим, хаканским светом, а

голова его от [полноты] гордости [оказанною
честью] возвысилась до неба и языком факта сказала:

Стихи

Сегодня всякое рассыпание [даров в честь дорогого гостя], которое меньше, чем жизнь,
Недостойно величия сего порога.

Поутру в субботу ²⁹, когда индус, страж ночи, открыл
перед лицом атаки солнца дверцу востока,

Стихи

Когда блистающее солнце показало [свое] лицо,
Вращающаяся сфера открыла дверь сада,

его величество] соизволил выступить с этой
остановки и достиг высочайшего лагеря в местности
Бихра, находившейся в районз Бикрй, известного
[под именем] вилайат-и Майапур ³⁰. В воскресенье ³¹
одиннадцатого числа месяца [джумади ал-авваля] ³²,
выступив из Бихра, прошли четырнадцать курухов и
остановились в местности Шакк-и Сарсава ³³.
Вследствие большой добычи, доставшейся войску, и
[необходимости] тащить [ее за собою] двигались
медленно. Было трудно проходить ежедневно
больше четырех курухов. В понедельник ³⁴

двенадцатого числа [того же месяца] вышли оттуда и остановились в месте Кундур ³⁵. Расстояние [между этими пунктами] было около четырех курухов. Утром и вечером, в движении и покое, на каждой остановке и на каждом месте, да будет милость всеведующего владыки охранительницею и стражем величественной, как небесная сфера, личности [счастливого монарха], а тираническое небо и притеснитель-время да будут его покорными слугами и рабами по милости пророка [Мухаммада]! Да починут на нем молитвы и благословения! /163/. [157]

[ГЛАВА]

О СВЯЩЕННОЙ ВОЙНЕ В ДРУГОМ КРАЮ ГОРЫ СУАЛИК, КОТОРАЯ ПРОИСХОДИЛА В ТЕХ ЛЕСАХ, КОИ БОЛЕЕ НЕПРОХОДИМЫ, ЧЕМ ЛЕСА МАЗАНДЕРАНА

Во вторник ³⁶ тринадцатого числа месяца джумади ал-ула ³⁷, когда войско полудня бросилось из засады тьмы на площадь неба, знамена завоевателя мира пришли в движение и [его величество] переправился через реку Джаун ³⁸ и достиг другой стороны гор

Суалика. В тот же день до величественного слуха было доведено, что один из индийских раджей по имени Рин ³⁹, обратился с воззванием [к населению], набросив [на него] аркан возбуждения [против войск счастливого монарха, вследствие чего] под его знаменами собралось множество огнепоклонников и других индусов. Они стеклись из разных мест и сторон и нашли убежище в неприступных [здешних] горах и в непроходимых лесах. Горы же [были столь] высоки, что быстrokрылый сокол не пролетел бы через их вершины и луч зрения не достиг бы и подножия их высоты. Леса же были таковы, что от множества перепутавшихся между собою деревьев [ни один] луч солнца не падал на землю. Пеший с трудом мог пройти через эти чащи. По чрезмерной [своей] **[158]** укреплённости каждая гора представляла [своего рода] стену Александра [Македонского]. Эта беспредельная крепость */164/* была недоступна [даже] для сильного ветра. Как горы, так и леса [эти] по своей недоступности и [естественной] укреплённости превосходили горы и леса Мазандерана. Кроме, как вырубить деревья и

проложить дорогу через них, иначе невозможно было пройти. Его величество, счастливый монарх — да будет он поддерживаем божественной помощью! — вечером во вторник тринадцатого числа ⁴⁰ в целях открытия военных действий в столь опасной местности и в столь страшном лесу приказал: “Эмиры войсковых частей, зажегши факелы, войска, расположившись в порядке, вырубая деревья и прокладывая дорогу, проходите!” В эту ночь, когда серебристый сокол дня спрятался в гнездо мрака и черный ворон ночи подложил под свое крыло золотое яйцо неба, проложили дорогу на двенадцать курухов, каковую и прошли с быстротою, подобно ослепительной молнии и быстрому, пронзительному ветру.

В среду четырнадцатого числа ⁴¹, когда золотой образ солнца поднялся с сребровидного горизонта и поднял [свой] блестящий стяг над лазуревым куполом [неба], знамя покорителя вселенной достигло промежутка, образуемого двумя горами, Суалик и Кука /165/. Раджа Рин построил правый и левый фланги своего войска и со [всеми своими]

подчиненными и полками стал ожидать сражения, готовый вступить в битву. Когда же индусы издали увидели внушающее страх победоносное войско, когда они слышали грохот большого царского барабана, рокот малых барабанов, звуки боевых труб и рожков, все существо их потрясло до основания. От неустрашимости и силы государя земной поверхности, от страха и ужаса, внушаемых победоносным войском [нового] Фаридуна и Александра [Македонского], у них не стало силы и возможности противостоять [счастливому монарху]. Во всяком случае ничтожная пылинка не осмеливается противостоять солнцу. Не имеет силы стадо овец, чтобы сопротивляться льву. [Поэтому] индусы обратились в бегство, предпочитая путь поражения. Эмиры армии и [все] войско убежища победы со всех сторон насыщали муравьев своих сабель зернами сердец неверных ⁴² и обогащали острие мечей жемчужной стали жемчугом душ неверных ⁴³. Они повергли **[159]** этих злосчастных [своими] блестящими кинжалами во прах унижения, пустили их на ветер небытия, послав в адский огонь.

Столько попало слугам [его величества] молчащей и говорящей добычи, что она не поддавалась никакому учету! [Достаточно сказать, что] каждый из военных захватил по сто, по двести коров и по десяти, по двадцати пленников.

На правом фланге принцы Пир Мухаммад-бахадур и Сулайман-шах-бахадур сражались в другой долине и перебили множество индусов, [причем] в руки [их] войска попала огромная добыча. Они опять соединились в этой стороне [с войском его величества]. На левом фланге принц Джахан-шах-бахадур со своей стороны атаковал другую горную долину, но столько добычи в руки воинов не попало, чтобы она могла их удовлетворить. В ночь на пятницу войска правого и левого флангов собрались у августейшего кортежа убежища вселенной и сделали остановку между двумя горами.

Что касается неверных, то они, как мотыльки, сгорели на пламени блестящих мечей, и кровожадные палараки ⁴⁴ погасили огонь их жизни. Поток мести очистив землю индусов от мерзости

бытия неверных ⁴⁵ и разрушив сильным ветром [своей] ярости основание жизни [этих] несчастных /166/, его величество в пятницу шестнадцатого ⁴⁶ джумади ал-авваля снова вернулся из этой долины, находившейся между двумя горами, к горе Суалик. От этой остановки до области Никиркут ⁴⁷ было пятнадцать фарсангов. В этой долине были столь густые леса, что и передать невозможно. Они до такой степени делали горы неприступными, что самое пылкое воображение не могло представить этого, а фантазия художника не в состоянии была изобразить это на странице [самого] причудливого представления. Самонадеянные гебры и темные [по коже и вере] индусы в этих джунглях были в количестве большем, чем можно представить. [Несмотря на это, его величество] решил в столь опасном месте провести сражение за веру. Так как войска левого фланга под командою эмира Джаханшаха и хорасанское войско днем до этого никакой добычи не захватили, то [его величество] приказал им прежде других вступить в бой и атаковать неприятеля. В этот день в карауле был Сафа Тимур

48; он около полудня прибыл к кортежу [160] убежища вселенной и доложил, что толпы гебров и скопище индусов все больше увеличиваются. Его величество своею августейшею персоной /167/ встал и [лично] отправил в бой войска левого фланга и хорасанские [части], приказав им атаковать неприятеля. Круг [военных] действий охватил все до центра боя. Серпом ярости срезали с тел головы индусов и похищали у них жемчуг их жизни. Страница их бытия осталась запечатанною восковою печатью потери этого мира и будущей жизни. В руки [победоносного войска] попала огромная и неисчислимая добыча.

В тот же день, в полдень, пришло известие от Шайха Нураддина и 'Али Султана “таваджи”, что с правой стороны находится горная долина, в которой так много гебров, что и счесть невозможно; у них такое множество пастбищ и скота, которые не поддаются исчислению. Его величество тотчас повернул в ту сторону поводя своего быстрого скакуна, который соперничал по резвости с зефиром и с сильным холодным ветром, и отдал повеление, чтобы Шайх

Нураддин и 'Али Султан “таваджи” напали на этих гебров. Августейшие знамена поднялись над вершиною горы, чтобы счастье и благополучие присоединились к сражающимся за веру /168/ и чтобы победа и одоление, крепко затороченные у седла прочно существующего государства, охватили [все] положение воинов за веру.

Стихи

Куда бы ни направился твой кортеж,
Да сопутствуют ему помощь [Аллаха] и победа!

С той горы [его величество] смотрел, как свирепые львы чащи храбрости и всадники, предпочитающие [все] арену битвы, сбрасывали головы гебров [своими] кинжалами, отмеченными знаком [свирепого] Сатурна, как они ниспровергали на прах унижения [своими] несущими смятение копьями тела этих поганых и как озаренный блеском счастья его величества стяг славы и чести они поднимали до высоты небывалого величия. Когда их победоносные кинжалы проделали множество дыр в сокровищнице груди индусов и похитили оттуда жемчуг их жизни,

пресекши существо многобожия и неверия, они [все] явились к подножию местонахождения его величества и удостоились стать участниками питья царственного одобрения и ласки. Захватили в виде добычи столько всякого скота, что и счесть было невозможно. Его величество от чрезмерной любви [к войску] оставался на горе до сумерек. [В заключение] последовал его приказ: “Каждому из победоносного войска, кому не досталось добычи, пусть ее уделят и сделают [его] участником [в ней]”. Каждый захватил **[161]** такое количество добычи, какое он был в состоянии удержать. Ту ночь провели на остановке в этой долине. Господня помощь да будет охранительницею [его величества] во всех обстоятельствах [его жизни] и господня охрана да станет [его] стражем и часовым!

В течение одного месяца, начиная с пятнадцатого числа [джумади ал-ула 801 года] ⁴⁹, когда было [первое] место [остановки] знамен покорителя мира меж двух гор, Суалик и Кука, до шестнадцатого числа месяца джумади ал-ахира ⁵⁰, когда достигли местности Х.му ⁵¹, произошло двадцать сражений за

веру со сборищами /169/ неверных и многобожников, с гебрами и идолопоклонниками, так что подробное описание их составило бы несколько томов. За эти тридцать дней было взято семь крепостей, принадлежавших к числу солидных крепостей индийской земли, которые неприступностью и несокрушимостью превосходили [все] другие недоступные крепости и высокие цитадели; все они были по отношению друг к другу на один, на два фарсанга, и население каждой крепости являлось противником населения другой. Большинство тамошних жителей в дни прежних государей состояло из иноверцев, плативших джизья ⁵². А в эти дни, воспользовавшись удобным случаем, они отказались от принятого на себя обязательства платить джизья. По этой причине они способствовали бесполезной потере своей жизни и стали достойны истребления. Все эти взятые крепости были закреплены под знаменами хаканского могущества. Из числа их была крепость Шиху ⁵³, принадлежавшая родственникам царя Шиха Куку; тамошнее население при посредстве бывшего

среди них общества мусульман выразило покорность [его величеству] и, набросив на шею жизни ошейник рабского состояния, вложили головы в ярмо [его] приказаний. Однако указания на [их] лицемерие и признаки мерзости [их] убеждения были видны со страниц их жизненного обстоятельства. Им была дарована имущественная безопасность /170/.

Проницательным взором можно было предвидеть по их действиям, что они свернут с большой дороги повиновения [его величеству]. Один из ближайших рабов [его величества], который заставил Раджу Саиба при его необычайной храбрости соблюдать порядок повиновения [счастливному монарху], высказал блестящую мысль об изъятии оружия у этого непокорного народа. Было решено, чтобы взамен **[162]** дарованной [индусам] имущественной безопасности у них было отобрано разного рода вооружение. За менее значительное [боевое] платье и старые луки, представлявшие ничтожную ценность, была наложена высокая цена. Все оружие вынесли и продали. Этим прекрасным способом [было достигнуто то, что] никакого вооружения в руках

неверных не осталось. Умные люди воочию увидели своим дальновидным разумом результаты столь правильной мысли.

Стихи [на арабском языке]

Говорится о храбрости храбрых,

Что она — первое [достоинство в человеке], тогда как она занимает второе место. —

После этого последовало приказание, чтобы сорок гебров вступили в число служителей Хинду-шаха, казначея, потому что один был из рабов двора убежища вселенной и по этой причине гебры отклонились от большой дороги повиновения [государю] и убили мусульман /171/. В обязанности бойцов войска исламского ⁵⁴ за веру входило воевать с этим народом. Произошло сражение, [в результате которого] овладели крепостью гебров; две тысячи их было перебито, и пар от крови их [истребленных] семейств поднялся до высоты Плеяд. В числе шести покорившихся крепостей была крепость царя Див-раджа ⁵⁵. Территория этой местности очистилась от скверны бытия многобожников. Газии и сражающиеся на “пути Аллаха” проявили такие

успехи, перед которыми меркли рассказы о подвигах Рустама, сына Дастана, Бижана и Афрасийаба. [Среди них] имя Хусрау Гази запечатлелось на страницах времени. Разные виды счастья и чудес содействовали осуществлению благословенных намерений [его величества]. [Все] виды победы и благополучия были обеспечены под сенью августейших знамен, и молва о славных бранных успехах [счастливого монарха] распространилась по всем странам мира, а голос, [возвещающий] славные государевы деяния и достопамятности, прозвучал во всех округах вселенной. Обычай неверия и многобожия изгладились и исчезли; принципы ереси и нечестия обратились лицом к уничтожению; появились руководящие правила шариата и укрепились и прочно обосновались основы веры и счастья. “Хвала Аллаху за [его] явные и тайные благодеяния!” ⁵⁶. [163]

[ГЛАВА] О МЕСТОПРЕБЫВАНИИ УБЕЖИЩА ВСЕЛЕННОЙ В ОКРЕСТНОСТЯХ ХУМУ

Перо предопределения творца всехвального и всевышнего начертало на воде некое изображение, и утвердился человеческий образ; художник создания [всего сущего] придал земле некий цвет, и [она] восприняла образ чистейшего золота. Когда творцу заблагорассудится призреть [кого-либо], он делает паука перед дверью пещеры своим другом, закрывателем завесы; когда он желает отомстить, то поручает ничтожной мошке разорвать завесу мозга Намруды.

Стихи

Каждый муравей, который допускается к [царскому] двору,
По необходимости должен быть мудрым, как Сулайман. /172/
Каждая мошка, которая поднимается с его пути, [может служить причиной того, что]
Голова Намруда украсит [собою] его [собственный] дворец.

По [своей] предвечной милости [творец] сделал усилия счастливых целью помощи государству, а дела баловней судьбы вселенной — готовыми и завершёнными десницею многих усилий. Всюду, где усилие и старание разбивают царский шатер, там под его сенью водворяется счастье и благополучие. Всюду, где войсками движет старание и рвение,

победа и одоление сопутствуют им. Указанием на справедливость этих слов и свидетелем верности этого положения служит то, что его хаканское величество в походе на Индостан, при его отправлении [с места] и прибытии [на другое], [164] несмотря на краткие остановки и усталость от переходов, большую часть времени уделил битвам с неверными. Он всюду думал, что [они] — начало зла и заблуждения, и ниспровергал [их].

Шестнадцатого числа [месяца] джумади ⁵⁷ выступив из местности М. н. сар ⁵⁸ и пройдя шесть курухов пути, [его величество] изволил остановиться против селения Байла, которое входит в число окрестных селений Хуму. В тот же день из отряда ⁵⁹ принца мира, Халил Султан-бахадур, Исма'ил барлас, Шайх Мухаммад Ику Тимур и Мубашшир отправились в селение Байла. Население последнего, будучи народом храбрым и имея непроходимые леса, [делавшие его недоступным], приготовило на краю джунглей [необходимые для боя] приспособления и приготовилось вступить [с эмирами] в сражение. Витязи исламского войска хотели было атаковать

этих неверных, но последовал величайший приказ, чтобы они приостановили сражение /173/ до другого дня, когда стяг покорителя мира бросит тень [своего] внимания на положение этого трудного дела. В субботу семнадцатого числа его хаканское величество, сев на объезжающего мир коня и на хатли-курьера ⁶⁰, расположил [в боевой порядок] центр армии и его крыло и построил правый и левый фланги. Неверные, услышав всю торжественность громких звуков боевого царского барабана и рокот [рядовых] барабанов и увидев внушающее ужас войско, величественное, как море, и бесчисленное, как Плеяды, потеряли под собою твердую почву и тотчас оставили селение и убежали в джунгли. Витязи — украшение боевых рядов, и опытные в войнах храбрецы взяли [оставленные неверными] все предметы, предназначенные для боя, и встали против черных [в моральном отношении] индусов и [духовно] развращенных неверных. Войска вошли в селение [Байла] и захватили в нем множество фуража и продовольствия, которые были распределены в зависимости от потребности среди исламского

войска. В тот же день отправились дальше и, пройдя четыре куруха, подняли знамя остановки.

В этот же день в высочайший лагерь прибыли послы, отправленные [его величеством] из Дели в Кашмир с письмом. Их разговоры проникнуты были приказаниями **[165]** покорителя мира правителю Кашмира, Шах Искандару, и его указаниями, которым повинуются мир /174/. Улджай Тимур Тукта был из слуг принца Рустама, [он] и Му'тамид Зайнаддин доложили [его величеству], что Шах Искандар, подвязав ихрам ⁶¹ рабского служения, повернулся к сему средоточию счастья и к Ка'бе надежд [к эмиру Тимуру]. Достигнув месторасположения убежища мира, к нему присоединились на этой остановке Улджай Тимур Кучджин и Маулана Нураддин, вернувшиеся от Шах Искандара с письмом. Они подтвердили, что эмиры высочайшего дивана установили, чтобы Кашмир в наказание поставил тридцать тысяч лошадей, и для объяснения и распоряжения [по этому требованию] они вернулись и [затем] отправятся в Кашмир, чтобы после подбора и снаряжения [там партий лошадей]

возвратиться обратно ⁶². Когда они довели подобное до высочайшего слуха, то [это его величеству] не понравилось и он не провел по сему чертою одобрения. [Его величество] соизволил высказать упрек такого рода, что они предъявили Шах Искандару явно невыполнимое требование, несообразное с его возможностями и непосильное для него. К каждому человеку можно обращаться лишь с таким требованием, выполнение которого зависит от пределов его возможности. От каждого государства нужно требовать лишь такую денежную наличность, которая соответствует пространству его территории. Разум, являющийся лучезарным светильником и блестящею звездою, знает, что платье каждому человеку можно скроить лишь по его росту /175/ и фигуре. Для ума, который есть драгоценная жемчужина и редкостный перл, ясно, что черту побуждения можно провести по странице положения каждого человека сообразно его мощи. Послы доложили [высочайшему] могуществу об истинности служения и чрезмерной покорности [ему] Шах Искандара, преувеличив в своих

объяснениях [выраженные] им знаки рабства и службы [его величеству]. Оказавши им милости, [государь] повелел им больше не оставаться и поскорее уехать. **[166]**

Во вторник восемнадцатого числа месяца [Джумади ал-ахира] ⁶³ его величество отправил послов Шах Искандара и Зайнаддина в Кашмир, порешив на том, что, когда от этого числа пройдет' двадцать восемь дней, необходимо будет [Шах Искандару] прибыть на берег реки Синда. На этой стоянке находилось одно селение, в котором было большое сборище народа. Победоносное войско сделало набег на это селение. Индусы, распроставшись со своим достоянием, сами подожгли свое селение и убежали. Совершилось [все] по речению небесного откровения [Корана]: “Они разрушили дома свои своими руками и руками верующих” ⁶⁴. Солдаты захватили в этом селении много фуража и продовольствия. В тот же день, в полуденное время, был сделан набег на два других селения, лежавших неподалеку от первого, из которых извлекли много зерна и съестных припасов. Индусы, укрепившиеся в [ущелье] той горы /176/,

были людьми выдающимися на арене отваги и возмущения и руководителями на стоянках неустрашимости и кровопролития. Не ценя своей головы, которая есть капитал жизни, они признавали риск жизнью и отчаянность по существу доблестью и выигрышем ставки в игре. В этом ущелье Айтимур, бывший из числа ближайших слуг [его величества], потерпел поражение от этих индусов. “Аллах предопределяющий всемогущ; к нему возвращение”⁶⁵.

В среду девятнадцатого числа джумади ал-ухра⁶⁶, выступив с этой остановки, [его величество] соизволил остановиться против города Хуму⁶⁷, пройдя четыре куруха. На этой станции на протяжении около четырех фарсангов пути были засеянные поля, прилегавшие одно к другому, так что невыколосившиеся хлеба легко были доступны скоту победоносного войска, который [хорошо] попитался свежими растениями в этих зеленеющих полях и на этих [богатых] пастбищах. В четверг двадцатого числа [того же месяца] направление мирозавоевательного знамени было взято для набега

на [духовно] развращенных и для священной войны с неверными города Хуму. Его величество вступил в эту горную долину, откуда берет начало река Хуму, и победоносное войско несколько раз переходило через эту реку /177/. На склоне горы, на левой стороне [реки], был расположен город Хуму, а на правой — селение М.ну ⁶⁸. Могучего телосложения и отважные [167] индусы были в этих двух местах; они отправили в горы своих жен и детей и [теперь] стояли, готовые вступить в бой, алчущие того, чтобы выкинуть из своей головы тягость жизни, и душу свою, как ничтожную пылинку, пустить на ветер небытия. У них не было печали ни на маковое зерно по тому поводу, что они рискуют жизнью. По причине невежества и от крайнего злополучия они опередили смерть. Его величество, оставив их в своем положении, высочайше повелел атаковать селение. По возвращении оттуда победоносное войско вступило в город Хуму, чтобы захватить зерно для фуража и продовольствия. Со стороны селения М.ну индийский раджа, сев на коня, [выступил] с группой ищущих славы; неверные

индусы кричали и трубили в трубы. С беспорядочными воплями, как собаки, лающие на взошедшую луну, они взошли в горную теснину и, найдя убежище в ее твердынях, стали стрелять [в победоносное войско его величества]. Они имели [на своей стороне] чрезвычайно непроходимый лес и местность, весьма трудно доступную, так что добраться до них граничило с нелепицей и было далеко от возможностей [осуществить это]. [Августейшая] мысль, служащая украшением царств, будучи проявлением мирового разума и зеркалом сокровенного мира, авангардом солнца божественной помощи и чашей, показывающей мир победы, признала за благо завлечь индусов в сеть покорения путем наилучшего метода. [С этой целью], оставив в засаде в разных местах джунглей несколько отрядов из людей ловких и подвижных, [его величество], уподобляясь искусному наезднику, отправился [обратно] сокращенным путем /178/.

Двадцать первого числа [месяца джумади ал-ухра] ⁶⁹ переправились через реку Хуму и, пройдя четыре куруха, подошли к полям, прилегающим к реке

Джинава ⁷⁰. В этой местности на площади в четыре квадратных фарсанга были зеленеющие луга, [на которых виднелись] травоядные животные и земледельцы. Так как со сборищем неверных в ущелье Хуму и М.ну не произошло сражения, то благороднейшая и высочайшая мысль обратила внимание на данное обстоятельство и лучезарное сердце [государя] подвергло рассмотрению этот случай. Когда его величество выступил оттуда, обладающие качествами лисиц индусы, вообразив, что лесные чащи опустели от льва войны, вышли из разных углов джунглей. [Тогда] из нескольких отрядов победоносного войска, оставленных [здесь в засаде], из тумана Шайха Нураддина **[168]** авангард Даулат Тимура ⁷¹ и Хусайна Малик-куджи захватил раджу [города] Хуму с пятьюдесятью гебрами. [Всех их] доставили на территорию [лагеря] убежища мира. Его величество вознес хвалу творцу неба и земли, создателю вселенной, знающему явное и тайное, и сказал эмирам: “Как прекрасно, что всемогущий, превыше [всякого] совершенства, славный творец, разбивающий **/179/** желания

многобожников и удовлетворяющий нужды
единобожников, этих гордых гебров, [еще] вчера по
высокомерию своему не обращавших внимания ни
на какую тварь, сегодня со связанными шеями
соделал покоренными и поработченными
сторонниками исламской религии”. Со своей чистой
верой, ясной мыслью, ничем не омрачаемым взором
и прекрасным своим старанием он совершенно не
обратил на них внимания и от полноты милости [к
нему] первопричины и изменяющего обстоятельства
жизни, всевышнего и благословенного, узнал и в
достоверности убедился, что без даров творца, хотя
бы и в результате многих трудов, никакой пользы не
получается, кроме телесного изнурения и сердечного
огорчения, [что] срывание плодов с дерева желания
без помощи руки предопределения будет подобно
чему-то абсурдному. Глазу нужно освободиться от
оболочки порока и воспринять чистоту от сурьмы
исповедания единства творца и от коллирия искания
истины, чтобы правильно видеть тайны
божественного промысла в мире его творений и
созерцать памятники [его] милости, чудеса [его]

могущества и указания [на его] премудрость. Этот избранный раб сахиб-киран ⁷², прославленный и признанный монарх, не глядя на причины небесного и земного характера, все вещи считает результатами божественного могущества, плодами беспредельной премудрости [творца].

Стихи

Ложно недоверие, близоруко воображение, [чтобы представить, что]
Небо установил созидатель земных дел.
Земля и небо, подобно мне, твои рабы
И [безоговорочным] вручением [себя] служению [тебе] покрыли свои головы.

Тотчас рукою божественного могущества набросили на шеи этих несчастных [индусов] цепи и поволокли их по земле унижения; раджу Хуму ранили, [но] в интересах присвоения [его] богатства его вылечили. После неоднократных угроз, посул, обещаний и предупреждений он [в конце концов] **[169]** уразумел счастье ислама и величие [правой] веры ⁷³. Обычай сбившихся с пути гебров такой, что если ты приведешь им сто тысяч доказательств [в пользу правоверия], зажжешь на их пути светильник шариата, они [все-таки] останутся глухи к этим

доводам и не пойдут по указанной дороге. У них нет ни глаза, могущего научиться на примере других, ни сердца, справедливо мыслящего /180/.

Стихи

Безглазому нельзя показать светильника,
Потому что, кроме глаза, никто не укажет [ему] дороги в сад.

Согласно указанию мы судим по внешности, Аллах же управляет тайными помыслами. Когда он [раджа Хуму] стал по внешности мусульманином и поел коровьего мяса, считающегося запретным, то удостоился высочайшей ласки. По его просьбе было решено, чтобы его охраняли и покровительствовали ему.

Воскресенье двадцать третьего числа [месяца джумади ал-ухра] ⁷⁴ провели на этой остановке, чтобы дать возможность присоединиться к высочайшему лагерю войскам, отправившимся против области Лихавар ⁷⁵. В этот день было получено известие, что принцы и эмиры, отправленные в упомянутую область, взяли город Лихавар и берут [с населения] выкуп. Шиха Куку,

последние действия которого не соответствовали первоначальному, тоже захватили. Много людей в начале своих дел кружится на поприще доброжелательства и лишь в конце концов обнаруживается, кто выиграл пари. Многие люди [с умыслом] подчеркивают свою службу и хвалятся преданностью, и лишь напоследок выясняется, на чем зиждется основание их службы.

Стихи [на арабском языке]

У каждого есть движение к высокому положению,
Но более драгоценна в человеке его непоколебимость.

Подтверждение этого положения в том, что упомянуто в предисловии к этой книге. Начало же книги сего /181/ мирозавоевательства, украшение платья этого покорения вселенной и печать сего царствования выражена [в одном **[170]** принципе] “правда и сила” ⁷⁶. Всякое творение, вступающее на путь служения [его величеству] искренним сердцем и на нем прерывающее непоколебимо и стойко, день ото дня будет преуспевать в степенях [заслуженного им] счастья, а каждый допускающий криводушие и

сворачивающий с правильного пути, сам подставляет свою голову палачу гнева.

Стихи

Спросил меня некто: “Что это за путь?”

“Если ты пойдешь по нему правильно, он [будет для тебя] благословен и счастлив.

Если же ты пойдешь по нему не так, как должно,

То больше, чем тысяча, копий [посягнут на твою] кровь”.

Может быть и так, что некоторые невежественные люди, неопытные в делах, не имеют понятия о внутренних побуждениях и судят [обо всем лишь] по внешнему положению, что [мол] раз он стал служить и выполнял [все] условия нахождения на службе, то ради чего же он не допущен к получению царственных милостей? Однако умным людям и все до тонкости знающим остроумцам определенно известно, что если бы служащий не совершал сильного проступка и великого греха, то он не становился бы достойным упреков и порицания. Если бы [его] внутренняя мерзость и сердечное коварство не проявлялись, то он не заслуживал бы осуждения и мучения. Передается от святейшего посланника — да починут на нем благословения

Аллаха и да приветствует он его! — следующее [выражение]: “Бывает человек, совершающий поступки обитателей ада”, [следовательно], у такого человека и [все его] достоинства остаются во власти ада, так что получает ли он за это божественную милость и удостоивается ли божественной помощи, оказываемой обитателям рая. Это противоречило бы приведенному хадису.

Стихи

Покорность, соединенная с гордостью, есть корень проклятия,
Бунт, от которого ты становишься разбитым, есть семя собрания [с тебя] подати.

Как много в мире людей, которых ты находишь чуждыми [себе, но] которым ангелы высочайшего ранга и обитатели светло-голубого рая приносят из сокровищниц потустороннего мира чудесные халаты и нарядные почетные платья и надевают на них! Как много людей на этой преходящей станции считается [благочестивыми] подвижниками, надевающими **[171]** платье /182/, знакомых [с божеством], которые в тот день [страшного суда] увидят на челе своем

клеймо бедствия и снизойдут в место, уготованное для чуждых [божеству].

Стихи

Как много людей я видел и поразмыслил [о них],
И мысль о них привела меня в беспокойство.
В конце концов когда я увидел их за делом,
Это не было то, что я принял бы в расчет.
Существует другой мир, скрытый,
И его нужно сделать предметом своих поисков.

Дело в том, что были две серьезные причины захватить его [Шиха Куку]: одна явного порядка, другая скрытого. Явная причина была та, что между двумя реками, Гангом и Джауном ⁷⁷, он попросил разрешение отправиться в свою область, чтобы распорядиться о поднесении подарков [его величеству, а затем] на берегу реки Байах, иначе называемой рекою Лихавар ⁷⁸, присоединиться к ставке убежища вселенной. Когда Шиха Куку достиг своей страны, он устроил веселый пир со всеми наслаждениями, занявшись питьем вина и [всякими] чувственными удовольствиями, оставаясь беспечным в отношении того, что им было обещано [его величеству], и в отношении назначенного срока

возвращения, особенно по отношению к счастливому монарху, равного величием Александру [Македонскому], к государю, могуществом подобному Фаридуну, который распорядился охранять его и опекать, который вознес его из глубины неизвестности до вершины величия и [дал указание, чтобы] повсюду в пределах /183/ Индостана не грабили и не брали в плен тех индусов, которые, ссылаясь на него, говорили: “Мы — из числа подданных Шиха Куку”. Ради него проявляли к ним покровительство и милость, и за это [за все], допустив по отношению [к его величеству] возражения с угрозами, он решил ему воспротивиться! [80](#).

Стихи

Дерево, [плоды которого] горьки по природе своей,
Если ты даже посадишь в райском саду
И станешь поливать водою райского источника,
А на корень лить мед и чистое молоко,
Оно в конце концов проявит [свою] природу
И принесет все тот же горький плод [80](#). [172]

Когда прошли три дня пути от берегов реки Байаха,
как было назначено, [Шиха Куку] уклонился [от

своего обещания] и не прибыл. Доложили [об этом его величеству] и было решено, что Шиха Куку проявляет нерадение и не приедет в высочайший лагерь. На это указывает то обстоятельство, что на любого из приезжавших туда [к нему высочайших] рабов он не обращал внимания, вроде “садра мира” Маулана Убайдаллы, Хинду-шах-казина [казначей] и других, которые в силу их распорядительности смогли [бы помочь ему] достичь высокого достоинства и растворить двери [преследуемых им] целей перед лицом своих желаний.

Стихи

Многие годы была в твоих руках чаша Джамшида,
И как ты не знал, что делает тот или иной человек?
Твое желание [посетить] обе Ка'бы [Меккский и Иерусалимский храмы] осуществилось. —
Когда [же] ты нечестно поступил, что остается делать [пострадавшему от тебя] человеку?

Здравомыслящий разум указывал [ему] путь, что
нужно прикрепить руку надежды ремнем к седлу
счастья великих мужей веры /184/ и доставить
корабль [своих] исканий к берегу спасения с
помощью великих обладателей власти.

Стихи

Не отдергивай рук от пояса баловней судьбы,
Не отвращай лица от служения благочестивому.
Шип, всегда разговаривающий с розою,
Источает благовоние в подол гиацинта.

Но его сердце заперли на ключ несчастья, он же ни на один атом не побоялся этого и не послушал советов пира [старца] разума, который является муршидом [руководителем], направляющим к истине.

Стихи

Кому соткала судьба черный ковер,
Его уже невозможно сделать белым.

Когда Шиха Куку выступил с такими неправильными действиями, огонь гнева и раздражения хаканскрго величества начал пылать языками; он зажег [государя], и тот приказал произвести на него нападение с грабежом, захватить его и привезти к нему. Однако скрытое в этом было то, что его величество по выражению физиономии Шиха Куку своим царственным взором проникновенно увидел доказательства и [173] следы лицемерия, которые были видны на страницах жизни Шиха Куку, и преданность, которую он проявлял, не

производила впечатления на светозарное хаканское сердце и не была воспринимаема [его величеством] так, чтобы он и внутренне верил ему и сущность действий [его] одобрил и благосклонно принял. Если тысяча человек занялись бы [постройкою] здания, постигаемого внешними чувствами, то [это] их здание не привело бы к разрушению одного сердца. Если одно сердце будет благоустроено [и совершенно], то будет стражем-охранителем целого пояса земли, оно все возьмет под свою защиту; сердце есть совокупность двух морей, мира видимого и мира, недоступного чувствам; оно — надзиратель за всемогуществом царских шатров, хранитель тайн того, что доверено [из мира вечности в этот преходящий мир]; оно — вместилище среднего состояния между потусторонним миром и миром видимым. Достоинство степени сердца можно познать по тому, что оно есть зрелище божественной милости и господней мудрости. Ежегодно, один раз, в пору весны, милостивым взором он [творец] окидывает сады, огороды и разного рода деревья. В каждой частице из многих частиц и из [всего]

предопределенного он показывает сотню тысяч
диковин и вещей, отданных во временное хранение
[в этот мир], из которых ни одна не похожа на
другую: душистые ветви, ароматные цветы
фруктовых деревьев, озаренную землю,
приукрашенные луга, разноцветные розы, из коих
одни красные, как сердце страстно желающих видеть
предмет отсутствующий /185/, другие желтые, как
лица отшельников, третьи белые, как сердца
правоверных, четвертые — цвета яхонта, как душа
влюбленных. Все это влияние одного [лишь] взора
истины. Если от одного такого взгляда [творца]
обнаруживается столько искусства, то подумай,
сколько же удивительных и приятных вещей
возникает в сердце друзей [истины] от трехсот
шестидесяти взглядов, при действии каждого в
течение суток? Сердце, запечатанное печатью
несчастья, как может узнать о достижениях святых?
Ухо, на которое наложили тавро запрещения
[слушать], каким образом может знать об истинном
пути? Словом, Шйха Куку, который в такой
[базарный] день способствовал сбыту [своего]

позолоченного сердца и старался израсходовать низкопробную монету вместо чистой наличности, подвергли испытанию на пробном камне хороших людей, и полноценная проба не получилась.

Стихи

Разбитое сердце выбирают мудрые пробирщики и

Не хотят посеребрить целое сердце. **[174]**

В понедельник двадцать четвертого числа [месяца джумади ал-ухра] ⁸¹, переправившись через реку Джинава ⁸² и пройдя пять курухов пути, сделали остановку. Во вторник двадцать пятого числа много народа утонуло было в реке, но по милости его величества несчастным была оказана помощь [и их вытащили. Его величество] отдал приказ, чтобы отдали [всем], выбившимся из сил, лично ему принадлежащих лошадей и мулов, посадили бы на них и благополучно переправили через реку.

Стих

Кто не слышал о Ное, зачем тому печалиться о потопе? **[175]**

[ГЛАВА О ВОЗВРАЩЕНИИ В САМАРКАНД]

В [этот] день Хинду-шах-хазина отправили в столичный город Самарканд /186/, чтобы [тем самым] довести до сведения [всех] благожелательных людей радостное известие о [скором], прибытии победоносных знамен [его величества]. В понедельник [того же] двадцать четвертого числа прибыл нукер из Тебриза и Ирака от наследника властелина людей, принца Мираншаха. Он принес известие о здоровье [и благополучии] детей [его величества] и победоносного войска, которые находились в тех областях, а равно представил от них доклад с вестями о положении в Багдаде, Египте, Сирии, Малой Азии [Руме] и в Дашт-и Кипчаке ⁸³, [а равно] о состоянии крепости Аланджак ⁸⁴. На следующий день прибыл из области Фарса нукер от принца людей, Пир Мухаммада, сына покойного принца 'Омар Шайха, и доставил [его величеству] радостное известие о благополучном состоянии благородного здоровья названной ветви от древа верховной власти, [того] кипариса с берега реки справедливости, основателя зданий мусульманства и созидателя

принципов миродержавия, сообщив также о состоянии [управляемой принцем] области и текущих дел, [движущихся] по большой дороге любви [к его величеству]. В числе подарков, присланных из Египта и Сирии, были представлены [на высочайшее благоволение] египетские сабли и другие подношения. **[176]**

В среду двадцать шестого числа ⁸⁵, перейдя реку Джинава, прошли шесть курухов пути и остановились среди пустыни. В этот же день /187/ отправили тавризского посла в столицу государства, Самарканд, чтобы он доставил радостное известие, что вслед за ним ожидается прибытие августейшего, который приближается величественно, словно душа, [вступающая] в [безжизненную] форму тела, и подобно утреннему зефиру, который как бы вдыхает жизнь в тело, что [его величество] следует в местопребывание [своего] могущества и величия, к [своему] престолу великолепия и счастья, чтобы [поэтому] как можно скорее счастливые [его] дети, призираемые благостным взором творца, выехали [ему] навстречу и чтобы от пыли, [поднимаемой]

кортежем убежища вселенной, получили бы
целебную мазь ⁸⁶ для [своих] счастливых очей. В тот
же день мироукрашенная мысль [государя]
приняла твердое решение, что прежде чем
победоносное войско переправится через реку
Дандана, а равно и прежде чем глаз мира воспримет
свет от света солнца, [его] дети, великие люди и все
подданные, как не платящие унижительной подати,
так и платящие ее, удостоились бы лицезреть
распространяющее свет лицо [его величества], На
этом основании, ударив плеткою по голове своего
объезжающего мир коня, бывшего столь послушным,
как дорогая жизнь, и, как быстрая молния,
пересекавшего горы, он с поспешностью помчался
[вперед].

Стихи

Когда приближается станция свидания,
Огонь страсти разгорается сильнее.

В четверг двадцать седьмого числа [джумади ал-
ухра] ⁸⁷, выступив в обратный путь, прошли шесть
курухов, и на окраине леса, на одном из холмов,

паланкин его хаканского величества остановился. В тот же день в тех зарослях появился тигр, охотники-бахадур и неустрашимые храбрецы устроили за ним охоту. Среди эмиров храбрее всех оказался Шайх Нураддин, и со всею отвагою, быстрыми, как огонь, ударами /188/ он одолел этого тигра и сделал его своею добычей. Тем временем принцы Пир Мухаммад-бахадур, Рустам-бахадур и эмир Сулайман-шах-бахадур прибыли из Лихавара в августейший лагерь. Приняв участие в битвах за веру, они отсекли головы гебрам, овладели огромной добычей и по обычаю доставили ее традиционными девятками ⁸⁸. Его величество тогда каждого [177] состоявшего [при нем на службе] бахадура пожаловал леном. В тот час благословенный взор [его величества] упал на одного из кушунов принца Пир Мухаммад-бахадур, которому было оказано благоволение и было пожаловано особое [военное] обмундирование ⁸⁹ и специальный колчан, отделанный золотом; степень его была возвышена ⁹⁰. Мировые вожди ждут того, чтобы удостоиться одного лишь мимолетного благосклонного взгляда

счастливого монарха, чтобы великое счастье осенило их положение. Государи [этой] эпохи внимательно наблюдают, какими наилучшими средствами им получить отличие от двора [его величества], чтобы феникса их счастья он взял [себе] под крыло. Самый меньший по своим достоинствам человек, который окажется в поле зрения сего монарха — покорителя вселенной, получает превосходство перед царями.

Стих

Муха, которую ты заставляешь летать, становится царственным соколом.

В тот же день был оглашен высочайший приказ, чтобы эмиры правого и левого флангов и другие эмиры /189/ войсковых соединений направились к столице государства назначенными [им] дорогами. Принцы, великие эмиры, эмиры туманов и эмиры кушунов ⁹¹, каждый в зависимости от степени своего достоинства, удостоились отличия и пожалования драгоценными халатами и специальными головными уборами ⁹². Так как в этих пределах было место охоты, так как арена для забавы благородных [была] длинная и широкая и на ней находились тигры,

барсы, дикие козы, олени и всякие другие дикие животные, то радость охоты вцепилась в полы царственного стремления и наслаждение ловлей диких животных привело в движение монаршее [к ней] желание. Несколько тысяч человек были назначены [для этой охоты] и посланы **[178]** для устройства облавы. После того как ниспровергли в битве отважных, как львы, врагов, сели на коней, чтобы охотиться за животными. Когда могучих неприятелей, как мошек, передавили руками и ногами, тогда пожаловали охотиться. В той равнине ловкие кавалеристы победоносного войска столько набили дичи, что счетоводы не могли сосчитать, а математики оказались не в силах уподобить [количество убитой дичи какому-либо числу].

В пятницу двадцать восьмого ⁹³ числа [месяца джумади ал-ухра] ⁹⁴, закончив охоту, прошли восемь курухов /190/ и остановились среди посевов [местности] усладительной, полной удовольствия, [спокойной], подобно душе мудрого человека, среди бодрящей зелени и свежести лугов, [подобных] Ирему. Эту местность называют Джахан ⁹⁵, она

граничит с Кашмиром. Ночью в субботу двадцать девятого числа, выступив из Джа-хана и пройдя четыре куруха пути, дошли до берега реки Дандана; в тот же день перешли по мосту [на другую сторону реки]. При переправе войск через этот мост [местные] бедняки помогли войску, состоявшему из тюрков и таджиков. Эмиру Шах Малику и Джалал ал-Исламу было приказано переправить по мосту все войска.

Утром в воскресенье [первого раджаба] ⁹⁶ его величество выступил дальше; пройдя двадцать курухов пути, [он] изволил остановиться в местности Шан. б. т. ⁹⁷, которая прилегает к горе Джуд. Во второй день ⁹⁸ месяца раджаба ⁹⁹, отправившись из местности Шан. б. т., он изволил сделать остановку в районе Кал'а-йи Буруджа ¹⁰⁰. В тот же день, во время полуденной молитвы, отправились в дальнейший путь и вступили в степь Чул-и Джалали ¹⁰¹.

Во время вечерней молитвы [минут через 20 после захода солнца] вышли из этой кровожадной степи. От Кал'а-йи Буруджа до этой остановки [Чул-и

Джалали] было тридцать курухов. Перед этим упомянуто, почему названную степь именуют Чул-и Джалали. [179]

Во вторник третьего ¹⁰² раджаба ¹⁰³, в полуденное время ¹⁰⁴, кортеж покорителя мира, сопровождаемый победой и удачей и одновременно /191/ счастьем и благополучием, достиг берегов реки Синд. Группа эмиров, в свое время оставленных в крепости Н. г. р. ¹⁰⁵, Пир 'Али и прочие эмиры кушуна, навели через реку Синд довольно хороший мост монгольского типа. В этот день [его величество] переправился через Синд и до полудня находился на берегу. [Потом] он оставил там эмира Аллахдада, чтобы тот переправил через реку победоносное войско. Ко времени полуденной молитвы прошли десять курухов и сделали остановку, В среду четвертого ¹⁰⁶ раджаба, что соответствует первому фарвардину, дню Науруза, [его величество] выступил отсюда и сделал привал в Бину ¹⁰⁷. Эмиры, бывшие в пределах [крепости] Н. г. р., оставленные там для отражения набегов афганцев, о чем подробно уже сообщалось выше, в течение семи месяцев не имели чести

безотлучно пребывать при дворе убежища вселенной, [теперь] в этом месте облобызали землю служения [его величеству] и воочию увидели свет очей счастья, [исходящий] из праха высочайшего порога. Они привели [его величеству] одну девятку коней и тысячу коров. Его величество подарил коней тем же бахадурам, а коров приказал /192/ доставить хозяйствам, у которых их отняли. [Затем] последовал высочайший приказ, чтобы Пир 'Али и остальные эмиры остались там до тех пор, пока все войска не выйдут из этих пределов.

В четверг пятого ¹⁰⁸ числа [месяца раджаба] ¹⁰⁹ отправились в сторону крепости Н. г. р. и подошли к ней утром в пятницу шестого ¹¹⁰ числа [того же месяца]. В тот же день [его величество] отправил в области Азербайджана нукера принца мира Амираншах [*sic!*]-бахадура, чтобы он доставил радостную весть о победе и торжестве [счастливого монарха]. Махмуда Барат-хваджа и Хинду-шах-хазина послал в Кабул, чтобы кабульское войско прибыло в августейший лагерь; [имелись в виду] два блага: одно — поохотиться, а другое — было дело

огромное и самое важное — отстранить от мусульман зло, [причинявшееся] остатками [разбитых] афганцев. По этой **[180]** причине [его величество] соизволил остановиться в пределах крепости Н. г. р. Несмотря на то что страстное желание видеть [своих] детей достигло [у него] высочайшей степени и [наиболее] полного выражения, [тем не менее] божеское дело и [исполнение] господнего веления он предпочел влечению сердца и себялюбивому желанию. В субботу седьмого **111** числа, воскресенье и понедельник до молитвы намаз-и дигар **112** /193/ [его величество] занимался приведением в благоустроенный вид крепости Н. г. р., [причем] последовало [такое его] распоряжение, чтобы все эмиры и знатные лица (пока-то это распоряжение дойдет до других) собственными руками постарались и приложили все усилия к ремонту крепости, ибо это направлено ко благу мусульман. В понедельник, в промежутке между полуднем и закатом солнца, остановились у гунбаза Шайха Мубарак-шаха. Во вторник десятого **113** числа [месяца раджаба] **114**

оттуда выступили [в дальнейший путь], направляясь дороною на К. р. баш [115](#). В этом горном проходе шейх Ахмад Хваджа Авган удостоился счастья свидеться с его хаканским величеством. Так как [понятие] шайхи [старчество] слагается из расстилания скатерти-стола, из уборки ее и еще из проявления красноречия, из благостной обители мистического руководства духовною стороною человека и из подготовки крепости сердца и души, и — благодарение всевышнему Аллаху! — его величество в познании божественных деяний и господних заповедей до ел [уже] до того, что шейхам мира надлежит, [сидя] по краям августейшего ковра, склонить ухо разума и свой слух сделать серьгами из жемчуга царственных слов, то в такое соответственное время и в таком удобном месте все победоносные войска, прошедшие столь далекие пространства, ожидали, что шейх принесет какое-либо угощение. Проще говоря, приобретение душевного спокойствия зависит от бытия великих шейхов, а приготовление обеденного стола связано с щедростью высокодостойных благородных людей.

Стихи

Да будет плодоносящим это августейшее дерево,
Чтобы под тенью его сделать привал.
Ибо оно дает [своею] тенью покой душе,

А плоды его украшают накрытый стол. **[181]**

Шейх же, кроме блага, [источаемого] своей личностью, никого стола не накрыл и, кроме своего светоносного присутствия /194/, ничего существенного воинам не подарил. Он был похож на облако, от которого надеются получить дождь, а из него [в действительности] никакой влаги не идет; он был подобен обманчивой молнии, от результатов которой не пролилось ни одной капли в жаждущий рот [116](#). Смысл этих слов тот, что соблюдение [общепринятых] обычаев в каждом положении есть вид благородства, а сохранение общих положений [приличия] в любом месте является доблестью. Качество надменности нужно удалять от себя, как воду, свое внешнее и внутреннее содержать в чистоте и оставить скардность; подобно зеленой и плодоносной ветви, нужно сделать свои природные качества такими, чтобы их внешняя форма и

внутреннее значение одинаково были приятны, чтобы имя и называемый [им объект] оба были на достойном [их] месте. Все общее и частное, связанное с внешнею стороною человека, всегда будут повторять; славное и низкое, осуществляемое людьми, [всегда] будут записывать, как [записывают все] красивое.

Стихи

Мир воспитан на дурном и хорошем,
Много его хорошего и дурного в действии.

В этот день, между полуднем и закатом солнца, дом шейха 'Абдаля в местности Асикар [117](#) стал горд благословенным посещением его счастливым монархом с высшей небесной сферой. Шейх ['Абдал] выполнил [все] обязанности служения [его величеству]. В среду одиннадцатого [118](#) числа [государь] выступил из Асикара, подошел ко входу в долину Бадхвабдан и изволил [там] остановиться. В этот день наш господин [Тимур] послал принцу дары, чтобы он довел до слуха искренне преданных

[ему] людей радостную весть о приближении знамен покорителя мира.

Был четверг двенадцатого [119](#) числа [месяца раджаба] [120](#), когда утром /195/ его величество изволил остановиться в Кабуле, [проведя] ночное время у устья Джу-и нау [121](#), который называют Бадам. Этот Бадам представляет собой большой **[182]** канал [122](#), который был сооружен благодаря хаканской энергии. Прежние государи не сооружали такого канала; время [еще] не видело что-либо похожее на это среди зеркальных вод, а сфера небес ничего подобного не знала и не располагала сведениями об его особенностях и размерах, чтобы соответствующим образом описать это в словах.

В пятницу [на следующий] день [его величество], покинув берега этого канала, между тремя — пятью часами дня изволил остановиться в местности Банд. Четырнадцатого [123](#) числа в субботу подошли к подножию перевала Х. р. мис. [124](#); выступив оттуда, перебрались через этот перевал. В тот день под влиянием случайности времени на благословенной

руке его величества появилась опухоль,
сопровождаяемая столь сильною болью, что по
состоянию своего благородного здоровья [его
величество] не мог сидеть на коне. У него [от боли]
не было ни терпения, ни спокойствия, чтобы
благословенной рукой прикоснуться к поводьям
объезжающего мир [его] коня. Небо от этого случая
/196/ расстроилось, а солнце содрогнулось,
Светоносное же утро души и спокойствия [его
величества] сменилось темным вечером огорчения и
тоски, и горе то село на подол [его] высокочтимого
сознания, к чему были две причины: [первая та, что]
из Самарканда все еще не было известий о здоровье
принцев, [а вторая, что] беспокоящая его боль давала
себя чувствовать с наибольшей силой. Вследствие
этого у всех омрачился жизненный путь и
нагромоздились поводы к огорчению.

Стихи

Страшась укоризны, дрожит вселенная,
Язык дрожит от сладких слов,
От безмерных милостей твоих, [оказываемых] каждому человеку;
Перед твоею [одною] душою дрожат тысячи душ.

По необходимости [его величество] ради покоя поместился в паланкине, который везли мулы. Ту стоянку, на которой произошел этот несчастный случай [с его величеством], называют Нахушак [125](#); [по совпадению] тиран-время положило [здесь] основание болезни [его величества] и судьба-притеснительница предприняла [против него] злокозненность. Ночью [в августейший лагерь] прибыл из купола ислама, Герата, нукер от **[183]** принца Шахрух-бахадур /197/ и довел до ушей величия соответствующие известия. [Его величество] провел две ночи в том месте, пока не унялась болезнь августейшей руки. Успокаивающие государство избранные слуги [его величества] подняли на [свои] плечи тот паланкин, в котором заключался весь мир, ибо место было весьма узкое и представлялось затруднительным передвижение паланкина посредством мулов. В понедельник шестнадцатого [126](#) числа месяца раджаба [127](#) счастливый паланкин переправили через перевал. В это место прибыли из Самарканда нукеры царицы, принцев и принцесс и доложили [его величеству] обрадовавшие его вести.

Однако вследствие болезненного состояния
августейшего здоровья рабы и слуги [его величества]
были печальны [128](#).

Стихи

Поднялось облако из моря печали
И пролилось целым наводнением от горы до горы.
Устроители западни страдания уселись [в засаду]
И разбили владеющих авангардом терпения.

От незначительной боли, возникающей у великой
царственной личности, нарушается мировой порядок
и дела мира приходят в запутанное состояние.

Несомненно, что из любого места, откуда бы ни
летела пташка повиновения, она держала в клюве
книгу молитв [за здоровье государя], из каждого
угла, где обнаружился свет снискания милости
[монарха], она направлялась к раскрытию мрака и
говорила:

Стихи

“Если твой меч [даже] на один миг удалится из среды [людей],
То у всех исчезнет охрана имущества и жизни.
С постели лихорадочного состояния, которая является для тебя зложелательным местом,
Поднимись поскорее, а иначе погибнет мир!”

Благодаря благословению [утренних] дыханий святости утро здоровья возшло с востока великой особы; вследствие молитв добродетельных людей солнце счастья освободилось от затмения ¹²⁹, полная луна счастья /198/ вышла из состояния [184] новолуния. [Его величество] вкусил полезный шербет из шербетного погребка [как сказано]: “Мы ниспослали из Корана исцеление и милость правоверным” ¹³⁰ и [полученную] из сокровищницы божественной милости одежду здоровья и крепости надел на себя.

После сего, совершая переход за переходом, [его величество] направился к резиденции [своего] могущества и величия [к городу Самарканду]. В среду, в середине месяца раджаба, он выступил из местности Сараб ¹³¹ и направился по направлению Баклана ¹³². В четверг, сев там на своего быстрого, как ветер, объезжающего мир коня, он [потом] сделал остановку в местности Кара-Булак. Жены принцев Пир Мухаммад-бахадур и Джахан-шах-бахадур, эмиры и подданные области Баклан, вынеся подарки, представили [их его величеству].

В пятницу двадцатого ¹³³ числа [месяца раджаба] ¹³⁴ во время “султанского завтрака” [в полдень] знамя убежища вселенной достигло Самангана ¹³⁵ и в тот же день, выступив оттуда, остановилось в местности Газник ¹³⁶. В субботу двадцать первого ¹³⁷ числа прибыли в Хулм ¹³⁸, откуда выступили в полдень, и во время вечерней молитвы /199/ достигли берега реки Термез ¹³⁹. [Его величество] соизволил переправиться через реку; в этом месте удостоились встретить его величество принц Улугбек, госпожа царица, принцы и благородные сановники. Воскресенье и понедельник [его величество] пробыл в Термезе. В понедельник в честь владыки мира, могущественный, высокодостойный, великодушный и высокостепенный [принц] ¹⁴⁰ задал пир, где были представлены достойные [его величества] подарки. Во вторник двадцать четвертого ¹⁴¹ раджаба ¹⁴² [185] [счастливый монарх] переехал в кишлак [место зимовки] Джахан-шаха. В среду двадцать пятого ¹⁴³ числа он пожаловал [свое] достоинство высшей небесной сферы [местности] Турк-и Гар-маба ¹⁴⁴. В четверг двадцать шестого числа августейшее знамя с

небесной славой было водружено на остановке в районе Рам. х. ка [145](#). В пятницу территория местности Йикранг [146](#) вследствие благословенного прибытия [государя] рассказала о высшем рае. В субботу местность Кузи Мундак [147](#) стала сосредоточием победоносных знамен. В воскресенье [его величество] прибыл в местность Дус. р. х. н. [148](#). На этой стоянке принц Шахрух-бахадур удостоился /200/ поцеловать ноги [своего августейшего отца]. Принц 'Омар-бахадур тоже удостоился этого счастья. Дело в том, что во время выступления в поход [на Индию] из столичного города Самарканда [его величество] оставил принца ['Омара]-бахадур в столице государства и в центре державы, поручив его попечению тамошние дела. [Он же] таким образом, как это обусловлено, открыл перед лицом подданных двери правосудия и по свойственному ему правосудию оказывал всем справедливость. [За все это] он получил от его величества похвалу и одобрение и [его величество] проявлял [теперь] к нему [особую] благосклонность [149](#). Один час правосудия со стороны царей равен поклонению

отшельника [господу] в течение семидесяти лет,
потому что управлять страной без дельного человека
не представляется возможным; воин без
вознаграждения не пойдет на войну; оказание
милости не бывает без пользы для населения, а
пользы для населения не бывает без добрых дел
правосудия!

Стихи

Будь справедлив, потому что в стране сердца
Справедливый стучит в дверь пророческой миссии.
Живи так, чтобы, когда тебя спросит творец,
Тебе не отворачивать [перед ним] в день судный пристыженного лица.

Ничего не останется от венца и престола, от власти и
богатства. Блага этого преходящего мира и полной
огорчений **[186]** вселенной подобны блеску молнии,
знакомству с призраком, обреченной на гибель
территории и уносимой во время грабежа добыче.

Стихи

Из того богатства, которое собрал [библейский] Карун, что осталось?
Ты в конце концов посмотри в недра земли, так как он [там] обосновался!
От золотых кирпичей Шаддада и Ада Что получилось, кроме бесславной смерти?

Правосудие есть то, что дает плоды вечного счастья, вечного богатства, вечной блаженной жизни и непреходящего великодушия /201/; оно есть тот дар, от которого получают достоинства в будущей жизни, обители рая, приближение и близость [к божеству]. От Аллаха же помощь!

Во вторник, в первый день месяца ша'бана [150](#), благословенный город Кеш благодаря прибытию высочайшего знамени стал, как рай. В течение пятнадцати дней [его величество] отдыхал в тамошнем дворце, [утешаясь] конем безмятежной небесной сферы, течением государственных дел по желанию, движением звезд, покорных его велениям, временем, состоящим у него слугою, и судьбою, его рабыней. Во вторник [151](#) пятнадцатого ша'бана [152](#) его величество выступил из Кеша и на берегу реки Рудак разбил шатер убежища государства высотой до солнца и луны. В среду шестнадцатого числа он сделал остановку на никем не занятой местности Чахар Рабат. В четверг семнадцатого числа, перейдя через тамошний перевал, [его величество] изволил остановиться в местности Кутлуг-Йурт. В пятницу

он прибыл оттуда в Тахт-и Караджа ¹⁵³, в субботу девятнадцатого числа месяца ша'бана ¹⁵⁴ сад и загородный дворец Джаханнумай ¹⁵⁵ от блеска высочайшей диадемы стал показателем мира ¹⁵⁶.

Стихи

Когда его особа появилась в мире,

В мир пришел целый мир. **[187]**

В воскресенье 20 числа сад Даулатабад ¹⁵⁷ вследствие появления [в нем] /202/ счастливого лика [монарха] оправдал этим свое имя. В понедельник двадцать первого числа, в полдень, в благословенный час, в счастливое время [его величество], преисполненный веселья и радости, соизволил вступить в загородный дворец-сад ¹⁵⁸ Дилгушай ¹⁵⁹. Все жены государя, дети и великие эмиры явились [сюда встретить его].

Сближение луны и солнца и соединение счастливых планет обрадовало мир [такими] благоприятными предзнаменованиями; стечение светил в апогее счастья и в зодиаке благополучия явилось для вселенной гарантией осуществления [ее] желаний. Утро рассыпало [целые] блюда отборного жемчуга,

как осыпают путь цветами или деньгами, а солнце пролило на землю [целые] потоки благоденствий. Жены государя, принцы и эмиры столько золота потратили на осыпание [свиты и воинов], что у каждого таваджи набралось его на крупную сумму и всякий из безотлучно пребывающих при государе придворных набрал его целый подол. Во вторник двадцать второго числа месяца ша'бана ¹⁶⁰ могущественный, как небо, стяг государя достиг столичного города Самарканда, подобно оживляющему духу, входящему в безжизненную форму, или драгоценной душе, вошедшей в [мертвое] тело /203/.

Стихи

То, что судьба обещала, осуществилось,
То желание, которого добивались днями, осуществилось!

Тотчас, как утренний рассвет представил мавра в виде осыпания народа деньгами, а колесница неба повергла на блюда, на высочайшее воззрение, драгоценные гроздья Плеяд; [когда] весенний зефир поднялся на высоту расстилания ковра на террасе

небесной сферы, а облако появилось с рассыпанием жемчуга на дворец убежища мира, лицо времени зажглось огнем от вкушения чаши веселья. От всплесков вина счастья прекратились горести, мысли пришли в веселое настроение от непрерывного повторения чаши радости, а мозг разума наполнился парами веселья.

Стихи

Всякое веселье, потерянное для нас колесом неба,

Судьба осуществила одной остроумной шуткой. **[188]**

Когда его величество, сопутствуемый божественной помощью и окруженный бесконечным благоволением [неба], достиг центра [своего] государства, он выполнил на деле указание следующего коранского стиха: “Хвала Аллаху, который поселил нас в обители [своего] пребывания; по благодати своей поистине господь наш — прощающий и щедро вознаграждающий” ¹⁶¹. В целях омовения себя от греховной нечистоты он отправился на поклонение к принцу Кусаму ибн ал-'Аббасу ¹⁶² — да будет им доволен Аллах!

Вернувшись оттуда, он прибыл в ханаках великой госпожи Туман-ага, — да длится вечно ее величие! — которая есть Раби'а века и Зубайда эпохи. После полуденной молитвы [его величество] сделал остановку в Баг-и Чинар ¹⁶³ и Накш-и Джахан ¹⁶⁴ /204/. Значок покорителя победоносен и сопутствуем Аллахом, слуги его величества поддерживаемы [им] и радостны, прекрасные труды [монарха] удовлетворяющи и достойны признательности; остановка и места [их всех] благоустроены и цветущи! ¹⁶⁵.

Стихи

Оттого стал цветущ дом солнца,
Что мраку мира он дает свет.
Оттого пришло завоевателем мира тучевое облако,
Что оно дает в молодости растению молоко. [189]

[ГЛАВА]

**О СОБОРНОЙ МЕЧЕТИ, КОТОРУЮ
СОИЗВОЛИЛ ПОСТРОИТЬ В СТОЛИЧНОМ
ГОРОДЕ САМАРКАНДЕ ЕГО ВЕЛИЧЕСТВО,
УБЕЖИЩЕ ХАЛИФСКОГО ДОСТОИНСТВА**

Владыка мира — да будут святы имена его и да следуют непрерывно его милости! — говорит в преславном Коране, каковой обнародован во славу правоверных: “Подлинно мечети Аллаха посещают те, кои веруют в Аллаха и в последний день” [166](#). Из смысла этого стиха определенно устанавливается, что наличие мечети — это доказательство веры в существо и качество величайшего творца и в оживление мертвых в судный день. Господин тварей и превосходнейший из сотворенных — да починут на нем достойнейшие благословения! — говорит: “Кто построил мечеть для Аллаха, хотя бы как гнездо птицы ката, для того создает Аллах дом в раю”. Этот хадис воспринимается и изображается [в том смысле, что] всякий, кто /205/ построит в этом мире дом молитвы, всевышний господь сделает для него в вышнем раю дом. На этом основании его хаканское величество, когда покончил с уничтожением многобожников, еретиков, нечестивцев и упорствующих, разрушил храмы огня и капища индусов, и высочайший кортеж направился из

пределов Индостана в столицу государства

Самарканд. [190]

Стихи

Он направился из Индостана в [свою] столицу,
Сопутствуемый счастливой звездой, победою и благоприятной судьбою.
Ведя [свое] огромное войско опять в центр своего могущества
И загородив широкий путь на юг и север, —

тогда [его величество] принял твердое решение
построить соборную мечеть в [своей] столице, в
Самарканде, и этим добрым делом снискать
благоволение у владыки величия, всевышнего и
всесвятого. Когда [по вступлении в Самарканд]
воссел на трон царства, то четвертого числа
благословенного месяца рамазана 801 года ¹⁶⁷ выбрал
[для мечети] наилучшее место [в столице].

Знаменитые мастера и строители-архитекторы
составили план этого величественного здания и в
самый счастливый час заложили [его] основание,
употребив на его фундамент и пилоны /206/ камень.
Его величество вследствие чрезвычайного усердия
своею собственною благородною особою
присутствовал при закладке этого здания, а к

завершению его прилагал чрезмерные старания, пока ее строитель не вознес до небес высоту ее стен, подобно подъемам [человеческого] достоинства, [пока] ее недоступная твердыня, подобная положениям достоинства властелина, не коснулась рукою высоты пояса Близнецов, [пока] не упал на нее с пространств, возвышающих дух, взгляд духа высочайшего рая, [пока] с дивного простора не открылись перед сердцами [людей] двери светлоголубого рая, [пока], подобно стене Александра [Македонского] и сооружению Ахримана [168](#), она не получила чрезвычайную прочность, пока не закончилось сооружение в ней кафедры и михраба весьма тонкой художественной работы, покрытых удивительными орнаментами и чудесными украшениями, [пока] блеск чистоты ее ниш не бросил луча света на зеркало небесной сферы и пока царь [царей] с высот небес не сделал этот храм, как Ка'бу, своею киблою и мазаром.

Стихи

Ради блеска достоинства мусульманства
Он устроил сад веры и [для] охраны окружил [его] стеною.

О, как прекрасно то величественное здание, ибо высоты рая

Получились от твоей высоты, они открыто признают [свой] недостаток /207/. **[191]**

О боже! Хакана мира и раба своего, надеющегося [на тебя], направь к степеням лишь вечным и доставь их в обители праведных и к ступеням, проходимыми добродетельными; успокой тварей мира под сенью его [Тимура] щедрой милости [169](#); то молодое дерево, которое ты сам посадил, не вверяй ничьему уходу, кроме своего милостивого попечения [о нем], страны и рабов своих сохрани от угнетения тиранами-притеснителями и вероломными могущественными людьми! О господь миров! О милостивейший милостивых! О прещедрый из щедрых!

Окончилась история великого эмира и величайшего государя, эмира Тимура Гургана, — да озарит Аллах его свидетельство [перед собою]! — составленная счастливым, великим нашим господином, символом теологов и превосходнейших ученых своего века и времени, присоединяющимся к милости Аллаха и к его прощению, Гийас ал-Хакк вад-Дин'ом 'Али, высокое происхождение которого [восходит] к благочестивому шейху, к вечному полюсу, к шейху

Джамал ал-Исламу — да освятит Аллах его могилу!
[Эта] благословенная история [доведена] до того
места, как произошло покорение Индостана. После
сего, если будет сопутствовать помощь господа и
решение, согласное с предопределением, то
истинный наследник автора этой истории,
величайший наш господин, глава вождей ученых в
мире, редкость данной эпохи, Маулана Шихабаддкн
Мухаммад “”, — да спасет его Аллах всевышний! —
подробно и пространно, бог даст, изложит
обстоятельства покорения стран Сирии и Турции [170](#),
бывшее в эпоху его величества, счастливого
государя, а равно знаменитые завоевания, кои
случились во времена его величества, убежища
халифского достоинства, султана султанов мира,
справедливейшего из хака-нов народов, тени Аллаха
на земле, Му'ин ал-Хакк вад-Дин, сына эмира
[Тимура] Шахрух-бахадур-султана, — да продлит
навечно Аллах его власть и царство! Помощь для
осуществления этого намерения от Аллаха
наблюдающего и всеведующего! Да благословит
Аллах лучшее из своих творений — Мухам-мада, его

потомство и его сподвижников — прекрасных и чистых и да приветствует [их всех]!

Окончена книга с благодарностью Аллаху и преклонением перед его помощью в пятый день почитаемого месяца ша'бана 1015 года от хиджры пророка [171](#), да почиют над ним превосходнейшие благословения и похвалы! [172](#).

ДОБАВЛЕНИЕ [173](#)

[ГЛАВА]

О СВЯЩЕННОЙ ВОЙНЕ ПРОТИВ К.ТУРА [174](#) И О ТОМ, ЧТО СЛУЧИЛОСЬ С ТАМОШНИМИ КАФИРАМИ

Покончив с пиршественным собранием и удовольствием, победоносное войско выступило оттуда и достигло Андараба [175](#). Население этого вилаета просило защиты от развратных неверных и безрассудных гебров; оно заявило: “Мы, мусульмане, а неверные ежегодно берут с нас подать в увеличенном размере, требуя бадж и харадж [176](#). Если мы в уплате этого проявляем нерадивость, они

убивают наших мужчин, а детей и жен уводят в плен”. Эмир, счастливый баловень судьбы, принял твердое решение оказать помощь исламу путем священной войны с неверными. Без промедления он построил войско в боевой порядок, сел на коня и выступил, чтобы совершить набег [на неверных]. Ежедневно делали по два перехода. На К. тур [его величество] направил принца Рустам-бахадур, послал также с большим войском и Бурхан-углана, а сам своею [193] благословенною особою с беспредельным войском, расчищая снег, а в некоторых местах проделывая [в нем] проходы и прокладывая дорогу, пробирался трудными путями, пока не взошел на высоту одной горы, настолько высокой, что в некоторых местах счастливый эмир, опоясавшись веревкой, садился на доску [и скатывался вниз], а местами брал в руки посох и целый фарсанг шел пешком. С таким достоинством [все] его намерение было обращено на одно — на священную войну с неверными! Войска левого и правого флангов, опоясавшись веревками, [чтобы не провалиться поодиночке в покрытые снегом

расщелины ледника], спускались вниз с вершины горы. Большая часть кафиров, малых и взрослых, была нагою. Когда в один из дней /209/ большинство их узнало о прибытии исламского войска, то они пожитки свои по обычаю перетащили на вершину горы. Исламская армия захватила их овец и сожгла дома. Кафиры рассчитывали на недоступность тех гор, полагая, что туда никто не может проникнуть. Когда подошли августейшие знамена, то войску было разрешено со всех сторон подняться на гору. Повинуясь [высочайшему] приказанию, войска направились на эти горы. Шайх Арслан, погнав больше всего врагов на лагерь левого фланга, одержал победу над кафирами и захватил [их]. 'Али Султан, погнав кафиров с другой стороны, овладел их месторасположением. Шах Малик, проявив в бою безграничные старания и усилия, выдержал жестокие стычки. [Вообще] победоносное войско со всех сторон выказало [свою] отвагу и храбрость, но все же трех постигла смерть: они сорвались с вершины горы и погибли. Мубашшир-тура, захватив... [177](#), мужественно выдержал боевые схватки. Мингли-

хваджа с группой бахадуров, отобранных им из своего отряда, бросился вперед и взобрался на верх горы. Сунджик-бахадур, выстроив свое войско, тоже выдержал упорный бой. Шайх Арслан, направившись впереди своих подчиненных и войска, взобрался на гору и, ударами меча прогнав врагов, овладел их местом. Муса, Хусайн Малик и эмир Хусайн провели трудные бои. Остальные эмиры туманов и хазара, храня честь армии, устроили облаву и окружили со всех сторон укрепление кафиров. В течение трех дней всех этих неверующих забрали и перебили. На четвертый день их главари из-за [своей] слабости и безвыходного положения явились с выражением покорности и попросили пощады. Эмир [Тимур] заметил: “Дарование жизни и прощение вины есть похвальное качество и достойное одобрения природное свойство человека, но кафиры не заслуживают милосердия. Высочайшее милосердие при **[194]** всей его необъятности не прощает их. “Поистине Аллах не прощает того, что ему придаются сотоварищи” [178](#). Если станете мусульманами, то я пощажу имущество ваше и

жизнь”. Столпившиеся кафиры, [услышав это], разорвали [на себе] пояс неверия и заставили попугая языка произнести сладкое, как сахар, слово исповедания веры /210/. Рожденный под счастливой звездой эмир, ради укрепления ислама, оказав им почет и уважение, пожаловал им халаты и отправил в свои дома. Злосчастные кафиры, вернувшись в свои гнезда и места, опять перешли в неверие и заблуждение и ночью напали на эмира Шах Малика. Счастливый эмир, [охваченный религиозным] фанатизмом, направился на них и с одной атаки оказался победителем; он приказал забрать в плен женщин и детей, а поганые головы [кафиров-мужчин] отсечь и, собрав вместе, сделать из них пирамиды на вершинах холмов и у мест проходов, чтобы послужили они уроком для всех взирающих на них. Предоставив затем большое войско Мухаммад Азаду, [эмир Тимур] послал его против К. тура; тот отправился, но поскольку он не мог взять [К. тур], то распорядился извлечь из земли [спрятанное в ямах] все зерно вилаета. Джалал и Пир 'Али ¹⁷⁹ доставили его величеству известие, что через ту сторону дорога

оказалась трудною. Счастливый эмир с огромным войском выступил по направлению этого горного края и достиг [его]. Здесь горы были еще выше и недоступнее, чем бывшие до этого, а дороги [через них] более трудны. [Но] высшее могущество, помощь и победа сопутствовали его величеству. До этого он Дал огромное войско Бурхан-углану, чтобы хитрость его рукою взялась за какое-либо занятие, а мужество его преодолело бы это важное дело. В действительности же Бурхан-углан был бездельник и трус. [Эмир Тимур] сделал его командующим войсками, дал ему в помощь Исма'ила, Аллахдада, Сундж Тимура, Йахью, Даулат-шаха “тата”, Адина, Шайх Хасан Таухина ¹⁸⁰, Саин Тимура, Шамс Урдушаха и Хирй Малика и, посылая их с ним, сказал: “Когда вы достигнете вражеской крепости, то, захватив крепостной район, должны сделать все возможное для установления связи между мною и вами” ¹⁸¹. Они с отборными людьми и лошадьми отправились [в поход]. Когда же достигли поставленной им цели, то не остановились [и не закрепились] и, еще не видя врагов, побежали. Враги

же, увидев, что они обратились в бегство, **[195]** набравшись храбрости, бросились их преследовать и разить стрелами. Здесь Адина, Шайх Хасан и Даулат-шах [тат] /211/, прилагая все усилия, сражались с кафирами и пали мучениками за веру. [Вообще] много народа из [исламского] войска в тот день нашло себе смерть мученическим образом. Для укрепления [духа в] войске ислама, сделав начальником Мухаммад Азада, [эмир] послал Даулат-шаха, Шайх 'Али, Идку Хизра, Шайх Мухаммада и 'Али с несколькими другими рабами, рожденными в высочайшем доме, с сотнею тюрков и с тремястами таджиков [узнать, в чем дело]. Когда они прибыли [в назначенное место], то увидели лишь месторасположение неприятеля, а из исламского войска людей не нашли, потому что Бурхан-углан прежде всех, бросив боевые доспехи и оружие, бежал. Со времени Чингиз-хана [182](#) до этого времени подобного бесчестья еще никто не совершил. Когда Мухаммад Азад достиг того места, [где потерпел поражение Бурхан-углан], он приложил большое старание [к восстановлению престижа

победоносного войска]; не дорожа жизнью, он начал битву и [в результате], погнав врагов, отбил у них боевые доспехи и лошадей, которые попали к ним от исламского войска, и возвратился с победою и торжеством. Все награбленное [кафирами] и оружие доставил в войско. Всякий, узнавший свое оружие, брал [его себе]. Мухаммад Азад, увидав Бурхан-углана, сказал ему: “Самое лучшее нам здесь остановиться и провести на этом месте ночь”.

Бурхан-углан, малодушничая, не прислушался к этим словам и немедленно повернул назад. Когда войско увидело, что он возвращается с места боя, то оно повернуло в обратный путь.

Стих

Спина военачальника обладает искусством увлекать [за собою] всадников.

Когда вождь войска бывает в такой мере трусом, то на что же может надеяться армия?

Перед этим, когда его величество выступил в поход в область узбеков и когда мужи воины и храбрецы времени, жертвуя своею головою и жизнью, проявляли мужество и отвагу, он [Бурхан-углан],

потеряв самообладание, обратился в бегство. Его величество, несмотря на то что узнал о таком недостойном его поступке, прикрыл его [своими] благородными качествами и по-прежнему сохранял к нему уважение. На этот [196] раз случилось более гнусное деяние [со стороны Бурхан-углана]. В тот раз он по крайней мере бежал, увидев неприятеля, а в этот раз даже не видя его, а только ошибочно подозревая о его присутствии. Его величество, оказав милость, передал войско Мухаммад-Азаду, проявив в отношении поощрения его много забот, а тех, которые в соответствии с ним выказали мужество /212/, он осыпал многими милостями. В месяце зу-л-хиджжа, посоветовавшись с эмирами, [его величество] направился в Кабул. Оставив обоз и выступив налегке в [дальнейший] поход, достиг места Дурин [183](#), где расстелил ковер счастья и остановился там на два дня”.

Комментарии

1 В тексте ***

2 12 января 1399 г. В тексте ошибочно 'в понедельник'. — *Ред.*

3 Параллельно месту, начинающемуся с первых слов этой главы и до сих пор, в персидском тексте (стр. 152 — 154) приведено извлечение из рукописи Британского музея.

4 Коран, 21 (18).

5 Коран, 40 (16).

6 Коран, 84 (1).

7 Коран, 14 (49).

8 Коран, 89 (22).

9 Коран, 79 (1).

10 Коран, 82 (2).

11 Последние три слова взяты из Корана, 55 (31).

12 До этого места, начиная со слов “Так как заполучили в качестве добычи” и т. д., в тексте дано

параллельное извлечение из вышеназванной рукописи.

13 Название двух ересей, представляющих божество в антропоморфных образах (вроде мушаббихитов, полагавших, что бог создал Адама буквально по своему собственному подобию).

14 Мутазилиты — приверженцы мусульманского течения, отрицавшие качества или атрибуты божества, признававшие свободу воли в человеке, сотворенность Корана и пр. Джахимиты — примыкавшие по своим воззрениям к мутазилитам, приверженцы рационалистического мусульманского течения среднеазиатского происхождения.

15 Т. е. вся вселенная от той легендарной чудовищной рыбы, на которой якобы утверждена земля, до высочайшей точки неба, звезды Арктура.

16 В тексте ***.

17 В тексте ошибочно `во вторник'. — *Ред.*

18 13 января 1399 г.

19 Букв.: — ***.

20 В тексте ошибочно 'в среду'. — *Ред.*

21 В тексте ***.

22 В тексте *** — *Ред.*

23 Начиная с первых строк этой главы и до сих пор в тексте (стр. 158 — 160) приведено параллельно аналогичное извлечение из рукописи Британского музея.

24 В тексте ошибочно 'в субботу'. — *Ред.*

25 17 января 1399 г.

26 Игра слов: 'бихруз' — значит 'счастливый' и 'бадруз' — 'злополучный'.

27 Бакан (баккам) — широко известная красная краска, добываемая из так называемого бразильского дерева.

28 В тексте ошибочно 'на воскресенье'. — *Ред.*

29 В тексте ошибочно 'в воскресенье'. — *Ред.*

30 В параллельном тексте ***.

31 В тексте ошибочно 'в понедельник'. — *Ред.*

32 19 января 1399 г.

33 В тексте ***.

34 В тексте ошибочно 'во вторник'. — *Ред.*

35 В тексте ***.

36 В тексте ошибочно 'в среду'. — *Ред.*

37 21 января 1399 г.

38 В тексте ***

39 В тексте ***

40 В тексте ошибочно 'семнадцатого числа' (см. следующую дату). — *Ред.*

41 22 января 1399 г. — *Ред.*

42 Игра слов: *** означает узорчатую сталь клинка (букв. муравья клинка').

43 Та же игра слов, ибо термин 'дамасская сталь', 'струйчатый дамаск' передается словом *** — 'жемчуг'.

44 Т. е. индийские сабли.

45 Начиная с этой главы и до сих пор оригинальный текст сопровождается извлечением такого же содержания (стр. 163 — 165) из рукописи Британского музея.

46 В тексте ошибочно: 'одиннадцатого'. В тексте "Зафар-нама" — 'шестнадцатого'.

47 В рукописи Британского музея — ***

48 В рукописи Британского музея — ***.

49 23 января 1399 г.

50 23 февраля 1399 г.

51 В печатном индийском издании "Зафар-нама" — ***

52 Т. е. подушная подать. — *Ред.*

53 В тексте ***

54 В тексте ***

55 В тексте ***

56 Коран, 31 (19).

57 23 февраля 1399 г.

58 В тексте ***

59 В тексте ***

60 Хатли — лошадь из Хатля, или Хатлана, славившегося своею породю коней (Куляб в бывшей юго-восточной Бухаре, ныне в составе Таджикской ССР).

61 Ихрам — особая одежда паломника-мусульманина, которую он надевает, вступая в священную область Аравии; ихрам состоит из двух кусков ткани, прикрывающих верхнюю и нижнюю часть туловища.

62 Это же самое изложено в рукописи Британского музея труда Низамаддина Шами так: “... прибывши к

месторасположениям [убежища) мира, на той остановке присоединились [к его величеству] Улджай Тимур, Кауджин и Маулана Нураддин, которые от него проходили [в Кашмир?]. Они подтвердили, что эмиры высочайшего дивана признали за благо, чтобы он [Шах Искандар] удостоился поцеловать [августейший] ковер, [явившись на поклон к его величеству], и привел бы в виде подарка тридцать тысяч коней. Для объяснения и распоряжения по сему [требованию] они вернулись” (стр. 174).

63 25 февраля 1399 г.

64 Коран, 59 (2).

65 См. Коран, 2 (284 и 285), где имеются аналогичные выражения.

66 26 февраля 1399 г.

67 В тексте ***.

68 В тексте ***.

69 28 февраля 1399 г.

70 В тексте ***.

71 В тексте ***.

72 Букв.: 'обладатель счастливого сочетания звезд'.
— *Ред.*

73 До сих пор, начиная со слов “Шестнадцатого числа месяца джумади ал-ахира” и т. д., приведено параллельное извлечение (стр. 172 — 177) из рукописи Британского музея.

74 2 марта 1399 г. — *Ред.*

75 В тексте ***

76 В тексте ***.

77 В тексте ***.

78 В тексте ***

79 До сего места со слов “Дело в том, что были две ...” и т. д. параллельно приведено извлечение из рукописи указанного труда Низамаддина Шами такого же содержания.

80 Из известной сатиры Фирдауси на султана Махмуда Газни.

81 3 марта 1399 г. — *Ред.*

82 В тексте ***

83 В тексте *** — *Ред.*

84 В тексте ***.

85 5 марта 1399 г. — *Ред.*

86 В тексте ***.

87 6 марта 1399 г. — *Ред.*

88 В тексте ***

89 В тексте ***

90 В параллельно приведенном на этой странице извлечении из труда Низамаддина Шами сказано, что “в тот час благословенный взор [его величества] упал на одного из кушунов, по имени Мухаммад Азад; так как он [Тимур] в битве собственными глазами видел [его] отвагу”. Таким образом, можно думать, что

термин 'кушун' обозначал тогда не только определенную воинскую часть или отряд, но и входившего в его состав воина, или же что каждый 'кушун' назывался именем своего командира.

91 О термине 'кушун' у монголов и тимуридов см. *Б. Я. Владимирцов*, *Общественный строй монголов*, Л., 1934, стр. 194 и *В. В. Бартольд*, *Улугбек и его время*, Петроград, 1918, стр. 24.

92 В тексте *** — *Ред.*

93 В тексте ошибочно 'двадцать седьмого'.

94 7 марта 1399 г. — *Ред.*

95 Букв. 'мир'.

96 9 марта 1399 г. В тексте ошибочно 'в последний день полного лунного месяца (***) джумади ал-ухра', тогда как в этом месяце не 30, а 29 дней.

97 В тексте ***.

98 В тексте ошибочно 'в первый день'. — *Ред.*

99 10 марта 1399 г. — *Ред.*

100 В тексте ***.

101 В тексте ***.

102 В тексте ошибочно 'второго'. — *Ред.*

103 11 марта 1399 г. — *Ред.*

104 Букв. 'во время султанского завтрака'.

105 В тексте ***.

106 В тексте ошибочно 'третьего'. — *Ред.*

107 В тексте ***.

108 В тексте ошибочно 'четвертого'. — *Ред.*

109 13 марта 1399 г. — *Ред.*

110 В тексте ошибочно 'пятого'. — *Ред.*

111 В тексте ошибочно 'шестого'. — *Ред.*

112 Молитва, совершаемая между полуднем и закатом солнца.

113 В тексте ошибочно 'восьмого'. — *Ред.*

114 18 марта 1399 г.

115 В тексте ***.

116 Со слов “Утром в воскресенье...” и т. д. и до сего места (стр. 189 — 194) приведено параллельно извлечение из рукописи Британского музея.

117 В рукописи Низамаддина Шами ***.

118 В тексте ошибочно 'девятого'. — *Ред.*

119 В тексте ошибочно 'десятого'. — *Ред.*

120 20 марта 1399 г. — *Ред.*

121 Букв.'новая река'. — *Ред.*

122 В тексте ***

123 В тексте ошибочно 'двенадцатого'. — *Ред.*

124 В тексте *** в печатном издании Зафар-нама — *** (Шабарту).

125 Нахушак — уменьшительное от слова нахуш — 'больной'.

126 В тексте ошибочно 'тринадцатого'. — Ред.

127 24 марта 1399 г. — Ред.

128 Параллельно месту со слов “В этот день, между . . .” и т. д. и до сих пор в тексте дано (стр. 193 — 197) извлечение из рукописи Британского музея.

129 Для пояснения этого следует отметить, что в упомянутом извлечении из Низамаддина Шами есть указание: эмиры и сановники Тимура ввиду его болезни раздавали милостыню и совершали разные благотворительные дела, а духовенство и праведные люди молились за него на утренней заре (когда молитвы, по верованию мусульман, бывают особенно приемлемы Аллахом).

130 Коран, 17 (84).

131 В тексте ***.

132 В тексте ***.

133 В тексте ошибочно 'девятнадцатого'. — Ред.

134 28 марта 1399 г. — Ред.

135 В тексте ошибочно *** (Симанкар).

136 В тексте ***.

137 В тексте ошибочно 'двадцатого'. — *Ред.*

138 В тексте ***.

139 Т.е. Аму-Дарьи; в тексте ***.

140 У Низамаддина Шами прямо сказано 'принц мира' (***), в нашем тексте Гийасаддина 'Али указано 'владыка мира', но, судя по относящимся к этим словам эпитетам, имеется в виду, конечно, не Тимур.

141 В тексте ошибочно 'двадцать третьего'. — *Ред.*

142 1 апреля 1399 г. — *Ред.*

143 В тексте ошибочно 'двадцать четвертого'. — *Ред.*

144 Т. е. остановился в этой местности.

145 В тексте ***, у Низамаддина Шами ***. Кроме того, в тексте ошибочно 'двадцать пятого'.

146 В тексте***.

147 В тексте ***.

148 В тексте ***.

149 В тексте начиная со слов “Благодаря благословению [утренних]...” и т. д. до этого места (стр. 197 — 200) дается параллельное извлечение из рукописи Британского музея.

150 8 апреля 1399 г.

151 В тексте ошибочно 'в понедельник'. — *Ред.*

152 22 апреля 1399 г.

153 Современный Тахта-Карача — перевал на Зерафшанском хребте на границе бывшей Самаркандской области с бывшим Бухарским ханством.

154 26 апреля 1399 г.

155 Букв. — 'показывающий мир'.

156 Джаханнумай — сад и дворец Тимура, находившиеся при селении Кара-Тепе, в 24 км к югу от Самарканда. (См. “Самария”, перев. В. Л.

Вяткина, прим. 25 в “Справочной книге Самаркандской области за 1898 г.”. Самарканд, 1898, стр. 227.)

157 Букв. 'благоустроенный счастьем'; сад в тот находился в селении Даргот (см. “Самария”, прим. 25, стр. 227).

158 В тексте ***.

159 Сад Дилгушай находился в 6 км к востоку от Самарканда в селении Бидак, ныне Чумчуклы (см. “Самария”, прим. 25, стр. 227).

160 29 апреля 1399 г.

161 См. Коран, 35 (31, 32).

162 В тексте ошибочно: *** (стр. 203).

163 Букв. 'чинаровый сад'; Баг-и Чинар находился на правой стороне арыка Сиаб за стеной, окружавшей пригороды столицы.

164 Букв. 'картина мира'. Накш-и Джахан был расположен у подножия Чупан-Ата (см. *В. Л.*

Вяткин, Материалы к исторической географии Самаркандского вилаета, Справочная книга Самаркандской области, 1902 г., Самарканд, 1902, стр. 22 и 34).

165 Начиная со слов “Во вторник, в первый день месяца ша'бана” и т. д. и до сих пор, в оригинале (стр. 201 — 204) текст сопровождается извлечением аналогичного содержания из рукописи Британского музея.

166 Коран, 9 (18).

167 10 мая 1399 г.

168 В тексте ***

169 С начала этой главы и до сего места в тексте (стр. 204 — 206) параллельно приведено извлечение из рукописи Британского музея.

170 В тексте ***.

171 6 декабря 1606 г. — *Ред.*

172 Последний абзац добавлен переписчиком и содержит дату переписки. — *Ред.*

173 В опубликованном тексте — “Appendix”. Эта глава приводится из рукописи Британского музея труда Низамаддина Шами, л. 124 б (этих подробностей Ташкентская рукопись не имеет).

174 В тексте ***.

175 В тексте — ***.

176 Букв. 'налоги и поземельная подать'.

177 В тексте что-то пропущено.

178 Коран, 4 (51).

179 В тексте ***.

180 В печатном издании “Зафар-нама” ***

181 Букв., 'чтобы от нас к вам доходило то или иное известие'

182 В тексте ***

183 В тексте ***